

СЕРГЕЙ МИЛУШКИН

НОЧЬ СТРАШНЕЕ ДНЯ. ЖИЗНЬ СТРАШНЕЕ СМЕРТИ

ЗАРАЖЕНИЕ

РОМАН

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Сергей Милушкин

Заражение

«Автор»

2019

Милушкин С.

Заражение / С. Милушкин — «Автор», 2019

В детском саду небольшого подмосковного города Огненск, сотрясаемого мусорными проблемами, проходит плановая вакцинация к предстоящей зиме. После укола одна из девочек впадает в кому. Андрей Лосев, журналист местного портала, желая помочь дочери, соглашается участвовать в тестировании новой вакцины от гриппа. Вскоре он обнаруживает истинную причину комы и становится свидетелем эпидемии, вырвавшейся из института вирусологии Огненска. Цена, которую ему придется заплатить, чтобы спасти дочь, оказывается слишком высока. А вирус тем временем расползается, грозя прорваться в Москву...Содержит нецензурную брань.

© Милушкин С., 2019

© Автор, 2019

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Сергей Милушкин

Заражение

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced in any form or by any electronic or mechanical means, including information storage and retrieval systems, without written permission from the author, except for the use of brief quotations in a book review.

Все права защищены.

Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в любой форме и любыми электронными или механическими средствами, включая системы хранения и поиска информации, без письменного разрешения автора, за исключением использования кратких цитат в обзоре книги.

Автор не несет ответственности и не предоставляет гарантий в связи с публикацией фактов, данных, результатов и другой информации.

Все имена, персонажи и названия являются вымышленными. Любое совпадение с реально живущими или жившими людьми, названиями, наименованиями случайно.

В оформлении обложки использована фотография автора studioalef «Lost child holding an old lamp in an apocalyptic environment» с <https://www.shutterstock.com/image-photo/lost-child-holding-old-lamp-apocalyptic-1038821770?src=library>

Signed model and property release on file with Shutterstock, Inc.

Standard license type

От автора

Дорогой Читатель!

Начиная роман «Заражение», я и не думал, что мне придется столкнуться с собственными страхами на столь глубинном уровне. Как и все в детстве, я очень боялся врачей, уколов и всего медицинского. Никакими коврижками меня нельзя было затащить в поликлинику даже на банальный осмотр, не говоря уже о прививке или посещении стоматолога.

Тогда я негодовал, упирался и трепетал, испытывая, поистине inferнальный ужас перед больницами и людьми в белых халатах.

Я вырос. Но страхи остались. Я просто запрятал их глубоко внутрь себя и сделал вид, что они не существуют. Однажды мой ребенок перестал дышать. Только что он играл на ковре с кубиками, потом посинел, завалился набок, изо рта пошла пена.

Холодный ужас парализовал меня. Я буквально видел, как бесплотное чудовище наблюдает за мной из-за портьеры. Оно оценивало меня. Оно беззвучно смеялось.

И тогда я собрал всю волю, всю которую только смог в кулак, и начал действовать. Руки тряслись, воздух застревал в легких, мысли со скрежетом продирались сквозь парализованное сознание.

И я победил. Я сделал это. Я помог своему сыну.

Позднее я понял одну важную вещь – страхи даны нам, чтобы их преодолевать. Рано или поздно чудовище из темной комнаты, скребущее по ночам за дверью, выйдет на свет и предстанет во всем своем безобразном величии. И, как бы ни было страшно, нужно суметь поднять голову и взглянуть на него. Это нужно сделать, чтобы жить дальше. Жить свободным человеком. Растить детей и помогать уже им преодолевать собственные страхи, ужасы и комплексы.

Я не говорю, что нужно быть героем из комикса. Вряд ли кто-то из нас наделен такими героическими качествами, каковыми порой писатель наделяет своих героев, чтобы помочь им пройти испытания. Да и признаться, я сам не люблю таких героев. Они кажутся картонными, ненастоящими.

Обычный человек со всеми присущими ему слабостями и пороками, тот человек, которым мог быть я сам, – вот кто по-настоящему интересен.

Что бы сделал каждый из нас в необычных обстоятельствах, как повел себя? Не струсил бы? Смог бы поднять голову и взглянуть зверю в лицо? – вот главные вопросы, которые я задаю по ходу романа.

Мне бы хотелось, Дорогой Читатель, чтобы у вас, если настанет такой момент, хватило мужества сделать шаг и принять верное решение. Как бы ни было страшно, жутко, каким бы все не казалось серым, безысходным, отвратительным, всегда есть надежда. Всегда есть маяк. Всегда есть люди, ради которых можно сделать невозможное.

Я буду считать свою задачу выполненной, если после прочтения книги перед вами, Дорогой Читатель, забрезжит маяк надежды.

Монстры, конечно же, существуют, но в наших силах дать им хорошего увесистого пинка!

С искренними пожеланиями,
Сергей Милушкин

Глава 1

Потом взошел на гору и позвал к Себе, кого Сам хотел; и пришли к Нему.
(Мк. 3:13)

31 октября 2014 года

Телефоны разрывались. Они звонили одновременно, все сразу. Ровные ряды кабинок операторов, разделенные пластиковыми перегородками, можно было принять за соты, а их тружениц за пчел. Жужжание электронных зуммеров для постороннего могло показаться ужасающе монотонным, выматывающим все нервы и душу. По сути так оно и было. Концентрация человеческих проблем на квадратный метр в этом месте достигала критических размеров – и, если бы случайный человек вдруг оказался в центре звенящего сумбура, у него, скорее всего, вылезли глаза из орбит.

Женские макушки разных цветов – блондинки, брюнетки, рыжие – с надетыми поверх наушниками чуть возвышались над перегородками, ритмично покачиваясь в такт беседы или печати очередного заказа-наряда. Перед каждой девушкой светился монитор, увешанный клейкими листочками с подсказками, чуть правее, на светлой шершавой столешнице – клавиатура, блокнот для быстрых записей и пометок, чашка, ложка, плитка шоколада или пара конфет.

У некоторых стояли рамки с семейными фотографиями, безделушки и даже иконки, – Николая Угодника, Николая Чудотворца, Матроны Московской, Спасителя – видимо, чтобы хоть немного разрядить наэлектризованную обстановку: специфика работы требовала моментальной реакции на любой самый сложный вопрос, заданный далеко не ласковым тоном. Откровенно говоря, в наушниках редко раздавалась спокойная человеческая речь. Даже слегка протекающий смеситель на кухне, шумящий унитаз, приподнявшийся линолеум, были поводом вывалить на работниц горячей линии всю ту кучу дерьма, что копилась у звонящих годами.

Городская диспетчерская принимала на себя весь вал обращений горожан. По задумке нового мэра города, который и внедрил горячую линию, это упрощало решение городских проблем.

Жители пятиэтажки, на первом этаже которой располагалась служба, часто видели карету скорой помощи, замершую у непримечательной двери без таблички. Водитель, терпеливо ожидая врачей, курил, сплевывая под ноги.

Помещение диспетчерской представляло собой светлую вытянутую комнату офисного типа, с большими окнами, заклеенными почти до верха непроницаемой пленкой от любопытных глаз снаружи. Сверху, сквозь узкую полоску чистого стекла проглядывало хмурое октябрьское небо. Ни вывесок, ни опознавательных знаков – проходящий мимо серого жилого здания человек видел задранные витрины и больше ничего. Раньше здесь размещался универмаг, а после его банкротства городские власти оставили помещение для собственных нужд. Мало у кого возникало желание поинтересоваться, что скрывается за серой дверью, слившейся со стеной, – если не звали на вечеринку, лучше без спроса не входить, иначе хозяевам может не понравиться чужак.

– Ваше обращение зарегистрировано, ожидайте аварийной службы, – сказала в микрофон Оксана Лосева. Ее кабинка находилась ближе всего к выходу. Она вертела шариковую ручку тонкими пальцами, проверяя, правильно ли оформлена заявка гражданина с улицы Садовой, 22. У того прохудилась батарея и после включения отопления мощная струя горячей воды брызнула на кухню, залив всю комнату.

– Я не могу больше ждать, у меня под ногами все плавает, кто за это ответит? Кто, твою мать, сделает мне ремонт? А соседям кто заплатит за потоп? Чего молчишь, дура? Я с тобой разговариваю! Отвечай!

– Гражданин Усольцев, успокойтесь. Не нужно так реаги...

– А как мне еще реагировать, жирная свинья! Расселась и мямлит, пока меня заливают из чертовых гнилых батарей, которые обещали поменять три года назад! Где аварийная? Два часа прошло! Я тебя достану, ты меня слышишь? Я найду тебя и порву на части, скотина безмозглая!

– Гражданин Усольцев, с момента вашего обращения в диспетчерскую службу прошло семь минут. В течение пятнадцати минут по нормативу аварийная прибудет по вашему адресу. Постарайтесь пока перекрыть течь толстым полотенцем или подложите под струю воды таз или ведро. Я делаю, все что в моих силах...

Наушники содрогались на ее голове. Оксана привсталась. В соседней кабинке работала Лена Ширко. Она лишь заметила, что та склонила голову и в уголке ее глаза, смешавшись с тушью, набухла дрожащая слеза. Лена качала головой, пытаясь что-то объяснить в черный поролоновый микрофон у рта, но, видимо, у нее не получалось – при каждой новой реплике клиента, она сильно вздрагивала, словно по спине бил невидимый кнут.

– Ты в своем уме?! – Усольцев орал в трубку так, будто его горло залудили жидким оловом. – Какой норматив, какой тазик?! Я тебе этот тазик засуну в твою жирную задницу, поняла! Где они, я тебя спрашиваю?

– Они уже выеха...

– Если они не приедут через пять минут, молись. Молись, сука! Я сгною тебя в собственном дерьме, тварь проклятая! Найду, где ты пасешься, тварь недоделанная, она мне, заслуженному пенсионеру, будет рот затыкать, и...

Оксана услышала, как на том конце провода прозвенел дергающий за нервы звонок входной двери. Ремонтная бригада водоканала прибыла даже раньше. У нее дрожали руки. Холодная испарина покрыла лоб, в висках часто стучало.

Связь прервалась. Усольцев бросил трубку, не договорив.

«Заявка выполнена», – отметила она галочкой завершённый звонок, закрыла на экране форму с заполненными данными и снова взглянула на Лену – та уже плакала, не скрывая слез, растирая их по левой щеке тыльной стороной ладони. Круглые белые часы «Луч» на стене в конце зала показывали «16.15». До конца смены оставалось чуть больше полутора часов. В семь ноль-ноль она должна быть в церкви на службе. Мысленно помолвившись, она нажала на кнопку приема нового вызова.

Начало отопительного сезона ознаменовало всплеск активности горожан: как только среднедневная температура опускалась ниже восьми градусов по Цельсию, диспетчерская разрывалась от звонков. Каждый, абсолютно каждый звонок был криком ненависти, посылающим оператора прямо в ад.

Сосредоточившись на новом звонке, боковым зрением она заметила, как входная дверь открылась, в гардероб с улицы проскочила одна из девушек, а за ней в фойе вошла плотная тень, заслонившая собой, как ей показалось, и без того довольно тусклый свет (нет, яркие лампочки мы вставлять не будем, потому что у девочек болят глаза от длительного яркого освещения). Чертова экономия! Они экономят даже на лампочках, – подумала она.

Впрочем, она тут же переключила свое внимание на новую проблему, а именно, нашествие клопов на первом этаже нового, только что построенного дома рядом с центром города. Хозяйка квартиры, некто Стефания Живилло, была в такой ярости, что слюни, которые она в буквальном смысле выплевывала в трубку, выкрикивая ругательства и проклятия в адрес диспетчерской службы, кажется, вылетали из наушников и микрофона прямо в лицо Оксаны.

В отражении пленки на окне она заметила темную беспредметную тень, скользнувшую за спиной – потянуло осенним холодом, ворвавшимся с улицы и сразу стало неуютно, мерзко – так бывает только поздней осенью, если из теплого помещения выйти в морозящий сумрак.

– Я только что купила, твою мать, эту квартиру, а ты мне говоришь, что блох, или кто это здесь прыгает, смогут травить только завтра? Это же элитный дом, ты понимаешь? Ты вообще хоть что-нибудь понимаешь, или ты вчера из Урюпинска приехала?

– Это не аварийная заявка и я не могу оформить быстрее... К тому же рабочий день на исхо...

– Да мне насрать на твой рабочий день, ты у меня сама как блоха будешь танцевать, если они сию секунду не выведут эту мерзость! – дама задыхалась от злости, ее корежило, голос срывался – и где-то в ее пустой новой квартире лаяла подзуживающим залившимся лаем собака, очевидно, мелких, самых пакостливых пород.

– Если моя Томочка заразится блохами, я...

– Вам оформлять заявку на завтра? – спросила Оксана, косясь вправо. Лена уже закончила разговор и странно пяtilась, если это можно так назвать, учитывая небольшие размеры кабинки – к ее внутреннему углу, при этом не вставая с кресла на колесиках, так что Оксана видела только верхнюю часть ее вдруг побелевшего лица.

– Оформляй! Но учти, если...

В этот момент сильный удар и звон осколков крупного предмета заставил ее вздрогнуть. Наушники едва не соскочили. Оксана не расслышала, чем закончила фразу Стефания Живилло с улицы Мира.

Тень позади нее схватила микроволновую печь, стоящую в закутке справа от входа и со всего размаха бросила тяжелый предмет на плиточный пол. Осколки с ужасным грохотом разлетелись по залу, а человек в черном кожаном плаще, похожем на плащ гестаповца (где он вообще его взял?!) с перекошенным лицом и стекающей слюной, слегка согнувшись, словно у него болел живот, направился между кабинками. Очень, очень медленным шагом. Он что-то высматривал.

Ну вот, подумала Оксана. Пришел чей-то клиент. Допрыгались. Между собой они давно говорили, что рано или поздно это случится. Начальство не обращало внимания на предупреждения и угрозы, отнекиваясь тем, что адрес диспетчерской не афишировался и никто из клиентов не мог его узнать. Так что, дорогие девушки, волноваться нечего и незачем раздувать из мухи слона. Кому вы нужны, в конце концов. Простые телефонистки, нечего строить из себя неизвестно кого.

– Ла-мо-лек... Ло-титтен-лаха-абир ла-мо-лек*¹! – прошептала тень, дергая головой вверх-вниз, словно у него был сильный тик или даже приступ эпилепсии. – Ла-мо-лек... лаха-абир...

Сначала почти все девушки решили, что это шутка. Кто-то из руководства или профсоюзом таким образом решил отметить Хеллоуин. Правда, до Хэллоуина оставалось еще неделя, но мало ли, что могло взбрести в голову руководству.

В моменты крайней опасности большинство жертв решает, что они стали участниками розыгрыша, шутки, сильно неуместной и вовсе не смешной, – но что сейчас вообще уместно? Может быть это снимает свое тупое шоу очередной отморозенный ютубер, проникший на закрытую территорию. Потом он выложит видео в сеть, чтобы толпа посмеялась с реакции девушек-операторов, заплатит штраф за мелкое хулиганство, и заработает неплохой капитал на просмотрах. Если же кто-то в процессе съемок отреагирует слишком эмоционально, упадет в обморок, возникнут сложности, заработок возрастет многократно. Провокация – основа современного бизнеса.

---

¹ . Не отдавай ее на растерзание Молоху (др.-еврейск.)

Мужчина медленно шел между кабинками. Его губы шевелились, он постоянно твердил эти странные слова, сильно похожие на речь какого-нибудь шахида из телевизора. Даже те, кто сейчас принимал бытовые заявки от населения, притихли, не желая своим голосом случайно привлечь его внимание. Неизвестно, кем он был – сумасшедшим клиентом, разбушевавшимся жителем Огненска, сбежавшим пациентом психбольницы или же вообще настоящим террористом. Возможно, учитывая, что весь контингент работниц составляли девушки и женщины – чьим-то отверженным ухажером и даже лучше, чтобы так и было. Лучше. Только вот...

На доброй сотне страниц подробнейших инструкций касательно любой бытовой проблемы или аварии, будь то утечка газа, прорыв трубы, нашествие тараканов или короткое замыкание, которые девушки заучивали наизусть, подобных ситуаций не рассматривалось. Они сидели, замерев, краем глаза косясь на медленно двигающуюся фигуру мужчину с неприятным, даже скорее, отвратительным дергающимся лицом и всеми признаками острого респираторного заболевания.

В своем эсесовском плаще, заложив руки в карманы (в которых явно что-то было), он ступал тяжелыми ботинками-берцами по осколкам разбитой микроволновки. Влажные, выпученные глаза были покрыты красными прожилками, будто он не спал трое суток. Нижняя выпяченная губа тряслась, с нее свисала пузырящаяся капля слюны. Длинные, иссяня-черные взлохмаченные волосы как у рок-звезды топорщились – он вынимал руку из кармана и порывистым движением зачесывал их назад, чтобы они не подали на его блестящий от пота лоб. На вид ему можно было дать лет двадцать пять тридцать.

«Кажется, у нас проблемы», – быстро написала в общем чате Оксана. Мужик в плаще уже прошел мимо нее и на какое-то время она выпала из его поля зрения.

В случае угрозы жизни, преступления, нарушения порядка, пожара бывало так, что люди, запыхавшись, позабыв обо всем на свете, путали номера и звонили в городскую диспетчерскую. Диспетчер тут же переключал на соответствующую службу – скорую помощь, полицию или пожарную, – исполняя роль службы 911. Технически это было предусмотрено системой. Но сам диспетчер для себя такую штуку проделать не мог – для обращения к экстренным службам требовалось сформировать заявку, потом передать ее вместе с ожидающим на линии абонентом нужной службе – и все это путем нажатия как минимум десятка клавиш, не меньше. Разумеется, стук кнопок будет отчетливо слышен, никакого шанса оформить заявку бесшумно не существовало.

Она покосилась в сторону камеры, укрепленной над кабинетом заместителя директора диспетчерской, в сторону которого медленно двигался человек в плаще. Он что-то искал, по крайней мере, выглядело это именно так.

В помещении работало видеонаблюдение. Больше ради галочки, – один терминал у зама, он как раз сидел за серой непримечательной дверью с наклеенным производственным календарем, второй экран у директора службы, вход к которому вообще находился с другой стороны здания.

Можно было вызвать полицию по мобильнику, но дежурный, разумеется, начнет задавать вопросы, спрашивать фамилию, адрес, выпытывать, что случилось, потом потребует описать нарушителя, и на эти вопросы нужно что-то отвечать, иначе он просто не примет вызов.

Тревожная кнопка отсутствовала: разве могут возникнуть проблемы в обычной диспетчерской службе? Деньгами здесь не пахло, никто не принимал и не выдавал наличные, а самой ценной вещью была разбитая вдребезги микроволновая печь. Значит, и проблем, по сути, быть не должно, – так рассудило начальство, решив сэкономить на охране.

Единственный способ привлечь внимание начальника смены – написать в общий чат в надежде, что он прочтет, прежде чем маньяк вломится в его дверь.

– Ма-ма... – продолжал то ли стонать, то ли хрипеть мужчина, пуская пузыри. – где... ты... мо-лек! ты! – Он вдруг дернулся, сделал пару шагов влево и схватил за волосы девушку

в кабинке – она попыталась увернуться, но не успела, длинные русые волосы оказались в его руке. – Ты что наделала?! Кто ты? – Он всмотрелся ей в лицо слезящимися глазами.

«Игорь, срочно вызывай полицию у нас проблемы посмотри камеру Игорь!!!» – трясущимися пальцами набрала Оксана в рабочий чат, пока маньяк, она уже решила, что это самый настоящий маньяк, возможно, террорист, был занят попавшей под руку девушкой. После каждой буквы она бросала взгляд на зловещую тень в плаще, нависшую над Аней Шлиман. Ей уже стало понятно, что никакая это не игра и не постановка, не глупый розыгрыш местного ютубера и даже не злая шутка к наступающему Хэллоину.

Все по-настоящему. Все, черт возьми, как в кино. Только по-настоящему.

В зале перестали раздаваться голоса, отвечающие на вопросы людей. Женская разногласица смолкла. Вместо этого безостановочно гудели зуммеры, на которые никто не отвечал – их монотонные трели, сливаясь, образовывали невыносимую какофонию. Кое-кто из операторов обхватил голову руками, чтобы скрыться от ужаса, уменьшиться, пропасть из поля зрения преступника. Никто ничего не понимал. От страха мало кто соображал и каждой девушке казалось, что маньяк смотрит исключительно на нее. А когда он схватил Аню Шлиман, все одновременно почувствовали его мокрую зловонную пятерню на своих волосах.

Неожиданно он бросил девушку на стол. Захлебываясь слезами, она простонала:

– Отпустите... пожалуйста... не убивайте меня... это не я... я ничего не...

– Не я... – повторил он за ней странным булькающим голосом. В груди его что-то клокотало, он попробовал откашляться, но не получилось. Тогда издав хрюкающий звук, он собрал всю эту мокроту и харкнул прямо на монитор. Тягучая красноватая слюна поползла вниз – медленно, как густой клей.

– У нее был другой голос. Это не ты.

Покачиваясь, он вышел из кабинки, бросив Аню на пол.

– Ма-ма... – по его щекам текли слезы. – Меня хотят убить... мо-лек... помо... – теперь он был похож на маленькую смертельно испуганную девочку. Состояние его менялось так быстро и разительно, что одно это вызывало оторопь.словно какой-то кукловод сидел внутри него, только вместо ниточек, он дергал за нервные окончания и мышцы его лица и шеи.

Оксана перебирала варианты. Выскочить за дверь? Успеет ли? Если у парня при себе оружие – ему полповорота и... наверняка она не успеет, ноги одеревенели, едва слушаются. Дверь всего в трех метрах, слева, за тамбуром. Но плитка на полу скользкая, к тому же, в мокрых потеках. Нужно вскочить, повернуть направо и удержаться на ногах, чтобы не упасть. Потом еще раз направо, в темноте нащупать ручку, благо изнутри для открытия двери требовалось просто на нее нажать.

«Игорь, он приближается к тебе. Где ты! Игорь!!!» – мысленно взывала она к заместителю директора.

Оксана увидела, как через три кабинки, улучив момент, ей кивнула женщина, это была Софья Павловна, она работала с самого открытия службы. Мэр лично пожал ей руку на открытие и подарил канцелярский набор с надписью «Все в твоих руках».

Софья Павловна показывала на дверь. Оксана поняла ее, но... Человек в плаще, мокрый с головы до ног, тоже заметил эти знаки и в мгновение ока подскочил к ней. Она попыталась защититься, будучи женщиной довольно крупной, на мгновение у всех зародилась мысль, что, возможно у нее даже получится, – Софья Павловна привстала, попыталась схватить мужчину за шею, чтобы повалить его, но он увернулся и коротким сильным движением ударил ее в грудь.

На белой блузе с фирменным голубым галстуком расплылось красное пятно – оно росло на глазах, расширяясь, пока не достигло черной юбки – тогда удивленная Софья Павловна опустила руку и медленно осела, привалившись к стенке кабинки. Ее полные ноги в черных лакированных туфлях с изящными бантами теперь торчали из-за пластиковой переборки.

Игорь Верба сидел в удобном черном кресле за изогнутым стол с примыкающим к нему столом поменьше, по бокам которого расположились стулья для совещаний. Сбоку стояла удобная тумбочка, шкаф для бумаг, на стене висела карта Огненска в крупном масштабе с отмеченными проблемными местами.

Всею свое время, – напоминал он себе, рассматривая пышногрудую красотку на порносайте. Вот уже второй час он не знал, чем себя занять – работа давно превратилась для него в скучную рутину. Если все пойдет хорошо, думал он, запуская очередное пикантное видео, в следующем году ему светит должность директора диспетчерской службы. Придется столкнуться с одной маленькой проблемой, а именно, начальницей отдела ЖКХ администрации города, которая не слишком ему симпатизировала. Ходили слухи, что она хотела протолкнуть на эту должность кого-то из своих.

Игорь прокрутил видео вперед. День тянулся очень медленно – в зале за дверью трезвоили телефоны, все как всегда – однообразно, без перерыва, выходных и праздников.

В команде операторов не было парней. Как он ни старался намекнуть начальнику, что хорошо бы на службу брать и ребят, тот сопротивлялся. Двое неизвестно как попавших к ним на работу студента, один года два назад, второй совсем недавно – не продержались и пары недель. Практически каждый звонок был источником повышенного стресса – крик, ругань, мат, причем диспетчер не имел права ответить грубостью на грубость и осадить хама. Нередко, Игорь, покидая кабинет, видел заплаканных девушек, и искренне жалел их. Но что он мог поделать? Взять трубку и наорать на звонящего?

Игорь посмотрел на время в нижнем углу монитора. До конца смены почти час, он успеет досмотреть надоевшее порно, а потом...

Ручка двери кабинета медленно опустилась вниз.

Обычно девочки стучат, подумал он, удивляясь еще и тому, что забыл закрыть дверь на замок. Горячая волна гнева поднялась откуда-то изнутри и захлестнула мозг. Кто такая? Кто посмел открывать его дверь, не постучав? Выговор и лишение премии! А еще перенести отпуск на самое неудобное время, и – никаких отгулов, за свой счет и прочих послаблений. Совсем распоясались, чуть дашь слабинку, они готовы на шею сесть, никакого уважения.

Последнее время он стал замечать за собой излишнюю строгость в отношении девушек, мог ненароком оскорбить, накричать, довести до слез, а то и вовсе – поднять руку. Себя он оправдывал, что стал всего лишь ответственнее подходить к обязанностям, не допускать расхлябанности на рабочем месте, наплевательского отношения к делу. Но, в глубине души он знал, что это не та строгость, которая требуется. Это самая настоящая первобытная жестокость, причины которой он не понимал. Хотя что там. Ему просто нравилось унижать тех, кто слабее. О... это распирающее ощущение абсолютной власти, самый мощный наркотик из всех придуманных...

Игорь мельком взглянул на экран видеонаблюдения и ужаснулся: примерно посреди зала, вытянув ноги в съехавших туфлях, лежала... кажется, это была Софья Павловна. Господи, подумал он. На ее груди, словно дыра в потусторонний мир, разверзлось черное пятно. Женщина не шевелилась.

Остальные диспетчеры, побросав вещи, кто в чем был, срывая на ходу наушники – ринулись к выходу. Он заметил Ольгу Прохорову, прижимавшую ладонь ко лбу, Риту Фельдман, Настю Лоскутовскую, Надю Франт, – не оглядываясь, расталкивая друг друга руками, они буквально ломались к тамбуру.

Только Оксана Лосева, рабочее место которой находилось возле двери, оставалась в рабочей кабинке. Ее глаза были расширены от ужаса, кажется она не могла сдвинуться с места. Перед ней, на блестящем полу протянулись темные скользкие отпечатки грязных следов. Искрой мелькнула мысль – «кто это, черт возьми, ноги не вытирает?!». На полу валялись осколки разбитой микроволновой печи.

Игорь сначала не понял, куда смотрит Оксана, она суматошно крестилась, губы ее дрожали, лицо исказила мерзкая гримаса. Когда же до него, наконец, дошло, было уже поздно. Позолоченная ручка, щелкнув замком, опустилась. Дверь кабинета отворилась. На мгновение перезвон десятков телефонных аппаратов перекрыл крик – ужасающий вопль смертельно раненного животного, разнесшийся в пустом фойе горячей линии города Огненска.

Глава 2

Осень 2012 года

Андрей оторвался от ноутбука, закрыл крышку, потом снова ее открыл – так и остался сидеть, глядя на жену слегка прищуренными уставшими глазами. Уже час, если не полтора, они спорили, стоит ли Саше делать прививку от гриппа или нет. Оксана твердо стояла на своем, она сидела в широком кресле перед телевизором, сжимая в руках распахнутую Библию.

– Нет, я против. У нас на работе девочка рассказывала, как сын ее знакомой...

– Зачем ты слушаешь, они наговорят что угодно!

– А кого мне слушать? Неужели ты веришь властям? Ты веришь, что все хорошо и гладко? Это же неправда, ты как журналист должен об этом знать лучше других. Полно слух...

– В том-то и дело, что я знаю. На прошлой неделе у нас вышел материал на эту тему, к тому же директор НИИ вирусологии – знакомый главного редактора, они учились вместе...

Оксана не отрывалась от экрана, ее лицо стало твердым и непроницаемым, в ярко-голубом свете – почти мертвым, словно вырезанным из гипса.

– Можно подумать, они скажут правду. Сам подумай, Андрей. Что они теряют? Для них это просто бизнес. Ты прекрасно об этом знаешь. А для нас – самое дорогое, наша дочь. Я не хочу рисковать. Никто нас на виселицу из-за прививки не отправит.

Андрей с трудом подавил подступившее раздражение. Чертово мракобесие. Когда они познакомились, Оксана была простой, веселой, жизнерадостной девушкой, интересовалась рассказами о науке, Вояджерами, бозоном Хиггса и почему глобальное потепление не так страшно, как его малюют.

Что случилось? Как он проморгал произошедшее с ней? А ведь звоночки были, были... чертова работа, погоня за хлебом насущным...

Он поднялся, подошел к холодильнику и выудил из него банку пива. Открыл с шипением, глотнул, стараясь прогнать злость.

– Дети очень восприимчивы к вирусам и тяжело их переносят. Ты слышала, что в Мексике творится? Эпидемия свиного гриппа. Скоро она дойдет и до нас, если уже не дошла. Лучше быть подготовленными.

– В Мексике? – Оксана нервно хихикнула, отчего Саша, которая спала в соседней детской комнате, перевернулась в кровати и что-то пробормотала. Над ее нежным безмятежным личиком нависли две тени – одна длиннее другой. – Ты еще скажи, на Луне. Давайте делать прививки от лунного гриппа, там же побывали космонавты, они могли привести любую заразу! Как же, это такая опасность! Ты мне сам рассказывал, что многие вирусы выживают на обшивке космического корабля, или уже забыл?

Андрей поморщился. Когда она была в таком состоянии, спорить было бесполезно и даже опасно – распаяясь, она становилась неуправляемой. Раньше старался обойтись без шума, конфликтов, но теперь все внутри него кипело – принять ее точку зрения в таком важном вопросе он категорически не мог, не получалось и все тут.

– Послушай, Оксана... дети в садике давно готовились к этому мероприятию. Все родители дали согласие. Вакцина тысячу раз проверена. И получается, что только мы... то есть...

Саша останется без защиты. Так нельзя. Понимаешь? Нельзя! Случись что, какая инфекция и она одна будет под ударом.

– Случись – что? – ее глаза зло сверкнули. – Ты о чем?

– Заболеет кто-то из родителей или обслуживающего персонала, техничка, у всех детей будет иммунитет, а у нее нет. Понимаешь ты или нет? – Его терпение было на исходе. – Неужели... тебе это надо вдалбливать?! Что с тобой вообще случилось? – Андрей поставил пиво на стол. Его грудь тяжело подымалась и опускалась.

Сквозь приоткрытые шторы в окно взглянула луна. В октябре темнело довольно рано – спор занял почти весь вечер и конца ему не было видно. Простой разговор о делах и обмен тем, что случилось за день, перерос в перепалку, грозящую вовсе выйти из-под контроля.

У него в висках сильно стучало. Чтобы успокоиться, собраться с мыслями и может быть, вновь попытаться уговорить жену, Андрей начал считать в обратном порядке от ста до нуля.

А началось с банального: он рассказал жене, что получил задание написать в городской портал о свалке, которая благодаря попустительству местных властей начала сильно разрастаться и этот факт, включая то, что слухи и домыслы вокруг места захоронения городских отходов накручивались как снежный ком – стал действительно волновать город.

Там хоронят трупы с института вирусологии.

На свалку свозят отходы, которые запрещено сжигать, подальше от Москвы, с глаз долой.

Я слышала от знакомого, на той неделе отгрузили пять огромных Камазов с бочками без обозначений. Одна из них случайно открылась, а водитель, когда попытался ее закупорить, покрылся волдырями, а потом и вовсе ослеп, его оставили на свалке и сожгли, а машину назад вел другой.

Свалка находилась в трех километрах от города. Порой северо-восточный ветер приносил странные запахи, от которых мутилось в голове. Город покрывала серовато-желтая дымка и все вокруг становилось каким-то неестественным, ненатуральным, *химическим*. Случалось это не так часто и зависело то ли от специфики мусора, то ли направления ветра, к счастью, довольно редкого – Огненск с северо-востока прикрывал высокий вал, который местные называли просто Горой.

Но иногда не спасала и Гора. Тогда жители города, держась за платочки у рта, особо предусмотрительные в респираторах, передвигались короткими перебежками, чихая, кашляя и матерясь. Разумеется, ползли слухи об очередной аварии в НИИ вирусологии, но сами работающие там быстро опровергали это утверждение, к тому же НИИ находилось в подветренной стороне.

Тогда-то и выяснилось, что виной всему свалка, до недавних пор – тихая и скромная, не приносившая особых хлопот.

Андрея вызвал редактор местного портала, где он пятый год работал журналистом и сказал:

– Выясни, что там происходит. Власти твердят, что все в порядке. Никаких вредных отходов. – Он придвинул официальную отписку мэрии города. – Смотри.

Андрей развернул белый лист. Там, под двуглавым орлом и шапкой администрации было напечатано:

«Главному редактору портала Лезнеру Э.Г.

исх. 22.10/А-41

Уважаемый Эдвард Григорьевич. На ваше обращение сообщаем, что на территории захоронения отходов муниципалитета была проведена инспекция с участием экологических служб города. Никаких вредных факторов, химических и иных опасных агентов не обнаружено.

Благодарим за внимательное отношение к проблемам города.

С уважением, начальник управления благоустройства и экологии, Савицкий Д.Н.»

– Н...да, – сказал Андрей.

– Возьми машину, Гену фотографа и съезди. Узнай, что там происходит, черт возьми. Заберись на Гору, там на склоне, говорят, живут люди, которые...

– Работают на свалке.

– Да. Они там на положении рабов, а рабы часто ненавидят своих хозяев. Наверняка что-то выяснишь. Только водки не забудь захватить. А то побьют.

Андрей никогда не был на городской свалке и не слишком-то стремился в те края: кто знает, какую заразу можно подцепить просто, вдыхая тамошний отравленный воздух. Ходили слухи, что несмотря на запрет, у подножья Горы, прямо у ручья хоронили свиней и коров с гигантской фермы «Солнечная». Владельцы списывали падеж на проделки конкурентов, а местная санэпидстанция регулярно подтверждала эти выводы. Так и писали в заключении: «животные отравлены препаратами свинца, реализация в торговую сеть запрещена». Куда их потом девали – неизвестно. Может быть, пускали на колбасу, а может, закапывали или сжигали.

Промозглая ноябрьская погода не способствовала длительной прогулке – но тут, похоже, предстояла именно такая. Отделаться парой часов вряд ли получится. Решили ехать с раннего утра, если не пойдет сильный дождь или даже снег. Впрочем, выяснить, что происходит на свалке нужно было при любой погоде. Если этого не сделать сейчас, потом может оказаться поздно.

Андрей подумал о Саше. Ей здесь жить. До окончания школы, как минимум. Поэтому, какая бы чертовщина не творилась на свалке, чтобы туда не свозили, это требовалось прекратить и немедленно. Пока желтый туман не накрыл город своим удушающим покрывалом.

– Ты даже не хочешь со мной поговорить, – услышал он голос жены. – Конечно, что тебе здоровье ребенка...

Андрей открыл новую банку пива, вздохнул, сделал глоток. За окном завывал ноябрьский ветер. Кажется, окна едва выдерживали его напор.

– Мне важно здоровье ребенка, как ты не понимаешь этого... в нашем захолустье, случись что, не достанешь никаких лекарств. Прививка – единственная гарантия.

– Почему же ты сам не привился до сих пор? – спросила она, поворачиваясь к нему в пол-оборота. Красновато-синий отсвет экрана телевизора на ее лице выглядел пугающе. Андрей любил свою жену, но в такие моменты он не знал, как быть. Никакие уговоры на нее не действовали, здравый смысл был ей неведом, а хуже всего было то, что она считала себя правой – и твердила, твердила свои заклинания, смысла которых он не понимал. Эту абракадабру сквозь плотно сжатые губы, будто бы произнесенные ею могло решить все проблемы. Что она там нашептывала?

– К нам прислали передвижной пункт вакцинации, на первом этаже в холле, в стационарной палатке. Сегодня первый день, было много народа, очередь и я просто не успел.

– Не успел? Вот когда сделаешь сам, тогда и советуй.

– Завтра сделаю, – он пожал плечами. – Он не хотел спрашивать, сделала ли прививку она сама. Конечно нет. Этот вопрос даже не стоило задавать, иначе пламя пожара грозило спалить не только сегодняшней вечер, но и все последующие дни.

– Ты знаешь, – сказала она, – раньше мы так не ругались. А теперь ты стал какой-то странный. И дома тебя не бывает, постоянно занят на своем портале. И ты постоянно меня упрекаешь, что...

Он опрокинул банку «Будвайзера». Пиво расслабило голову, хотя напряжение, повисшее в квартире, никуда не уходило.

Наутро Андрей дождался, пока Оксана соберет дочь, положит в пакет спортивную форму, поцелует на прощание и скажет:

– Вечером я тебя заберу. Папа будет на работе.

Саша кивнула. Еще не до конца проснувшись, она едва шевелила руками и ногами. Серое утро не настраивало на оптимистичный лад. Иногда ей удавалось упрямить родителей оставить ее дома, но теперь шел последний год перед школой, и они постоянно изучали важные вещи. Грамоту. Цифры. Которые нельзя пропускать ни в коем случае. Она вспомнила Петю Жукова, который чуть ли не каждое утро плакал, когда его приводила мама. И быстренько засобиралась. Саша всегда успокаивала Петю, почему-то она считала своим долгом подбодрить мальчика, долгом даже более значимым, чем изучение *очень важных вещей*.

Сегодня, несомненно, предстоял важный день. Настолько важный, по словам воспитателя Зои Викторовны, что его никак нельзя пропустить. Потому что издалека к ним приедет доктор Айболит. Петя дрожал при упоминании докторов, ему становилось плохо, он закатывал истерики, плакал, кричал – и вся группа потешалась над ним, хотя, разумеется, остальные дети боялись не меньше, а может и больше его.

Зоя Викторовна, глядя как Саша успокаивающе действует на Петра, сказала, что дает ей ответственное задание – пойти к доктору Айболиту вместе.

Откровенно говоря, Саша тоже побаивалась предстоящей процедуры, хотя в мельчайших деталях изучила плакат, висящий на стене в группе – как добрые крошечные волшебники хватают злой вирус и уносят его за Гору, чтобы он больше никогда не посмел трогать маленьких детей. Все дети знали, что из-за Горы пути назад нет и вирус там обречен. Но чтобы волшебники смогли схватить неприятеля, им сначала нужно попасть внутрь, через маленький укольчик.

Вот этого укольчика как раз она и боялась. Представляя себе огромный стеклянный шприц с длинной как карандаш и тонкой как волос иглой. И эта игла... прикасается к ее руке и... протыкает насквозь!

Саша зажмурилась, отгоняя неприятные мысли. Вышел отец с чашкой кофе в руках, посмотрел на нее – что-то в его взгляде не понравилось ей, он был какой-то отстраненный, холодный и вместе с тем, виноватый.

– Андрей, мы с тобой все решили. Мое слово – нет, – услышала она голос матери из кухни. – Ты меня слышишь?

Что – нет? О чем они говорят? Почему папа такой насупленный и потерянный? И почему взрослые вечно о чем-то спорят? Если они умнее детей, то давно уже должны решить все свои проблемы. Но, похоже, что не могут. Они только прикидываются, что умнее детей.

Она натянула сапожки, потом куртку.

– Я понял. Нет так нет, – бросил он в сторону кухни. – Сегодня поговорю с Лезнером, попробуем устроить тебя в администрацию.

– Пап, а что нет? – спросила Саша, не в силах сдержать любопытство.

Андрей посмотрел на нее, снял свой синий шарф с вешалки.

– Мама говорит, что не хочет работать на свиноферме. Нет и все.

– А-а, – сказала Саша, – там, наверное, холодно. И воняет.

Подошла Оксана и нагнувшись, поцеловала дочь.

– Не дури ребенка голову, – сказала она.

– Ладно, – Андрей миролюбиво улыбнулся. – Потерпи еще немного и пойдешь в здание в центре города.

Несмотря на чмокнула его в щеку – лед еще не расплавился окончательно, но по крайней мере, на работе он не будет мучительно думать, как исправить положение и вернуть мир в семью.

– Аккуратнее идите, погода мерзкая, – сказала она на прощание.

– Конечно, дорогая, – ответил Андрей. – Будем ползти как улитки.

– Как улитки! – засмеялась с лестницы Саша. – Ползти как улитки, папа! Папа – улитка!

Папа – улитка!

Когда он завел дочку в группу, помогая переодеться, навстречу вышла воспитательница Зоя Викторовна. Ее улыбающееся лицо заставило Андрея тоже улыбнуться, хотя в душе боролись два непримиримых лагеря и эта борьба, не на жизнь, а на смерть, не давала ему покоя. Он чувствовал себя предателем. Саша так ждала этого дня, готовилась к нему, рассказывала, как воспитательница уже полтора месяца объясняла, что к чему и как это важно каждому маленькому человеку – сделать вовремя прививку от гриппа. А еще она поручила ей, Саше, *очень важное задание*.

И что теперь делать, – думал Андрей. Конечно, как отец он тоже может принять решение, но... Оксана все же мать. Ослушаться ее означало крупные неприятности. Нет, она конечно, вряд ли что-то сделает, но отношения, и так не слишком теплые в последнее время, грозили замерзнуть насовсем. Он чувствовал себя виноватым и с тем, что не принял предложение из Москвы и что мало занимается дочкой и не слишком много зарабатывает... и не может устроить жену на нормальную работу. Да еще и свалка, экология ухудшается... Может быть и правда, стоило уехать? Если поступит новое предложение, он, пожалуй, согласится. Разумеется, Лезнер, главный редактор и владелец городского портала расстроится. Кажется, у него на Андрея далеко идущие планы...

– Андрей Иванович, – услышал он голос воспитательницы. Она стояла в метре от него с открытой тетрадкой. – Вы не забыли? Сегодня у нас вакцинация от гриппа. Требуется ваше согласие, подпись. – Она оглянулась, отыскала взглядом Сашу, которая уже вбежала в группу и остановилась напротив детской кухни. Начинался завтрак, следовательно, и кукол тоже нужно было покормить. Саша занялась делом, расставляя игрушечные кастрюльки и тарелки. – Она у вас такая молодец, не знаю, что бы я делала без нее...

Андрей замешкался, наблюдая, как возле каждой куклы появляется игрушечный столовый прибор, пластиковые ложки глухо ударяются о маленькие тарелки с оранжевыми ободками, Саша что-то приговаривает, кажется, пытается заставить съесть еще одну ложечку «за папу».

– Дело в том... – он попытался придумать отговорку, с тем, чтобы воспитательница его правильно поняла, потому что он знал обо всей этой подготовке. Саша прожужжала ему все уши. – Понимаете...

Зоя Викторовна посмотрела на него и, хотя она была моложе Оксаны, кажется, все поняла. Андрею показалось, что он покраснел.

– Получил задание выяснить, что происходит на свалке.

Разумеется, воспитательница знала, где и кем он работает. Она начинала свой день, как и большинство жителей Огненска, с чтения новостей городского портала Ognensk.ru. Андрея даже иногда узнавали в городе, так что в некотором роде, он был местной знаменитостью.

– Давно пора прижечь эту язву, – сказала Зоя Викторовна строгим голосом. – От выбросов прививки точно не спасут... у детей постоянные симптомы аллергии, высыпания, кашель...

– Это точно, – ответил Андрей, сминая в руках черную спортивную шапку.

Саша закончила с завтраком и теперь раскладывала перед куклами десерт, вторая девочка в темном трикотажном платье с Микки-Маусом на груди наливала из маленького чайника воображаемый чай в голубые кружечки с блюдечками и подавала их Саше.

– Кто хорошо позавтракал, получит пирог, – услышал Андрей Сашин голос.

С другого края ковра, где обосновались мальчишки, он заметил ребенка, безучастно сидящего на стульчике, расписанном под хохлому. Мальчик смотрел в окно и изредка, чтобы никто не заметил из играющих поездами сверстников, поглядывал в сторону девичьей кухни. Что-то невероятно одинокое было во всем его облике. Наверное, это тот самый Петя Жуков, подумал Андрей.

То и дело вскакивающие мальчишки будто намерено задевали его, но он не обращал на них никакого внимания.

– Петя Жуков, – поймав его взгляд, сказала Зоя Викторовна. – Вы же знаете, что ваша Сашенька пойдет с ним в паре, они очень сдружились, а Петя очень сильно боится. Очень сильно. Прямо не знаю, что с ним делать.

Андрей сглотнул образовавшийся в горле ком. Он вспомнил себя в том самом возрасте и жуткий страх перед уколами, – ненасытный, парализующий, превращающий тебя в дрожащий комочек.

– А что... его мама подписала уже? – Он попытался вспомнить, как выглядят родители Пети и не смог.

Зоя Викторовна провела ручкой вправо по линии от фамилии «Жуков Петр» – там стояла какая-то наивная подпись из пяти букв – без всяких завитушек и выкрутасов.

– Вчера вечером, да.

Андрей еще раз взглянул в помещение, где совершенно непринужденно играли дети. И только один сидел с краю, как гадкий утенок.

Задержав дыхание, он взял у нее ручку и поставил рядом с фамилией «Лосева» свою подпись.

– Конечно, они должны пойти вместе. Саша столько об этом рассказывала.

– Она чудная девочка. А Петя отличный парень. Ему просто очень трудно. Понимаете? – Она пытливо взглянула в его глаза. – Спасибо вам.

Саша оглянулась, она увидела папу, стоящего рядом с любимой воспитательницей и помахала ему. Потом, оставив кухню на двух девочек, подошла к Пете, взяла его за руку и потащила к столу с альбомами и красками.

– Вот видите, – улыбнулась Зоя Викторовна. – Все будет хорошо. Езжайте и разберитесь, чтобы наши дети дышали чистым воздухом.

Ему не хотелось уходить, он поймал себя на мысли, что стоял бы и смотрел, как беззаботно играют дети – искренне, по-настоящему. Но не все... от его взгляда не скрылось, что в группе, на вид совершенно невинной, непорочной, кроется что-то еще – совершенно незаметное, скрывающееся в украдкой брошенных взглядах, полных ненависти и злобы, как бы случайных тычках, едва понятных словах, произнесенных так тихо, что до него доносилось лишь шипение.

Андрей тряхнул головой. Вечер, да и утро тоже, выдались трудными – он не хотел ссориться с женой, но так вышло. Теперь странное наваждение. Откуда в детях может взяться подобное зло? Нет, ему просто показалось.

Он попрощался и вышел в холодное ноябрьское утро.

Глава 3

Осень 2012 года

– Кирилл! Мышкин! Я к тебе обращаюсь! Ну-ка поделись машинкой с Петей. Это что еще за поведение? Нельзя забирать все машинки, они не только твои, а общие, на всю группу!

– Они мои! – упрямо твердил толстый веснушчатый мальчишка, заграбастав весь транспорт на свою половину ковра.

– Кирилл! – Зоя Викторовна, молодая воспитательница, симпатичная, с большими голубыми глазами и волосами, заплетенными хвостом, чуть привстала, показав, что готова надавать кое-кому по мягкому месту. Она устала делать замечания, мальчишка на них просто не реагировал, и она, по правде говоря, уже не знала, как себя вести, чтобы вынудить забияку соблюдать основное правило детского сада «Играй сам и дай поиграть другим».

Обиженный Петя, у которого в глазах стояли слезы, присел на краешек стула. С каждым днем Зоя Викторовна замечала, что ему все меньше и меньше хочется приходить сюда – по

утрам она видела его опухшие от слез глаза, и, хотя он крепился, заходя в группу, обмануть ее не мог.

Она попробовала поговорить со старшим воспитателем, Анной Федоровной, энергичной, волевой женщиной лет сорока пяти, но та сурово взглянула на нее и покачала пальцем, увенчанным золотым перстнем с изумрудом.

– Зоя, уймись. Всем милой не будешь, папа Кирилл не самый легкий человек, к тому же несколько раз сидел и только недавно снова вышел. Хочешь с ним столкнуться вечером?

Зоя потупилась. Все внутри нее кипело. После свободолюбивого университета, казалось, она попала на каторгу. Но деваться некуда, надо было начинать трудовую деятельность с самых низов, к тому же... она очень любила детей. Ее мать из простого воспитателя стала директором детского сада, Зоя мечтала повторить ее путь, вспоминая, с какой гордостью приходила к матери на работу, где все ее уважали, советовались, любили... И вот, здравствуй, реальность. Мама скоростижно скончалась в прошлом году от кровоизлияния в мозг, не дожив до выпуска дочери.

– Он отвратительно себя ведет, – сказала Зоя. – Я стараюсь отвлечь его игрой, состязаниями, обуздать злобу, негативную энергию, – непонятно, правда, откуда она берется... он такой маленький, а ощущение, что...

– От папаша, – хмыкнула Анна Федоровна и тут же спохватилась. – У малыша и так нелегкая жизнь, а ты его... – пристыдила старшая.

– Ничего я с ним не делаю, – огрызнулась Зоя.

– Вот и не делай.

– С малых лет начинает пример брать... – Зоя не договорила, решив, что не стоит слишком много болтать языком. Для нее все дети должны быть равны, сила педагога в умении найти подход ко всем без исключения, хотя в такие моменты она ощущала полную беспомощность.

За спиной Анны Федоровны висел зеленый плакат с хороводом детишек, на котором было написано: «Не стыдите ребенка за его поведение, иначе он научится одному: срываться на людях». Кто же тебя стыдит-то, подумала Зоя.

К Петру подошла Саша Лосева, папа которой с утра вел себя немного странно, будучи явно встревоженным, возможно, предстоящей поездкой на свалку, которую, как ни крути, приятной не назовешь ни в коем случае.

Светлые вьющиеся волосы девочки обрамляли нежное личико с высоким лбом и огромными пронзительно голубыми глазами. Она встала рядом, заглядывая ему через плечо. Со своего места Зоя видела, что Петя рисует дом, но выходит у него неважно – остов кривой, вот-вот упадет, одна из стен никак не получается и Петр чуть не плачет от досады и бессилия.

– Хочешь, я тебе помогу? – спросила Саша.

Он не заметил, как девочка подошла и встала позади и даже немного испугался, неловко прикрыв свое творение рукой – хуже всего насмешки детей, обнаруживающих, что чужой дом, самый обычный квадратный дом с парой квадратных окон похож на неведомый сарай, кривой и косою, чудом примостившийся на краю листа, – они тут же начинали хохотать и обзывать. Оглянувшись, Петр понял, что никакой провокации не последует, никто его не хочет осмеять и Саша, эта девочка, которой он втайне симпатизировал и отчаянно это скрывал от всех, хочет сама, по собственной инициативе, ему помочь с этим проклятым падающим домом: он не верил в свою удачу. Каждый в группе рисовал проклятый дом лучше, чем он.

Обычно девочки из группы дружат с мальчиками-драчунами или с теми, от кого можно что-то получить – например с Кириллом Мышкиным, который задабривает их конфетами и жвачками, с братьями Костровыми, Романом и Максом, потому что их двое, и они всегда творят что хотят – бесятся и вообще напоминают придурков. Но чаще всего девочки дружат между собой и делают вид, что его, Пети Жукова, вообще не существует на свете. Как бы он ни ста-

рался привлечь чье-либо внимание, в лучшем случае добивался протяжного вздоха и высокомерного презрения.

– Ты? Ты мне pomoжешь? Ты разве умеешь рисовать дом?

– Дом? А какой ты хочешь дом?

Петя задумался. Ему нравился дом через пару кварталов от их старого двухэтажного барака, поросшего мхом и утопающего в зелени, в котором он жил с вечно злым отцом-полицейским и мамой – новенький частный коттедж из красного кирпича, на крыше которого торчала отполированная спутниковая тарелка.

В доме жила молодая семья с двумя школьницами первого и второго класса, и каждый раз проходя мимо и слыша их счастливый смех, он сжимался, представляя, как, должно быть, прекрасно, иметь такой дом, в котором никто никогда не ругается.

Однако, когда он случайно подслушал разговор взрослых на кухне, что их дом могут снести, потому что он старый и вот-вот сам упадет, а им вместо него дадут новую квартиру где-то на окраине, то весь вечер проплакал в подушку, так жалко ему стало. Дом ведь не виноват, думал он, что отец приходит постоянно злой и им с мамой крепко достается за любую провинность.

Петя тогда не спал всю ночь и утром, когда они направлялись в сад, он подошел к стене, осторожно прикоснулся к шершавой и теплой поверхности – ему показалось, что дом каким-то неведомым образом знает обо всем, и уж точно видит его, Петю, прямо сейчас. Нет, крепкая, – подумал он. Не может быть, чтобы такая крепкая стена вдруг развалилась. Взрослые как всегда что-то напутали. Дом не даст себя в обиду.

– Нарисуй свой дом, – сказал Петр.

Наверное, ей будет приятно нарисовать свой дом, решил он и не ошибся. Ее лицо засветилось улыбкой. Она взяла фломастеры и принялась старательно, но как-то по девчачьи грациозно чертить линии. И получалось у нее отлично, здорово у нее получалось. Петя засмотрелся: ровные стены, которые точно никогда не развалятся и не упадут, крыша, какой ей и положено быть, много-много окон...

– Тили-тили-тесто, жених и невеста, – вдруг услышал он над ухом гнусавый голос Романа Кострова. Без сомнения, тот от зависти сторал, увидев, как самая красивая девочка группы рисует вместе с Петей.

– Не мешай нам рисовать, – сказал Петр.

– Тили-тили-тесто, жених и невеста, – не унимался Роман. Он даже начал пританцовывать в такт своим словам, чем привлек внимание всей группы, а это не обещало ничего хорошего.

– Роман, ты складывал кубики, кажется, – сказала Зоя Викторовна, оторвавшись от заполнения журнала.

Он ее не слышал. Не хотел слышать.

– Тили-тили-тесто, жених и невеста!

Петр встал со стульчика и повернулся лицом к обидчику.

– Замолчи! – сказал он тихо.

Но Роман, гримасничая, продолжал. Он уже не мог остановиться.

Зоя, почуяв неладное, поспешила разнять драчунов.

– Петя, Саша, рисуйте. Не обращайтесь внимания. А ты, Роман, собери свои кубики в корзину, скоро тихий час.

К оскорбленному Роману подошел Макс, старший брат и что-то сказал. Учась в педуниверситете Зоя и предположить не могла, что дети – это те же взрослые, у них точно так же развиты отношения, они злятся, обижаются, дерутся, ненавидят и любят, среди них есть и те, кого можно назвать достойными людьми, а есть и подленькие, завистливые, мелочные, злобные гаденыши, как бы это странно ни звучало. На лекциях по дошкольной педагогике постоянно

твердили, что дети в этом возрасте еще не до конца оформились как личности, в каждом из них заложен потенциал, и с этим, как раз, Зоя не спорила, но теперь отчетливо видела, что потенциал может быть, как со знаком плюс, так и со знаком минус и очень сильно сомневалась, что братья Костровы выбрали верный путь.

Она не заметила, как Роман, бросив собирать игрушки, незаметно подошел со спины к Петру и вылил ему на голову баночку с водой, куда дети макали кисти, а сам упал рядом, будто Петр его толкнул, изображая жертву, – при этом он залился тонким визгливым плачем, вдвойне противным, оттого, что плач этот был не настоящий.

В мгновение ока подскочил Макс – более плотный, напористый и жесткий, постоянно играющий роль телохранителя. Пока Петр хлопал глазами, пытаясь понять, что это вдруг случилось с Романом, Макс схватил его за рубашку и бросил на пол, одновременно зарядив увесистую оплеуху.

Зоя вскинула руки – она проморгала заваруху, и теперь вся надежда, что ничего серьезного с Петром не случилось.

Поставив Макса в угол, она подняла плачущего Петра, с головы которого стекала разноцветная жидкость. Ребята смеялись, тыча в него пальцами, одна Саша стояла в сторонке, хмурая и молчаливая.

– Что тут у вас происходит? – в группу вошла заведующая детским садом, полнотелая, сверкающая ювелирными изделиями Елена Петровна.

Зоя беспомощно смотрела на Петра, а тот, подрагивая от обиды, словно уменьшился в размерах. Он почувствовал, что сейчас сильно подведет воспитательницу, из-за него все это вышло, хоть он и не виноват. Но ей все равно достанется и...

– Объясните мне, что тут происходит, – по буквам проговорила Елена Петровна. – Зоя Викторовна...

– Мы играли, и я ему краску на голову вылила... случайно... – внезапно выпалила Саша. Она подскочила к Петру и взяла его за руку. – Пойдем, я помогу тебе вытереться.

Тот покорно протянул руку.

– Лосева? Не понимаю. Саша, как это случилось? – заведующая развела руками.

– Даже не знаю, я просто рисовала дом, взмахнула кистью и... задела баночку с водой... – Саша показала на незаконченный рисунок, на котором виднелось странное высокое строение, увенчанное крестом, возле него стояло чучело огромного животного, напоминающего быка, с вырывающимся изнутри огнем, вокруг которого вповалку лежали тела людей.

– Господи, Саша... что это? – вырвалось у заведующей.

Петя посмотрел на рисунок и у него подогнулись ноги – точно такое же чучело снилось ему вот уже второй месяц, среди ночи он вскакивал в страхе, перед глазами стояла мрачная пещера, в глубине которой он явственно различал голову чудовища. Этого самого чудовища.

– Это... это... – Саша смотрела на рисунок, будто видела его впервые. – Мне это приснилось...

Заведующая уже забыла, что заставило ее повысить голос. Зоя быстро взяла рисунок и скомкала его.

– Зоя Викторовна... ну, я не знаю... смотрите, что у вас дети рисуют, а то, ненароком...

– Отвернулась на одну секунду, Елена Петровна. И...

– Ну, идите отмывайтесь, – заведующая взглянула на тамбур, где уже притаилась нянечка, опасавшаяся попадаться начальству на глаза.

– Кстати... совсем забыла с вашими рисунками, зачем пришла. После тихого часа вакцинация. Да, я знаю, по плану должно пройти завтра в вашей группе, но специалист будет сегодня. Мне только что позвонили. Подготовьте всех и в половину четвертого группой в медкабинет согласно спискам. С теми, кто отказался, посидят в группе с нянечкой, хотя... – она отвернула лист в своем блокноте, – у вас же все согласны.

– Да, у нас все, – подтвердила Зоя. Она была рада, что проведенная беседа с родителями, на подготовку к которой она затратила почти неделю, дала результаты. Из пяти категорически несогласных родителей не осталось ни одного. Она по праву гордилась собой.

– Вы, Зоя Викторовна, молодец. Всех уговорили. Пожалуй, выпишу вам премию, за эти прививки нас больше всего муштруют и ваша третья группа – единственная, где все прошло как по маслу.

– Сначала пятеро были против, – сказала Зоя.

– Может вам и в других группах провести собрание... – задумчиво сказала Елена Петровна. – Ладно. Сейчас тихий час, потом постарайтесь не задерживаться. Специалист из института будет точно в половину четвертого.

– Хорошо, – отозвалась Зоя. – Мы будем вовремя.

Дети, которых грозный вид заведующей заставил притихнуть, а голос, прокуренный и грубоватый, и вовсе вселял ужас – столпились у спальни. Молча они смотрели на разговаривающих взрослых, а кто-то позади, в последних рядах уже начал всхлипывать. Одно дело – игрушечный медкабинет, веселый шприц с шариками внутри, хоть и большой, но совсем не страшный и совсем другое – настоящий, пусть и одноразовый, с длинной, очень длинной и очень тонкой иглой. Такой иглой можно насквозь проткнуть. Одним словом, ничего хорошего они не услышали и хотя половину из разговора вообще не поняли, самую важную суть уловил каждый – ПОСЛЕ ТИХОГО ЧАСА.

– Дети, ну вы что? Неужели испугались? Сколько раз мы с вами повторяли, и я вам рассказывала, – обратилась Зоя к притихшей группе, когда заведующая ушла. Даже вечные драчуны и задиралы приуныли, если не сказать больше: в их глазах застыл ужас. – Каждому из нас, и мне тоже нужна помощь, чтобы бороться с плохими маленькими вирусами. Для этого к нам внутрь должны попасть добрые и отважные ребята, которые дадут отпор плохим ребятам. Если этого не сделать, плохишам ничего не стоит устроить нам температуру, кашель, сопли и тогда дети, которые сделали прививки – здоровые и веселые пойдут гулять, а остальные будут лежать дома и пить горькие лекарства. Маленький укольчик – сущий пустяк, о котором даже не стоит вспоминать.

– Это как Фиксики, что ли? – спросил Петр, который подошел вместе с Сашей. Голова у него была чистая и немного взъерошенная.

– Точно, – сказала Зоя. – Хороший пример, молодец, Петя. Они делают свою работу, пока мы спим, кушаем, гуляем – незаметно для нас, и эта работа очень-очень важная.

– Конечно, – сказала Саша. – А еще они любят играть и спорить.

Дети немного расслабились. Они вспомнили беседы, которые Зоя проводила с ними, к тому же она пообещала, что сделает прививку вместе со всеми. А раз Зоя, любимая воспитательница пошла на такой шаг, значит это совсем не страшно. Одно дело, когда взрослые обманывают, завлекают, но сами ни за что этого не делают, и совсем другое, когда говорят правду и первые показывают, что бояться не нужно.

Группа погрузилась в дневной сон с небольшой задержкой – кое-кто ворочался, Роман и Макс Костровы, кровати которых были рядом, делали друг другу знаки, их смысл был понятен только им и никому больше, Петя смотрел в сторону кровати Саши, а та следила, как по стене и потолку скользит расплывчатая тень от кроны облетевшего дерева за окном. Принялись кричать вороны, одна, вторая, их хор подхватили остальные, этот тревожный шум разлетелся по всей округе, а Саша все никак не могла уснуть.

Тень на потолке тревожила ее, она видела то человека, то птицу, то какого-то маленького зверька (крысу?!) – петляя по черным бороздам ветвей, та лихо взбиралась до самой вершины, замирала и Саше казалось, что она там не одна, а с кем-то, и они как будто разговаривают, поглядывая свысока на белые прямоугольники кроваток. Саше становилось страшно, она укрывалась с головой, но один глаз все равно выглядывал, любопытство побеждало страх.

С кем разговаривала крыса на темной вершине дерева или это ей все показалось? Она вглядывалась в потолок до рези в глазах, и что-то юркое, неуловимая тень в этот миг соскакивала вниз и стремглав неслась по отвесной траектории – пересекая диагональ потолка, резко меняя направления на изломе стены и бежала уже строго вниз. Саша следила за ней, а страх покрывал ее вдруг похолодевшие ножки гусиной кожей. Проходил миг, такой бесконечный и такой короткий и крыса, теперь у нее не оставалось никаких сомнений, это крыса с длинным мерзким хвостом и цепкими лапками – соскальзывала туда, где к стене примыкала Петина кровать.

Саша вздрагивала от испуга и укрывалась целиком с головой. Она хотела бы подбежать и предупредить друга, что... что ему грозит опасность, но не могла пошевелить и пальцем – ноги, руки, все тело окаменели. Даже нос стал холодным как у соседской собаки Альфы после долгой прогулки. Саша прислушалась.

Там, за дверью, и еще дальше – через светлое, но сейчас опустевшее помещение группы, в туалете полная добродушная няня по имени Петровна мыла посуду, Саша слышала звон тарелок, бряцание вилок и ложек о стальную мойку – но эти звуки были так далеко, что казались нереальными, из другого мира.

Петровна там, а мы тут, подумала она. И даже если крикнуть, она не услышит, у нее льется вода.

Саша повернула голову, полусонным взглядом посмотрела на Петра. Тот свернулся калачиком и сладко сопел.

Какая же я трусиха, подумала она в полудреме. Даже Петя и тот спит, а я все о чем-то думаю. Интересно, как звали ту крысу? Не было никакой крысы, дуреха. Мама порой называла ее так – дуреха. И теперь она слышала в своей голове голос мамы. Тебе нужно смотреть поменьше мультиков. Рататуй? Рататуй это мышонок, или крысенок? Не было никакой крысы. Это просто тень. Спи.

Она отвернула уголок одеяла, сознание блуждало далеко-далеко – наблюдая серый город, извилистые улочки, покатые крыши домов, строительные краны, снующие автомобили – все, на что хватало глаз, сверху, откуда-то сверху, с высокого, самого высокого дерева.

И на границе сна и яви, когда воронка нереальности, кружась, тянула ее в свой сладкий омут, перед глазами возникла вдруг серая, с маленьким черными бусинками глаз – та самая крыса.

Она взглянула на Сашу, словно та вторглась в ее вотчину – взглядом, от которого у Саши все внутри затрепетало.

– Ты хотела знать, как меня зовут?

Саша стояла (или висела) перед ней, прямо на вершине этого громадного черного дерева, под которым внизу виднелся спичечный коробок ее детского садика.

Злые глазки пронизывали ее насквозь, не давая ни вздохнуть, ни сказать. Она вспомнила, что боится высоты и вовсе обмерла. Огромная крыса раскачивалась на ветке в метре от нее – грозя обвалить тонкий ствол. Холодный колючий ветер дул Саше в лицо – она хотела замотать головой, сказать, что все это сон, и только сон, чтобы тотчас проснуться и кинуться к нянечке, рыдая и умоляя разрешить больше не спать... но крыса ухмыльнулась, обнажив ряд мелких острых зубов. Махнув хвостом, который задел Сашину руку, оказавшись жестким, мокрым и неприятным, крыса прошипела, по крайней мере, разинула пасть, и Саша услышала в своей голове:

– Ты не сможешь проснуться.

Глава 4

Осень 2012 года

Она распахнула глаза. Над ней стоял Макс Костров. Вытянутым из подушки длинным белым перышком, он щекотал Сашин нос, улыбаясь собственной задумке – он видел в мультике про Тома и Джерри, что так можно вызвать чихание и довести, по крайней мере, кота до слез.

Саша не чихнула и когда она открыла глаза, то он немного испугался – если она закричит, а любая девчонка может закричать ни с того ни с сего, зная, что сию минуту примчится воспитательница и виновника накажут, если она действительно громко закричит, – ему крупно влетит.

Но Саша не закричала. И даже наоборот, увидев склонившегося над ней Макса, чуть не обняла его за шею – Макс в любом случае лучше и безопаснее, чем жуткая крыса из сна. Сны иногда бывают такими страшными, что в такие моменты зарекаешься спать и Саша подумала, что лучше вообще не спать, чем видеть такой кошмар. Она будет терпеть, сколько сможет.

Макс нахмурился. Он не ожидал такой реакции от девчонки, особенно той, кого перед тихим часом женили на Петьке. Саша Максу тоже нравилась, но ему не хватало слов, чтобы дать ей это понять, и он предпочитал добиваться внимания дракой, втайне надеясь, что она обратит на него внимание.

– Чего ты на меня так смотришь? – спросил он, поняв, что она почему-то молчит и не бросится стремглав жаловаться воспитателю.

– Мне... мне приснился плохой сон. – Она с тревогой посмотрела на него. – А тебе? Тебе что снилось?

– Молния Маккуин, – без запинки ответил он. – Красный, новенький, с номером и вот такими шинами! – он развел руки в стороны.

Саша поняла, что ее сон – это просто сон. И крыса, какой бы мерзкой и реальной не была, касание хвоста – просто щекотка от перышка, ничего больше. Нет никакой крысы и дерева и... как ее звали? Она попробовала вспомнить и не смогла.

– А тебе что снилось? – спросил Макс.

– Мне? Кажется, Барби... – сказала она жалобно.

Макс скривился, словно на язык ему попала горошина перца и лист вареного лука одновременно.

– Ерунда ваши Барби, – сказал он, тут же потеряв интерес к продолжению беседы.

В спальную комнату вошла Зоя Викторовна.

– Дети, подъем. Сейчас, как обычно, полдник, а потом, помните, что будет? Становимся по парам, как мы учили и ждем, пока нас позовут в гости к доктору Айболиту. Он специально приехал, чтобы сделать нам прививки.

Из чьей-то кровати раздался голос:

– А он из Африки приехал?

Зоя Викторовна секунду подумала, потом ответила:

– А вот у него и спросите заодно, откуда он приехал и куда путь держит.

Дети начали вставать. Сонные, они выходили из группы и усаживались за столики. Нянечка раздавала приборы. Постепенно комнату наполнило веселое детское щебетание: обсуждали, в какую группу после них двинется Айболит, также всех интересовала его сумка и тот самый прибор, который висит на груди и вставляйся в уши. Егор Миронов, маленький толстячок со светлыми вьющимися волосами пытался убедить всех, что у него дома такой есть и называется он «Светаскоп». Разумеется, это очень не нравилось Свете Алехиной, резвой девушке с лицом лисички – она пыталась доказать, что такого прибора не может быть, но, похоже, никто ее не слушал. Мысль о «Светаскопе» завладела умами.

После полдника они выстроились по двое на выходе из группы. Саша и Петя замыкали колонну, сзади их никто не пихал и не обзывал. Дети выглядели слегка встревоженными, несмотря на то, что Зоя Викторовна десятки раз объясняла и показывала на плакатах, которые рисовала сама по ночам – почему так важно и нужно делать прививки.

Они спустились на первый этаж – там, в конце длинного вестибюля располагался врачевный кабинет. Доктор вызывал по двое – дети так и заходили, по парам. Улыбки, вызванные недавним «Светаскопом», исчезли. В полутемном помещении перед белой дверью группа выглядела колонной грешников, которых малыми порциями запускают в светоносный проем. Когда, подталкиваемая позади стоящими, в кабинет зашла первая пара, Зоя Викторовна улыбнулась, ударила в ладоши – но никто даже не встрепенулся. Те, кто стоял ближе к приоткрывшейся двери, увидели доктора в белом халате с бородкой и в колпаке – по-видимому, это и был доктор Айболит, правда выглядел несколько моложе, чем его рисуют в сказках.

Дверь закрылась. Время потекло так медленно, будто его нарочно кто-то тормозил. Хуже всего, что *оттуда* не было слышно ни звука. Гробовая тишина. Это пугало сильнее всего. Легче слышать, когда кто-то заплачет, или наоборот, засмеется. А тут – ничего.

В середине очереди кто-то всхлипнул. Еще чуть-чуть и вся процессия грозила растерять остатки самообладания, но тут дверь медленно отворилась и... оттуда выпорхнули Ефим Петренко и Лена Кудрявцева, зашедшие первыми – их лица светились счастьем, в руках, за длинные ленты они держали по яркому парящему шарик, у Ефима там красовалась обезьянка, корчившая рожицы. У Лены топал полусогнутой ногой слоненок – он явно был доволен жизнью, о чем свидетельствовал вздетый к небу хобот.

– И я такой хочу! Мне дайте! Зоя Викторовна, а можно мы пойдем теперь! – наперебой заголосили ряды, – и те, кто стоял ближе всех и за ними и самые крайние.

– Вы за нами! – теперь каждый хотел как можно скорее оказаться в кабинете.

– Все успеют, – успокоила детей воспитатель. Ее задумка с шариками сработала. – Не кричите так, не мешайте работать доктору. Шариков хватит на всех!

Из кабинета тем временем выскочила новая двойка. Артем Калашников, совершенно счастливый, держал яркий сиреневый шарик с улыбающимся мангустом, а Олеся Рябоконт – красный, на его боку плясал неутомимый морской котик.

– Ничего не больно, ничего не больно, – плясал Артем, выделывая ногами замысловатые кренделя.

– Я тоже такой хочу! А нам не хватит, нам точно не хватит! – напирала ряды.

– Всем, абсолютно всем хватит! – Зоя Викторовна посмотрела в конец очереди. Петя ерзал, стараясь высмотреть по верх голов более высоких ребят – сколько осталось. Она помахала ему:

– Петя, для тебя припасен особенный шарик, я спросила у доктора Айболита. И для тебя Сашенька тоже.

– А для нас тоже особый? – тут же подали голос братья Костровы. Они, как всегда, были вместе, держась за руки. Лупили всех подряд они тоже вместе.

– Несомненно. И для вас тоже. Для всех.

Очередь двигалась быстро. Выходящие из кабинета дети держали ватки на предплечьях.

– Сегодня нельзя купаться, даже совсем чуть-чуть. Мочить нельзя, доктор сказал, – делилась полненькая, как свежая пышечка, Юля Морозова. Ее косички, стянутые резинками в два хвоста, весело покачивались, когда она демонстрировала место укола.

– Не трогай! – одернула она Макса. Тот послушно убрал руку, сейчас сила и правда была на ее стороне – она первее зашла в кабинет, первее сделала страшный укол и получила красивый большой оранжевый шарик. Что там нарисовано? Кажется, это сиреневый дельфинчик, выпрыгивающий из воды! Шарик дёргался в ее руках, и дельфин то взметался из водной пучины, то погрузался вновь!

Со второго этажа спустилась заведующая Елена Петровна. Она глянула на галдящих малышей, чуть улыбнулась. Молодец, – подумала она о молоденькой воспитательнице. Придумать такой простой способ заставить детей безропотно (и даже с радостью!) сделать то, что каждый год давалось с огромным трудом и нервами. Теперь дети расскажут все родителям, а

те передадут по цепочке родственникам, знакомым, соседям, бабушкам и дедушкам, что прививки — вовсе не страшно и больно, а наоборот весело. Смотришь, и телевидение приедет.

Нужно было сразу всем группам делать прививки одновременно. Елена Петровна кивнула Зое, которая легко управлялась в сложной ситуации. Видимо, от матери переняла талант ладить с детьми, подумала она. Впрочем, ее задумку с шариками легко использовать, но кто будет с такой же доходчивостью и простотой изо дня в день объяснять детям, готовить их, — ведь дело не только в шариках, Елена Петровна это прекрасно понимала.

— Кто сделал прививки, встаем возле стенки и ждем остальных. Ватку не отрывать, — говорила воспитательница четким голосом.

— Это больно? — пристал Рома к только что вышедшему шуплому Руслану Керимову. За Руслана Зоя Викторовна переживала больше чем за других. Болезненный, единственный сын мигрантов из Узбекистана, он трудно приживался, часто плакал и вообще был замкнутым, отстраненным мальчиком. Бывало, его обзывали братья Костровы обидными словами, но он плохо понимал русский язык, или делал вид, что плохо понимал, и эти слова не доходили до него, что поначалу Костровых злило, но потом они просто от него отстали, поняв бесперспективность своих поползновений. А вот Петя, тот все понимал. Однако, как поняла Зоя Викторовна, постепенно, Руслан приживался, ассимилировался и Костровы вновь начали проявлять к нему интерес.

Руслан покачал головой, но по глазам было видно, что он понял, о чем его спрашивали.

— Больно или нет? Больно или нет? Больно или нет? — заладил Рома писклявым голосом, желая поддразнить.

Керимов повернул голову, выискивая Зою Викторовну, увидел ее лицо и строгий взгляд. Она была тут. Его шарик с добродушным огромным Ньюфаундлендом, удерживаемой голубенькой ленточкой, лениво болтался под потолком.

— Нет, — вдруг сказал Руслан прямо Роме в лицо, отчего тот отпрянул и с того вмиг сошла вся спесь и превосходство. — Не больно. Не больше, чем тарантул кусает, понял?

Рома понял. Он прижался к брату и даже посмотреть в сторону Руслана не отважился. А Макс, кажется, ничего и не заметил, он так увлекся разглядыванием шариков с животными, что вообще ничего вокруг не видел и не слышал.

— Через четыре мы пойдем, — шепнула Пете на ухо слегка взволнованная Саша. Она очень сильно хотела красивый большой шарик и теперь думала, какое животное ей достанется. *Особенное*. Конечно, лучше бы слон, но слон уже есть у Лены Кудрявцевой. Тогда, может быть... собака. Но собака тоже, у кого? — Она повертела головой. Да, вон, у Керимова, который выглядит насупившимся и... решительными. Она еще никогда не видела его таким, словно он только что разгромил армию солдатиков противника. Да-да, кажется, к нему начал приставать этот несносный Роман, гадкий мальчишка, вечно прячется за своего братца. Молодец, Руслан, наконец-то смог дать отпор. Давно пора. Но с чего вдруг такая смелость?

Саша посмотрела на Петю — тот съежился, уменьшился в размерах, хотя и так был не слишком крупным мальчиком. Ей нравился Петя, он был какой-то спокойный, домашний, ей хотелось его защитить, огородить от происков маленьких хулиганов, особенно от Кирилла Мышкина и Костровых. Но подсознательно она понимала, что сделать это он должен сам и только сам, иначе толку не будет — засмеют.

Как его раскатать? Она снова посмотрела на Руслана. Тот гордо держал свой шарик, черный Ньюфаундленд на его боку будто ощерился, взяв Руслана под свою защиту. Впрочем, шарик качнулся, свет от лампы накаливания изменил угол падения, и пес снова стал добродушным симпатягой.

— Петя, смотри какие шары, ну же! — она крепче сжала его руку, но чем ближе приближалась белая дверь с приклеенным скотчем бородатым Айболитом в пенсне, тем отчетливее он дрожал. Пример доброй половины группы, столпившейся у противоположной стены, его

не успокаивал, а даже наоборот. Шарик под потолком, прыгающие в такт разгоряченной болтовне детей – тоже. Петя панически боялся уколов, она знала это, потому что сидела рядом во время рассказов Зои Викторовны о пользе «вакцинации». Слово это ей и самой не нравилось, от него отдавало чем-то, вторгающимся извне, опасным. Но чтобы победить маленькие зловередные организмы, постоянно атакующие всех детей и взрослых без разбора (особенно тех, что не моют руки перед едой), требуется что-то посильнее желтой горошины витамина «Цэ».

Она точно помнила, и даже рассказывала об этом маме и папе, что для прививки использует очень слабые микробы. Когда те попадают через укол под кожу, детский организм с легкостью справляется со слабым противником, но при этом получает важную способность – иммунитет. И теперь, каким бы сильным не был зловередный микроб, ничего у него не выйдет.

Петя чуть не плакал. Перед ними осталась всего одна пара, Аркаша Бобров, высокий умный мальчик, сын папы-ученого и Элла Попова, заразительная хохотушка с рыжими как огонь волосами. Кажется, она смеялась постоянно, но этот смех не угнетал и не мешал – он был невесомым и заводным. Глядя на нее, люди улыбались, и Саша иногда ей завидовала по хорошему, хотя сама, конечно, не хотела бы так смеяться. Как у нее только рот не болит, думала Саша и очень волновалась по этому поводу, особенно, когда Элла смеялась чересчур долго.

Вчера вечером, лежа в кроватке, Саша услышала по телевизору (в родительской комнате), как диктор говорил, что *вакцинация* идет полным ходом и до конца года все детские сады и школы попадут «под программу». Она также услышала, правда не поняла, что это значит: «Отечественная вакцина нового поколения помогает получить иммунитет сразу от пяти самых страшных заболеваний. Родителям следует внимательно наблюдать за детьми в день прививки и на следующий день. В случае возникновения аллергических реакций, увеличения температуры, других нестандартных проявлений, нужно вызвать врача. Однако беспокоиться нечего, испытания вакцины показали ее полную безопасность и эффективность».

Саша и сама видела, что дети, выходящие из кабинета, лучились счастьем и энергией. Наверняка, оттого, что получили надежную защиту от всех микробов, думала она. Никакой, даже самый зловередный зловеред теперь не сможет заразить такого ребенка.

Дверь открылась, выпуская последнюю пару, которая только что стояла перед ними. Из кабинета лился яркий голубоватый свет.

– Саша, Петя, – раздался голос Зои Викторовны. – Не забывайте, для вас *особенные* шарик, – она слегка подтолкнула их вперед, на треугольник света. – Идите.

Саша первая шагнула вперед. Петя вяло сопротивлялся – он понимал, что деваться уже некуда и повинился с обреченным, полным смятения и безнадежности видом. Страх его достиг кульминации и больше расти не мог – некуда. Он сильно дрожал. Еще немного и, пожалуй, у него началась бы истерика.

В тот миг, когда Петя, извернувшись в последнем отчаянном порыве, вырвал руку из ее ладошки, дверь за ними закрылась и свет, пылающий, белый, яркий, заставил зажмуриться и на мгновение забыть, зачем они вообще сюда пришли.

Приятный мужской голос вывел их из оцепенения.

– Саша, Петя... – Он мельком посмотрел в журнал, лежащий перед ним на столе. – Проходите сюда, не бойтесь. Ваши шарик ждут. Но сперва маленький укольчик. Комарик укусил и все.

Кто-то подхватил Петю под руку, провел вперед, звякнули инструменты – он напрягся электрической дугой, предплечье смазали спиртом, – пахучий противный запах ударил в нос, отчего голова закружилась, а потом – глуховатый, с механической отдачей звук, будто толкнули в плечо – Макс толкнул: ЦЫК!

– Вот и все! – услышал он над своим ухом.

Петя открыл глаза. Врач, красивый мужчина, с бородкой, в колпаке, что-то записывал в большую амбарную книгу. Медсестра, девушка с ясными голубыми глазами – вложила ему в руку ленточку и крепко сжала.

– Держи, – сказала она. – Ты молодец, герой!

Петя кивнул, ощущая, как его заливает острое чувство благодарности и чего-то еще – неведомого, но такого мощного и приятного чувства, которого он доселе не испытывал никогда. Он чувствовал себя всемогущим. И, конечно же, Саша, это она помогла ему не испугаться, она, она!

Он повернулся к ней. Саша стояла возле двери, дожидаясь своей очереди. Такая красивая, подумал он. Такая... смелая.

Саша улыбнулась и показала глазами вверх.

Он сначала не понял, а потом, когда лента потянула руку – поднял глаза.

Там, под самым потолком парил не просто шар с рисунком, это был шар в виде тигра, с полосками, мордой, лапами и хвостом. Таких шаров точно ни у кого не было. У него перехватило дыхание и тут же захотелось похвастаться перед всей группой. Секунду помедлив, он посмотрел на медсестру. Она кивнула ему и он, окрыленный и счастливый, выскочил за дверь, удерживая за собой **ОСОБЫЙ ШАР**.

В последний момент он обернулся, но Саши уже не увидел.

Дверь захлопнулась.

Тот день запомнился ему не особым шаром в виде тигра, не тем, что он чуть не описался от страха, когда ждал, вцепившись в руку Саши, очереди на прививку. И даже не чувствительным ударом в плечо. Он запомнился ему пронизывающим воем сирен машин скорой помощи, белыми от ужаса лицами взрослых, перепуганными детьми, судорожно сжимающими свои разноцветные шарики, спутавшимися под потолком.

Все эти годы, раз за разом ему снился один и тот же сон: он просыпался, вскакивал, сжимая руку в кулак, смотрел в непроглядную темень ночи, силясь отворить ту самую дверь, бросался к ней, спотыкаясь о разбросанные учебники, хватался за ручку, в надежде, что там, снаружи он увидит свет. Дверь отворялась, но раз за разом он видел только тьму. И чей-то пристальный взгляд оттуда.

Глава 5

1 ноября 2014 года

– Тревога объявлена?

– Все оповещены. Служба безопасности прочесывает местность. Он не мог далеко уйти, слишком холодно для ноября.

– Вы беспокоитесь, что он может заболеть? – ехидно спросил Виталий Золотов, заместитель директора НИИ вирусологии заведующего лабораторией Илью Лукина. Оба сидели в кабинете директора НИИ, крупного лысого мужчины шестидесяти лет с колючим жестким взглядом, в котором этим утром читалась странная беспомощность.

Лукину было явно не до шуток, из тридцати добровольцев, которые участвовали в испытании вакцины от гриппа нового поколения, один пропал. Исчез. Как такое могло случиться, никто не понимал.

Невыспавшийся Лукин, кандидат наук, которого Золотов переманил из Москвы, прямо из-под носа конкурентов, вертел головой по сторонам, словно пытаясь понять, что вообще происходит.

В институте, разрабатывающем опытные образцы вакцины от гриппа и других вирусных заболеваний, работала строгая пропускная система. Конечно, не такая как в военных НИИ,

где проводили эксперименты с сибирской язвой, чумой и прочими особо опасными возбудителями, но тоже крайне серьезная – ни войти на территорию, ни, тем более покинуть ее незамеченным, было невозможно. Трехметровый глухой забор с колючей проволокой поверху, современная система видеонаблюдения, четкая пропускная система, а также отсутствие в непосредственной близости дач и деревень с любопытными гражданами практически исключали побег. Жители небольшого городка в тридцати километрах предпочитали вообще не приближаться к его стенам – слухи о творящихся внутри экспериментах над людьми защищали объект лучше любых охранных систем.

Впрочем, сотрудники института прекрасно знали – ничего особенного в серых корпусах не происходит. По заказу Министерства здравоохранения ежегодно разрабатываются новые поколения вакцин, преимущественно от гриппа, наделавшего в начале двухтысячных много шума. Работа на острие науки, выгодная, хорошо оплачиваемая – в институте никогда не задерживали зарплату, помимо которой работникам полагалось множество дополнительных надбавок: за вредность, работу с опасными веществами и, конечно же, секретность.

Двадцать восемь лет он возглавлял НИИ и за все это время не случилось ни одного ЧП. Разве что семнадцать лет назад по вине поставщиков были перепутаны компоненты для питательной смеси и вакцина, в которой тогда еще использовались ослабленные вирусы, получилась по силе, превосходящей сам вирус. То есть, один укол гарантированно заражал тяжелой формой гриппа с летальным исходом, причем все происходило настолько быстро, что никакие лечебные протоколы попросту не успевали за стремительно развивающимся заболеванием. Шестьдесят семь лабораторных крыс умерло за полдня, за ними в агонии скончались двадцать четыре морские свинки. Если бы не многоступенчатая процедура испытаний, бог знает, что могло случиться.

В углу кабинета, возле окна, под сенью огромного фикуса с пыльными мясистыми листьями сидел неприметный человек в сером костюме и темной рубашке без галстука. Верхняя пуговица была расстегнута. Он слегка покачивал головой, словно в такт неслышной музыке, хотя никакой музыки нигде не звучало, и – внимательно прислушивался к разговору в кабинете.

Он явился ровно через полчаса после ЧП с беглецом, скорее всего, из города, показал удостоверение на пропускном пункте, обошел несколько раз третий корпус, сделал несколько звонков и потом поднялся в кабинет директора. Трошин кивнул, не здороваясь. Он терпеть не мог молчаливых людей в штатском, не имеющих отношения ни к медицине, ни к бизнесу: их настоящие цели были покрыты мраком. После того приснопамятного инцидента большинство исследований было засекречено, а результаты, как подозревал Трошин, использовались не только для производства вакцин.

Институт не был военным, поэтому производство бактериологического или вирусного оружия, разумеется, не велось. Для этого существовало множество специальных закрытых литерных институтов и даже городов, не отмеченных ни на одной карте страны. Тем не менее, специфика накладывала отпечаток – в ходе разработок могли появиться результаты совершенно противоположного ожидаемым свойства – именно так и случилось семнадцать лет назад. Вместо жизни – смерть. Вместо лечения – заражение.

Все разработки в том направлении свернули, документацию изъяли, провели полную стерилизацию помещений, а скрюченные агонией тушки подопытных животных собрали люди в защитных противочумных комплектах «КВАРЦ-1М». Они передвигались по лаборатории, где проводили испытания на животных с каменными лицами, плавно, точно под водой – упаковывая в вакуумные контейнеры каждый скрюченный экземпляр с выпученными глазками. Тщательно фотографировали, осматривали, заносили малейшие детали в протокол. Видимо, подобную работу им приходилось выполнять постоянно – несмотря на кажущуюся медлительность, ребята знали свое дело.

Отсек с добровольцами находился в третьем корпусе на четвертом этаже. Отдельный блок с решетками на окнах, тройной пропускной системой, абсолютной стерильностью, существовал совершенно автономно – доступ к нему имели всего несколько сотрудников, проводивших исследование, заведующий лабораторией Лукин, заместитель директора Золотов и сам Леонид Маркович Трошин.

Тревогу объявили в пятницу рано утром, электронные часы в фойе на входе в третий корпус показывали восемь часов две минуты, то есть, через две минуты после положенного подъема.

Участник тестирования под номером тридцать четыре отсутствовал в своей палате, – это заметила охрана, сменившая ночную смену. Поначалу решили, что он в туалете. Если в палатах велось круглосуточное видеонаблюдение, то в туалетах, которые находились там же в палатах, оно отсутствовало. Все равно испытуемые ничего пронести не могли и эта работа, а это была все же работа, а не тюрьма, подразумевала ответственное выполнение подписанного контракта. Вознаграждение, выплачиваемое участникам испытаний (независимо от результата) было весьма солидным – за два месяца они получали среднюю годовую зарплату, так что точное и беспрекословное соблюдение соглашений было в их интересах. И до сих пор никто не нарушил контракт. Наоборот, попасть в группу добровольцев считалось делом очень выгодным, но почти невероятным. Разумеется, ходили слухи об экспериментах над людьми, тем не менее, каждый второй житель Огненска мечтал попасть в программу: кризис подкосил многие предприятия, люди хватались за любую работу, тут уже не до выбора и детских страшилок, бери, что дают.

Номер 34 отсутствовал и в туалете. Обыскали довольно большой блок, прочесали палаты – одну за одной, сначала своими силами, но когда запахло проблемами, вызвали службу безопасности НИИ, и почти одновременно явился человек в штатском. Теперь он сидел и качал своей удлиненной кверху, конусообразной уродливой головой, похожей на птичью голову инопланетянина. Трошин незаметно кидал на него презрительно-брезгливый взгляд, но тот, казалось, ничего не замечал. Он просто слушал, шмыгал носом и едва заметно кивал, точно соглашался с невидимым собеседником. Туда-сюда, туда-сюда. Однако ни наушника с проводком, ни микрофона Трошин разглядеть не мог.

Лукин развел руками.

– Мы обыскали институт, просмотрели записи с камер видеонаблюдения – тщетно. Никого. В пятницу вечером сокращенный день, отбой в десять вечера. Вот он лежит в своей палате. В десять пятнадцать вечера подымается, идет в туалет, пошатывается. Дверца туалета закрывается – там душ, писсуар, унитаз. Съемка, разумеется, не ведется. И... все. Оттуда он уже не выходит. Решетки на месте, – упреждая вопрос, продолжает Лукин. – Стены в целости, нигде ни трещин, ни следов подкопа, слома, тайных ходов... да и к чему весь этот цирк? Они взрослые люди, некоторые у нас уже по второму-третьему разу...

– Группу опросили? С кем он общался? Кто он вообще такой? – спросил Трошин, хмураясь.

– В группе тридцать восемь человек. Сейчас они находятся в общем зале, с ними охрана. Испытания рассчитаны на два месяца, и должны были закончиться сегодня. В целом, новая вакцина отлично себя зарекомендовала. Практически никаких побочных эффектов даже у части испытуемых с аллергией на яичный белок.

– Кто он такой? – повторил вопрос Трошин. – Может быть, конкуренты?

Разработка вакцины нового поколения стоила очень больших денег, над ее созданием день и ночь работал весь институт, нельзя было исключать и такую версию. Украсть формулу это одно, а живого носителя с генами и антигенами в крови – совершенно другое. Либо же он сам агент конкурирующей фирмы. Западные фармацевтические гиганты проявляли особый интерес к разработкам НИИ и теоретически могли подослать своего агента.

– Мы тоже думали, что он засланный казачок. Но оказалось, он из местных. Его зовут Антон Морозов. Восемьдесят шестого года рождения, – сказал Золотов, глядя в записную книжку, лежащую перед ним на столе.

Человек под сенью фикуса на мгновение перестал раскачиваться и шмыгать носом. Он повел ухом, но и только. Пытаясь сосредоточиться, боковым зрением Трошин увидел, как тот снова принялся мотать своей странной головой. Мерзкой головой, что там уж.

В кабинете повисла тишина. Каждый из присутствующих помнил тот год – помнили по-разному, Золотов и Трошин непосредственно находились в НИИ и участвовали в разработке той вакцины, а позже и в тестировании, Лукин же в то время был подающим надежду молодым аспирантом, но и он слышал о трагическом случае, потому что читал и анализировал все материалы по теме, из-за чего в конце концов и попал в НИИ как работоспособный, склонный к нестандартному мышлению, ученый. Он, разумеется, не предполагал, чего стоило Золотову изменить его уже распланированный на многие годы вперед жизненный путь.

Впрочем, как ни старались заинтересованные стороны скрыть неудачный опыт, это сделать не удалось и по всей стране пронесся антипрививочный ураган, на форумах, сайтах, в курилках и родительских собраниях, кухнях и скамейках возле домов – везде обсуждали и доказывали, непременно выпячивая тот самый случай.

Объяснить что-либо обезумевшей толпе не представлялось возможным и только нашествие злополучного H1N1, так называемого свиного гриппа, пандемию которого объявила Всемирная организация здравоохранения, заставило население прислушаться к голосу благоразумия. Впрочем, нет. Страх. Только страх заставил их выстроиться в очереди на пунктах прививок. Жуткая статистика смертей из Мексики, Кубы, Колумбии и Сальвадора, стран с наименее развитой медициной, слухи, подогреваемые средствами массовой информации, что жуткий грипп-убийца вот-вот придет в Россию. Впрочем, так оно и случилось. Первый случай заражения выявлен в Калужской области. Вот тогда история с девочкой, впавшей в кому после банальной инъекции вакцины от гриппа забылась, а голоса противников вакцинации потонули в тревожных сводках центрального телевидения.

«Нам определенно повезло», – подумал Трошин, всем своим нутром переживая кощунственность подобных мыслей. Но девочка, вроде бы, осталась жива. Он не интересовался ее судьбой, знал лишь, что как такового смертельного случая не было. Анафилактический шок. Тем не менее, пришлось срочно отзывать препарат, менять формулу, проводить новые исследования, что обошлось в крупную сумму.

И вот на тебе.

Трошин вновь взглянул на гостя. Тот продолжал покачивать головой, словно молился неведомому богу. Чертовы гэбисты, подумал он. Теперь точно от них не отделаешься, скоро придет целый автобус экспертов и они, не церемонясь, перевернут вверх дном весь институт.

В кабинет вошел незнакомый Трошину человек. Вошел без стука, что вообще-то было немислимым – очевидно, его секретаря, выполняющей роль каменной стены и надежного фильтра от нежеланных гостей, на месте не было.

Веру Ильиничну допрашивали в кабинете Золотова.

Вошедший был низкого роста, широкоплеч, в черной шапочке и своей невыразительностью затмевал коллегу, сидящего в углу кабинета.

Не взглянув в сторону Трошина, он кивнул своему боссу.

– Говори, – впервые они все услышали голос человека, про которого никто ничего не знал.

– Группа в актовом зале, можно начинать. Полчаса назад прибыла оперативная группа, проводит мероприятия. Собака, вроде бы, взяла след.

– Вроде бы?

Низкий пожал плечами.

– За воротами снег, следы ведут по дороге – кинолог направился туда, но, думаю, это бесполезно.

– Сначала допросите караульных и охрану, потом лаборантов. Участников тестирования не распускайте, пусть сидят, ждут. Поставьте там человека, чтобы не разговаривали между собой.

Низкий кивнул в сторону начальства.

– А эти?

– С этими я сам разберусь.

– Понял. Что-то еще?

– Да. Отсюда никого не выпускать и не впускать. Вообще никого, даже наших. Ясно?

– Так точно.

– Выполняй.

– Слушаюсь.

Коренастый вышел и прикрыл дверь, словно кроме них двоих в кабинете никого не было.

Трошин почувствовал, как внутри него закипает гнев. Что они себе позволяют? Кто они такие? Рука автоматически потянулась к мобильному телефону. Один звонок и...

– Леонид Маркович, не стоит никуда звонить. Положите телефон на стол и не трогайте его, пока я не разрешу. И вы – тоже, – человек в костюме перестал вдруг качать уродливой головой.

– В смысле?! Вы мне запрещаете? – побагровел Трошин.

– Я вам советую, – бесцветным голосом сказал штатский. – Напомню. У вас сбежал участник тестирования вакцины. В канун запуска производства. Это, как минимум, халатность, а максимум, – саботаж. Так что, не нужно совершать необдуманных действий.

– Никуда он не сбежал, – сказал Лукин. – Куда тут сбежишь? Сидит где-нибудь в подсобке.

Штатский вздохнул. Могло показаться, что он действительно озабочен происходящим, хотя в это мало кто верил. Несопоставимы интересы – вакцина от гриппа не могла сама по себе заинтересовать военных или ФСБ. Даже пропажа почти готовой вакцины, но ведь ничего не пропало – результаты почти готовы и можно хоть завтра запускать производство. Они как раз успевают за два месяца до начала возможной эпидемии свиного гриппа.

– А что, собственно, вообще происходит? – не выдержал Трошин. – Забыл как вас зовут, извините. Вы же не будете утверждать, что вас интересует этот человек? Который, я уверен, вот-вот отыщется.

Штатский проигнорировал его вопрос. Он сидел возле окна, под фикусом и наблюдал, как все трое выложили свои мобильники на стол.

– И планшеты тоже. Смарт-часы, у кого есть. Вынужденная мера безопасности. Потом вам все вернут.

Любитель новых гаджетов Лукин нехотя снял свои новенькие Apple Watch, Золотов достал из кожаного портфеля Айпад.

– У меня только телефон, – сказал Трошин. Он не стал сообщать, что внизу, на стоянке, в бардачке джипа есть еще один телефон. На всякий случай.

– Через некоторое время я смогу рассказать... и не только рассказать, но и показать, что происходит. Боюсь, пока вам придется посидеть здесь... – с этими словами он легко поднялся со стула, подошел к директорскому столу и сгреб телефоны. Чуть позже я допрошу каждого из вас, хотя в этом и нет строгой необходимости. Я знаю, что вы... не имеете никакого отношения к тому, что здесь произошло.

В кабинете повисла тишина. Они не могли поверить в происходящее, хотя что-то подсказывало, что штатский, не задумываясь, применит силу и, возможно, даже оружие.

– Вы, кажется, берете на себя слишком много, – тяжело дыша, выговорил Трошин.

– Отнюдь, Леонид Маркович.

Штатский снова отошел к окну, как будто рассчитывал там что-то увидеть. Наклонил голову и помассировал виски – с силой нажимая на череп. Кажется, у него болела голова, возможно, начиналась простуда или грипп, подумал Лукин, наблюдая за каждым движением странного человека, которого прислали за ними следить. Разнюхивать. Он явно не в себе. И тот второй. Впрочем, эти ребята все странные – словно живут на другой планете.

– Нам нужно продолжать испытания. Их результаты могут быть нарушены, если мы в самое ближайшее время не возобновим наблюдения и сбор анализов – тогда препарат не будет признан и годы труда уйдут коту под хвост. Вашими стараниями. – Глаза Трошина горели гневом.

– Вы их продолжите. Совсем скоро. – Штатский зажмурился.

Ученые переглянулись.

– Может, вам таблетку дать? – спросил Золотов.

– Таблетка не поможет, – сказал штатский. – Потому что у меня ничего не болит.

– Как хотите.

– Будет лучше, если вы не создадите никаких проблем работе следственной бригаде. Понимаете, о чем я? Не нужно лишних телодвижений. Просто посидите здесь. Дверь я закрою на ключ. Он подошел к небольшому столику, возле фикуса, на котором стоял графин с водой. Налил себе стакан, залпом выпил, икнул. Лицо его перекосило, челюсти задвигались, будто он пережевывал воду.

Ни слова не говоря, поставил стакан на место и вышел. Они услышали, как лязгнул дверной замок.

– Откуда у него ключи? – спросил Золотов.

Трошин похлопал себя по карманам пиджака.

– Мои у меня, – сказал он. – Может быть, у Веры Ильиничны забрали?

Они переглянулись. Каждый из них думал об одном и том же, но первый отважился сказать самый молодой, Илья Лукин:

– Мда. И что будем теперь делать?

Глава 6

22 октября 2012 года

Отношения с Оксаной закончились в тот вечер двадцать второго октября 2012 года, когда раздался звонок телефона в кармане куртки. Андрей возвращался с задания – промозглым днем с фотографом Генной Власенко и редакционным водителем они вдоль и поперек облазили городскую свалку.

На северном склоне гигантской, с девятиэтажный дом, горы мусора, протянувшейся на несколько километров, они обнаружили ветхие лачуги, наспех сколоченные из подручного материала. Зияющие прорехи сараев, откуда то и дело показывались угрюмые настороженные лица, тут же задергивались заляпанной мешковиной, будто там, за этими аляповатыми ненадежными стенами скрывалось нечто ценное. Или жуткое.

Они зашли в лагерь вдвоем. Водитель остался ждать внизу, у развилки шоссе, опасаясь, что машину повредят или вовсе раскрутят на запчасти. Место производило крайне удручающее впечатление. Несмотря на день (они прибыли в половину двенадцатого), было темно, солнце не показывалось уже вторую неделю, холодно и сыро. Почти как в городе, только ко всем прочим прелестям, прибавлялся этот... запах. Сладковатый, приторный, назойливо пробирающийся во все щели, пропитывающий вещи, кожу, смешивающийся с дыханием – поначалу просто невыносимый.

У Андрея кружилась голова. Пришлось ползти по склону вонючей горы, иной возможности подойти к лагерю не было. Как назывались эти люди, живущие и работающие здесь круглый год? Мусорщики? Старатели? Чистильщики? Он понятия не имел. По обрывкам разговоров и слухам, на свалке обитали те, кто совсем опустился, потерял жилье, родных, надежду или вообще все сразу. Тут не спрашивали документов, трудовой книжки и справки из поликлиники, всем было наплевать на твое прошлое, настоящее и будущее – только разгребай мусор, сдавай сырье на пункт и получай причитающееся по прейскуранту.

С южной стороны в паре километров раздавался рев двигателей самосвалов, опрокидывающих звенящую массу на землю, бульдозеров, сгребавших горы трескающегося и крошащегося мусорного варева, под горой глухо лязгала станина гидравлического пресса, запечатывая продукты жизнедеятельности городка в плотные чушки и над всем этим островом, словно шапка ядерного гриба, колыхалось черное-белое облако воронья и чаек. Странное соседство, подумал Андрей. Вороны и чайки.

Он поежился. Казалось, отовсюду на них смотрят глаза. И отделаться от этого впечатления не удавалось. У подножия трущоб, выскочив из-за огромного ящика, на них ринулись две собаки, – невероятно худые, жилистые, на тонких длинных лапах. Они походили на чумных бешеных псов, ключья шерсти топорщились на впалых боках, челюсти лязгали, морды щерились глухим рыком.

Гена вскинул свой Никон, то ли пытаясь защититься, то ли в надежде сделать последний кадр, который прославит его хотя бы после смерти. Камера с внушительным объективом не отпугнула, а лишь раззадорила псов: они хоть и сбавили скорость, но теперь по их оскалившимся мордам было понятно – наглые двуногие сильно пожалеют, что ступили на чужую территорию. Где их никто не ждал.

Андрей с детства боялся собак, они внушали ему животный ужас: не раз кусали, потом мать возила его на уколы «в живот», так он думал, холодея, когда впервые на его ноге сомкнулись челюсти бездомной псины, обитавшей на пустыре за домом.

Оказалось, сорок уколов в живот – городская легенда. Так сказал усатый, огромного роста и силы фельдшер травмпункта, осматривая место укуса. «Хотя... в пятидесятых годах так и было – кололи взвесь мозга больной бешенством овцы, а сам вирус деактивировали с помощью фенола. Вакцина получалась слишком слабой, поэтому требовалось много уколов – четыре раза в день в течение месяца, чтобы точно сработала» – говорил он с озабоченным видом холодеющему от ужаса мальчику.

– Считать умеешь, сколько получится? – спросил фельдшер, набирая огромным шприцем мутную жидкость из банки.

Андрей чуть не заплакал, слезы навернулись на глаза, от страха его затрясло. Мать стояла за дверью, она ничем не могла помочь.

– Сто... сто двадцать... – пролепетал он.

– Правильно, – сказал фельдшер. – Сто двадцать уколов. И это еще не все, потом пятнадцать дней дополнительно. Но... не трясись ты так, теперь все иначе. Шесть уколов и свободен, мой юный кинолог.

Разговор тридцатилетней давности всплыл у него в голове, когда ближний пес, трамбуя лапами скрипучий пакет, ошетинился, чуть присел, готовясь к прыжку. Его жуткий утробный рык заставил Андрея попятиться, и он впервые пожалел, что не носит с собой оружия. Хоть бы и травматического, любого. Он был бы рад даже обычному перцовому баллончику. Гена стоял плечом к плечу, удерживая камеру возле груди – собаки же, такие худые, что походили на тени, кажется, были готовы идти до конца и уж точно не думали о смерти.

– Гена... – прошептал Андрей, – ...когда она прыгнет, я схвачу... а ты мочи камерой по башке. Понял? – Нагибаться за палкой или камнем не было времени.

Гена вздрогнул. Сама мысль, что их запросто могут загрызть собаки, до сих пор не приходила ему в голову. Андрей же точно знал – эти могут, как тогда на пустыре. Но там ему повезло, первая собака вцепилась в ногу и принялась трепать штанину, а стая выглядывала из-за ржавого гаража дяди Наума на обочине, куда шел Андрей – в «штаб», когда вдруг из-за деревьев выехала на велосипеде тетя Дебора, жена дяди Наума. Она всегда проезжала мимо гаража, когда направлялась на дачу, – лишний раз убедиться, что все в порядке и их транспортное средство в безопасности. Огромная необъятная соседка, непонятно как управляющаяся с раскладным велосипедом, заметила мальчика и повисшую собаку на его ноге, удивительно проворно соскочила с педалей и заорала – зычным, натренированным голосом потомственной одесситки. Собак ветром сдуло, от укусов же отвертеться не удалось.

Андрей покосился. В ближайшей кибитке дернулась занавеска, грязная тряпка бардового цвета колыхнулась едва заметно, но он понял, что внутри кто-то есть.

– Эй, помогите! – просипел он. Негромко, чтобы не разозлись собак еще сильнее. – Мы не грабители, мы из газеты!

Вряд ли их кто услышит. Вой моторов из-за мусорной кручи перекрыл его голос. Никто не вышел.

Собаки пригнулись. Верный признак, что уже поздно о чем-то думать. Хорошо, если их всего две. А если нет? Если там, за коробками поджидает целая свора?

Собака позади, меньшая размерами, повела уродливой головой. Правое оборванное ухо повернулось. Ее слезящиеся, мутные глаза на миг блеснули – будто она увидела перед собой вкусную сочную отбивную и тут же погасли. Она заскребла передними лапами, зловонное дыхание, долетевшее до Андрея, смешалось с пробирающим уханьем.

– Тифон! Пшел! Пошел вон! – услышали они голос за спиной.

Рык сменился воем, собаки попятились, поскуливая. Андрей опустил папку, которой пытался защититься. Руки его дрожали. Стыдно признать, он чуть не обмочился. Напряжение, взведенное до состояния сжатой пружины, высвободилось – он выдохнул, – шумно, при этом странно всхлипнув.

– Фу ты, черт! – Гена пытался справиться с камерой, неестественно повисшей у него на груди – тесемка несколько раз перекрутилась, зацепив заодно пуговицы джинсового жакета. Пальцы не попадали на кнопки. Его руки тряслись крупной дрожью.

Андрей повернулся на голос, который раздался вовсе не из жилища-хибары, слепленной из остатков ДСП, темного сырого картона, рубероида и кусков потрескавшегося шифера.

Голос шел снизу – оттуда, где в темных зарослях замшелого облетевшего кустарника, такого плотного, что сквозь него ничего не было видно, шумел, сливаясь с завываниями ветра, быстрый ручей.

Девчушка вышла оттуда, из кустов. На вид ей было лет тринадцать, высокая, худая, поджарая с выпирающими скулами и распахнутыми серыми, как стальное октябрьское небо, глазами.

– Вы... что-то ищите? – спросила она, оглядывая их, как пришельцев. Собственно, видимо, так они и выглядели, особенно учитывая камеру на шее фотографа, за которую в любом значном месте могли открутить голову.

Андрей взглянул на товарища. Его палец застыл на кнопке затвора, но он почему-то не фотографировал, – то ли стеснялся, то ли боялся ее спугнуть и навлечь гнев в виде собак, от которых второй раз вряд ли удастся убежать.

Одета она была в простой трикотажный спортивный костюм темно-синего цвета с белыми широкими полосками. Оттопыривающиеся пузырьки колени болтались на ветру.

– Мы... – Андрей не мог сообразить, кто она такая и как с ней нужно разговаривать – как с ребенком или как со взрослой. Судя по внешнему виду, конечно, она была подростком и в таком случае, что она тут делала, когда все дети в городе на занятиях в школе? – Мы... из

газеты, – сказал он неопределенно. – Меня зовут Андрей Лосев, я пишу статью о свалке, что тут происходит... а это, – Андрей кивнул в сторону застывшего Геннадия, – фотограф. Гена.

Девочка наклонила голову, оценивая сказанное.

– Я знаю вас, – вдруг сказала она. – И пишете вы не в газете.

Андрей смутился.

– Ну... это интернет-газета. Городской портал.

– Так и говорите. Газета – бумажная, – она кивнула себе под ноги и Андрей, к своему стыду, увидел там полуистлевший номер «Городского вестника», печатного издания администрации города. Когда-то он начинал в этой газете стажером, но как только появилась возможность, сбежал.

– Да... простите. Я не... – он прервался, потому что краем глаза заметил тех самых собак, которые отошли на некоторое расстояние и теперь наблюдали за происходящим с мрачным интересом. Он не сомневался, стоит ей подать знак, например, поднять большой палец или два раза моргнуть и эти зверюги, больше напоминающие гиен, чем обычных собак, в мгновение ока растерзают их, даже не поперхнувшись. Он знал эту породу. С виду хилые, на самом деле – безжалостные выносливые звери-убийцы, помесь доберманов с волками.

– Не бойтесь, они не кусаются без команды.

– Это ваши собаки?

Она кивнула.

– Но... мамы сейчас нет, придет через час. Если хотите, можете ее подождать. Тифон, Ехидна, – место! – крикнула она собакам.

Только сейчас Андрей понял, точнее, заметил, что девчушка держит в руках серый эмалированный таз с горой мокрых вещей.

– Вы там что... стирали? – самопроизвольно вырвалось у него.

Девочка не смутилась.

– Да, там ручей. Вода, правда, очень холодная. Руки замерзли. – Она помедлила. – Может быть... зайдете в дом?

Господи, подумал Андрей. Это не может быть правдой. Он посмотрел на «дом», куда она направилась, удерживая таз под боком.

Ветер усилился, теперь его порывы проникали сквозь тройной слой одежды, включая термобелье. Крупницы ледяного песка обжигали лицо. Гена пытался укутать камеру под куртку, но задубевшие руки отказывались повиноваться.

– Идем, – мотнул он головой. – Иначе околеем. – И сделал шаг по направлению к лачуге, вслед за девочкой. Собаки, как по команде, повернули головы, но с места не сдвинулись.

Андрей стало жутко. Кто они такие, эти люди?

Нехотя, косясь по сторонам, он пошел за Генной.

Когда они вошли в лачугу, девушка притворила за ними дверь, если это сбитое из необструганных досок решето можно было так назвать.

На удивление, внутри оказалось довольно тепло. В полумраке на стене, прямо напротив входа висел плакат с пятью пацанами, снятыми лежащими голова к голове, как ромашка, на ковре из денег и подпись: «Ласковый май наступит в октябре. Миллионеры из детдома во всех кинотеатрах с 1 октября». Яркий сочный плакат с улыбающимися баловнями судьбы.

– Мама обещала, что если я выучу таблицу умножения на семь, то она купит мне билет, – заметила она взгляд Андрея.

– Вы... тут живете? – он обвел помещение взглядом. Это была махонькая конура, состоящая из двух, как он понял, обособленных помещений. Одно, там, где они сейчас находились, исключая крошечный тамбур, загороженный свисающей с потолка темной тканью, видимо, было общей комнатой. В углу стоял продавленный тюфяк, чуть левее – подобие шкафа, только без ручек и с висящей на одной петле дверце, еще левее – стол, он как раз находился под окош-

ком, также закрытым тряпкой на леске, как в вагонах. Пол устилал настоящий ковер, он проминался под ногами, видимо лежал не на земле, а на каком-то покрытии. Во второй комнатке Андрей заметил буржуйку, черная труба из нее тянулась вверх, в самой печке потрескивали поленья – с той стороны тянуло приятным и расслабляющим теплом.

Несмотря на то, что снаружи строение казалось насквозь дырявым, внутри было сухо и даже тепло.

– Мы давно здесь живем, – сказала девочка. – Есть неудобства, конечно. Запах. Холод. Но это только сперва. Потом привыкаешь.

– А... школа? Ты ходишь в школу?

Она покачала головой.

– Я хотела, но... у нас нет документов и... нам тут хорошо. Тут наш дом. Я учу таблицу умножения. Мама мне помогает. До семи уже знаю. – Она засмеялась невинным смехом, – такой бывает у детей, еще не осознавших, куда их занесло.

Гена, присевший на старую табуретку, покачал головой. За все время работы в городском портале подобного видеть не приходилось. И... девочка не производила впечатление глупышки. Она совершенно не боялась двух взрослых мужчин, что выглядело совсем уж странно в век насильников и убийц.

На противоположной от шкафа стене висело треснутое зеркало. Андрей увидел в нем свое отражение, лицо разрезал острый кривой скол – одна часть лица улыбалась, другая же, искаженная трещиной, скривилась словно от страшной боли. Он почувствовал, как по спине побежали мурашки – весь день с раннего утра он не находил себе места и теперь, глядя в зеркало, ему и вовсе стало казаться, что он находится в каком-то дурном кошмаре.

Он подошел к зеркалу и провел рукой по кривой трещине.

– Э! – резко отдернул палец. Темная капля крови выступила на коже. – Черт. Что за фигня? – он резко повернулся.

Гена вскинул голову.

В комнату вошла девушка.

– Наверное снова что-то жгут на полигоне. Если вам плохо, наденьте ту штуковину, – она показала на стену, где с гвоздика свисал зеленый армейский респиратор с бахромой пыли.

Последний раз он надевал такую штуковину на сборах, лет десять назад. Покосившись на фотографа, Андрей мотнул головой.

– Спасибо, мне уже лучше.

Она пожала плечами.

– Как хотите. Здесь столько *разного* летает, что обычный человек легко может подхватить какую-нибудь болезнь. Запросто. Даже просто поцарапавшись о зеркало... – она неестественно выгнула шею, боком-вверх, Андрей поспешил отвести от нее взгляд, будто увидел нечто противное, мерзкое, не предназначенное для чужих глаз. – Мама уже здесь.

Маленькая кибитка колыхнулась – волна морозного воздуха влетела внутрь, крутанулась вокруг ног и устремилась в приоткрытую кухоньку, где потрескивала буржуйка.

– Кора? – услышал он голос, необычно женственный и мягкий. – Кора, кто эти люди?

Андрей повернулся.

Перед ним стояла невысокая женщина с копной каштановых волос, стянутых пучком. Большие глаза смотрели прямо и открыто – в них не чувствовалось ни агрессии, ни злобы, и это шокировало больше всего. Пока они лазали по свалке, самое мягкое, что им пришлось услышать – была отборная трехэтажная брань и пожелания сгореть в аду.

– Я вас где-то видела, – сказала женщина, обращаясь к Андрею.

– Мама, это журналист из городского портала, помнишь, он в прошлом месяце писал, как лучше подготовиться к зиме, а мы читали и смеялись до упаду. «Обязательно увлажнитель

воздуха, потому что, когда в квартире жарко, воздух становится сухим, что плохо влияет на ваше здоровье. Особенно это относится к детям».

Андрей улыбнулся.

– Ваша дочь права, меня зовут Андрей Лосев. Когда я писал ту статью, то не совсем представлял, в каких условиях ее будут читать... простите... – он обвел комнатку взглядом. – С увлажнением тут явно все в порядке...

В ее глазах отразилась грустная усмешка.

– Меня зовут Милена, – сказала она. – Не представляю, как вы сюда дошли. Это... – она быстро взглянула на дочь, – почти невозможно.

– Невозможно?

– Наши собаки... они...

– Да... – Андрей сглотнул, вспомнив жуткую сцену у домика. – Не знаю, где вы их нашли и как обучили, – он с сомнением покачал головой, показывая, что такой хрупкой женщине вряд ли под силу натаскать собаку-убийцу, – но свое дело они знают.

– Это не я, – она покачала головой, – это Кора их обучила.

– Странное имя для девочки, – пробормотал Андрей, но очередной порыв ветра через открытую дверь унес его слова со свистящим шипением.

– Наверное, вы замерзли, – сказала Милена. – Может быть, чаю?

– Я бы не отказался, – Андрей посмотрел на Гену. Тот кивнул.

Милена указала на просевший диванчик, стоявший у стены.

– Присаживайтесь, он крепкий. Много на своем веку повидал.

– Не сомневаюсь, – ответил Андрей, заставив себя опуститься на вытертую ткань мрачного бурого оттенка.

– Кора, – позвала мать. – Сделай, пожалуйста гостям чай, пока они расскажут, что же их привело в наши... не самые приятные места.

Андрей заметил, что руки у женщины очень... аристократичные, с длинными тонкими пальцами, белой кожей – никак не похоже на то, что она проводит день и ночь, разгребая мусорные завалы.

– Я работаю на ферме, оплодотворяю коров, – сказала она, поймав его взгляд. Это *важная* работа. Но платят все равно мало. Впрочем, нам хватает.

– Оплодотворяете коров? – Андрей никогда не слышал, что существует такая профессия. Он всегда думал, что этим обычно, как заведено в природе, занят бык.

– Быков на всех не хватает. Бык может быть не в настроении. Он может заболеть. А иногда ему просто не нравится корова. – Понимаете? – она словно прочитала его мысли.

Андрей хотел сказать, что ферма могла бы выделить жилье, хоть какое-нибудь, но осекся. Сейчас никому нет дела до твоих проблем. Где ты живешь, чем питаешься, куда ходят твои дети – это твои проблемы, решай их как хочешь. А если не нравится, всегда найдутся желающие на твое место.

Он кивнул. Хотя не представлял – каково это, каждый день осеменять коров.

– Кто-то должен это делать, – сказала она. – Вот вы пишете, чем обогреть жилище зимой, как обеспечить в нем влажность. Это тоже хорошее и нужное дело.

Андрей почувствовал себя полным ничтожеством и готов был сквозь землю провалиться от стыда.

Гена сидел на табуретке, не смея прикоснуться к камере. Обычно он не спрашивал разрешения и нажимал кнопку затвора, когда этого хотелось *ему*. Но тут что-то его останавливало.

– Так что же вас привело? – вновь повторила Милена свой вопрос. – Обычно все делегации остаются внизу, ходят пару минут, на большее их не хватает.

Андрей потупился. Начинать ей рассказывать о проблемах горожан, которые страдают от назойливых запахов – не будет ли это верхом лицемерия и черствости с его стороны?

Но она сама помогла ему, встряхнув копной рыжих волос.

– Наверное, как я могу догадаться, жителей города тревожит... сильная вонь со стороны свалки. Особенно... когда дует северо-восточный ветер, – сказала она, потирая пальцами запястье. Только сейчас Андрей в изумлении увидел тонкий, необычайно искусный браслет из драгоценного металла, украшенный красными камнями.

Она спохватилась, заметив его взгляд.

– Нашла на свалке, тут много китайского барахла. У меня целая коробка, может хотите выбрать кому-нибудь в подарок? Они совсем новые...

Андрей покачал головой.

– Так и есть, – сказал он. – На портал поступает много звонков, люди пишут на форум, но власти никак не реагируют, хотя мы переадресовывали им эти обращения. Вернее, присылают отписки. Недавно они направили на свалку комиссию из санэпидстанции, та проверила, все показатели в норме. И что тут скажешь. Скорее всего, формально они правы. На бумаге все отлично. Пахнет розами и...

– Формально и ада не существует, – сказала она.

Андрей посмотрел на нее вопросительно.

– Но вы находитесь прямо у его входа. Если эта свалка когда-нибудь выйдет из-под контроля, для города это будет означать ад. Свалка проглотит город, даже не заметит. Уж поверьте. Мало того, что руководство фермы, насколько я знаю, сбрасывает здесь мертвых свиней, погибших от какой-то болезни, это еще не все...

Андрей посмотрел на Гену. Тот сидел, замороженный.

– Не все?

– Нет. Из Москвы привозят бочки без этикеток. Что в них – никто не знает. Камазы разгружаются после полуночи, за этим следит вооруженная охрана, которая сопровождает грузо-вики.

Андрей почувствовал, как холодный липкий ужас забирается ему под рубашку.

– Потом бочки перегружают на паллеты и погрузчиками, очень медленно, отвозят в третий ангар. Что происходит дальше – никому неизвестно. Но... я думаю, ничего не происходит. Они просто вырыли там яму и сливают содержимое бочек под землю.

Андрей вспомнил странный привкус чая и кофе в последнее время – сладковатый, приторный и одновременно затхлый, как вонь из сточной канавы.

– Но... ваша дочь... Кора. Она стирала вещи там, внизу.

Милена быстро взглянула в сторону кухни, где тень Кору склонилась над буржуйкой.

– У нас нет стиральной машины. И денег на прачечную. Выкручиваемся как можем.

Я должен им помочь, я должен им помочь, – свербило в мозгу.

– Как же так... – сказал он в раздумье. – Вы тут с дочерью, которой нужно ходить в школу, без элементарных удобств, на вершине свалки, которая в любой момент может рухнуть в преисподнюю, угробив вас и... вы так спокойно об этом рассуждаете? А где же ваш... муж? Где он? Почему ни черта не делает? Я так понимаю, он и алименты не платит?

Милена усмехнулась.

– Боюсь, вам не понять. Все очень сложно...

– Но что-то же нужно делать!

Глаза ее блеснули – в глубине их он успел разглядеть скорбь.

– Боюсь, все бесполезно, – сказала она. Ее черное платье затрепетало и только теперь Андрей понял, что она в одета во все черное, с ног до головы – как будто находилась в трауре. – Мне не хотелось бы продолжать эту тему. Здесь он нас точно не достанет, и мы счастливы хотя бы этим.

– Кто – он? И... как можно быть счастливым... этим? – Андрей силился, но не мог ее понять. Вероятно, трагедия этой семьи была столь чудовищной, что его мозг отказывался

воспринимать ее, истошно крича: *придешь в город, срочно иди в полицию и пиши заявление! Нужно вытащить их во чтобы то ни стало!*

В разбитом зеркале за ее спиной Андрей поймал свое отражение. Если бы оно висело ближе, наверняка бы он испугался – побелевшее лицо, без кровинки, широко открытые глаза, плотно сжатые челюсти. А на второй половине зеркала ему показалось... или нет... он увидел свой череп, выбеленный, с пустой черной глазницей и торчащими зубами – и в ужасе поднял руку, чтобы потрогать лицо, но видение уже пропало, кожа оказалась на месте, как и нос и рот и губы. Он судорожно вздохнул.

– Чай готов! – в комнату вошла девочка. Она внесла на серебряном подносе две чашки на блюдцах. Рядом стоял фарфоровый заварник с вереницей мудреных символов.

Милена придвинула миниатюрный столик, потом разлила чай. Андрей взял чашку точно в полусне – снова осторожно взглянул в зеркало: все было в порядке.

– То, что вы рассказали – какой-то бред, уж простите, – выдавил он. – И насчет свалки тоже. Я не могу обещать, но сделаю все, что в моих силах, чтобы это прекратить.

– В ваших силах это прекратить, – сказала она, делая паузы между словами. – Все в ваших силах.

Андрей отхлебнул обжигающий чай. Гена держал свою кружку возле рта. Белесый дымок подымался из нее и струился рядом с лицом – огибая каждую складку кожи, на которой выступили маленькие блестящие капельки пота. Он сидел с закрытыми глазами.

– В ваших силах это прекратить, – сказала она еще раз. Черное платье распахнулось и от ее ослепительной наготы Андрей зажмурился – тепло волнами пульсировало в его теле, мысли сменяли одна другую, и все, чем он жил до этого, вдруг стало неважным, несущественным, словно он вдруг нашел ответ на вопрос, который искал с самого рождения – зачем он тут, ради чего и ради кого, что предстоит ему сделать и готов ли он к этому – все это промелькнуло перед его мысленным взором в одно мгновение. Пораженный увиденным, он хотел было что-то сказать, но не смог даже открыть рта.

Тогда разбитое зеркало, висевшее там, на стене картонной лачуги, взорвалось миллионом осколков и его частички взлетели ввысь; серебрясь и вращаясь в лунном свете, они, гонимые северо-восточным ветром, понеслись к Городу.

В ваших силах это прекратить, в ваших силах это прекратить, в ваших силах это прекратить, — твердил он, ворочая пересохшим языком.

Глава 7

2012 год

Обычно после смены в диспетчерской, заканчивающейся в семь вечера, Оксана торопилась в церковь на вечернее богослужение. Андрей совершенно не имел ничего против, да только вот церковь это была не та, деревянная, старая, пережившая так много событий и потрясений на своем веку, что один ее вид внушал священный трепет.

Около года назад она принесла домой тонкие журналы, напечатанные в очень хорошей типографии, пахнущие свежей краской и качественной бумагой.

«Сторожевой маяк», – прочитал Андрей название и подумал, что журналы, видимо, – рекламные проспекты какого-нибудь агентства недвижимости или турагентства. Он не обратил внимания на содержание, специфика работы на портале, где он волею случая также писал и рекламные тексты выработали в нем чутье на фальшь.

Сто процентов, хотят что-то впарить доверчивым работницам. Но так как он сам, по сути, занимался тем же самым, его внутренний стопор на этот раз не сработал.

Так и лежала веером стопочка, пока он однажды не открыл один из них.

ПОЛОЖИТЕ НА ВИДНОМ МЕСТЕ. И УВИДИТЕ, ЧТО БУДЕТ. ОН САМ ПРИДЕТ. КОГДА БУДЕТ ГОТОВ.

Такой совет прочитал Андрей на третьей странице в колонке под заголовком «Как убедить мужа ходить в церковь Судного Дня?»

НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ЕГО УБЕДИТЬ. ЕГО СОЗНАНИЕ ЗАХВАЧЕНО САТАНОЙ.

Что? – подумал он. – Кем захвачено? Этого еще не хватало.

Все свое свободное время жена проводила в новой церкви. Впрочем, ее поведение не сильно изменилось, по крайней мере, внешне. Она его убаюкала.

– Я прочитал журналы, что ты оставила на столике, – сказал он жене.

Дело было весной, она сняла плащ, с каким-то странным любопытством взглянула на него.

Она гадает, подействовало или нет. Приду ли я сам или, как обычно, что-нибудь устрою, из-за чего ей придется краснеть.

– Тебе не нужно ничего говорить, – сказала она. – Но если вдруг... тебе действительно захочется...

– Мне уже хочется, – сказал он мягко, поднялся и подошел к жене. Ее стройное тело даже после десяти лет совместной жизни притягивало и манило его. – Саша уже спит, я покормил и уложил ее... – Он потянул жену к себе.

С приоткрытого балкона пахло неприятным запахом. Иногда со свалки приносило совсем ужасные ароматы, он давно хотел съездить туда, сделать большой репортаж, но все руки не доходили. Да и за написание рекламных статей на портале платили больше, чем за материалы о жизни.

Вдалеке ударил колокол старой церкви. Вечерня.

Оксана отстранила его руки.

– Андрей, я устала. Давай не сегодня.

Он слышал это уже полгода и не понимал, что происходит. Внутри все закипало. Он пытался разобраться в себе, понять, что он упустил, не придавал значения, может быть, обидел ее. Но ничего не находил.

– Не сегодня? А когда?

Она взяла в руки журнал, раскрыла его и замерла.

– Когда я чаял добра, пришло зло; когда ожидал света, пришла тьма, – прочитала она.

Андрей помолчал, пытаясь взять себя в руки.

– Оксана, послушай... я же не против, что ты занимаешься... этим. Но давай как-то в меру, что ли. Понимаешь меня?

Она не отрывала взгляда от лакированных листов, запах которых он ощущал даже с трех метров. Андрею показалось, что ее руки вросли в обложку и пустили в ней корни – так причудливо сплелись пальцы с нарисованным на обложке деревом. Видимо, это было древо добра и зла, если он правильно помнил, как оно называется.

– Мне приходится выслушивать на работе столько, безо всякой меры, что только чтение этих журналов спасает меня. Они спасли меня. Ты хочешь знать, понимаю ли я тебя. А ты меня понимаешь?

Ну вот, начинается, подумал Андрей. Сейчас будет перечисление всех его грехов и кары, которая обрушится, если он не покается и не ступит на путь истинный, который, как известно, ведет в церковь Судного дня и никуда больше. И уж точно не в бар «Свобода».

– Я понимаю, что тебе нелегко. Но... может быть, сменить работу? Твоя мама давно говорит об этом.

– Мне нравится моя работа, я не собираюсь никуда увольняться. К тому же, на работе есть те, кто меня слушает и понимает. И в церкви тоже.

– Этот... пастор Леонид, что ли? – не смог удержаться Андрей.

Ее глаза блеснули незнакомым ему чувством. Что это было? Ненависть? Злоба? Или просто усталость?

Она перевернула страницу. Плотно сжатые губы дрожали.

– Пастор Леонид святой человек, – сказала она, потом опустила журнал на столик. – Он бы с радостью повидался и поговорил с тобой. Когда ты будешь...

– ...готов.

– Готов, – эхом повторила она. – Но это случится не скоро.

Андрей покачал головой, вышел на кухню и плеснул себе в стакан коньяка.

Она наблюдала за ним с каменным выражением лица.

– Все, что ты делаешь сейчас, делаешь не ты, – сказал она. – Тобой управляет злая сила. Она разрушает тебя. И добьется своего, вот увидишь.

– Да. Уже добилась. Мне просто нужна нормальная жена.

Оксана фыркнула, вытащила из сумки библию, раскрыла словно наугад и зачитала с придыханием:

– ...ибо неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим. Иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь – святы.

– Ты, наверное, целыми днями готовишься, чтобы отвечать цитатами, да? Только зачем? Хочешь, чтобы я ходил туда с тобой? Нет. Этому не бывать.

Кажется, Оксана нисколько не удивилась. Она вздохнула и ушла в комнату, где спала Саша.

В последнее время она пыталась и Сашу брать с собой на богослужения, но Андрей резко воспротивился, пообещав спустить журналы в унитаз. Тогда она повесила крест над ее кроватью и каждый вечер читала молитвы, поглядывая в лицо спящей дочери, надеясь, что во сне сказанное усваивается подкоркой напрямую, минуя сознание. И ребенок придет к Богу самым естественным путем. Когда наступит время, Саша поймет, что Его Слово буквально пропитало ее, наполнило и осветило, как если бы в темную ночь она открыла глаза, а небо озарилось внутренним сиянием.

Андрей слушал монотонный бубнеж жены и не знал, что ему делать.

Глава 8

Осень 2012 года

Они не соврали.

Это было не больно. Совсем не больно. Как комарик укусил. Маленький, звенящий комарик. Комарик, звенящий так назойливо и монотонно – она хотела махнуть рукой, чтобы отогнать его от уха, отогнать, отогнать! – но ничего не получалось.

Ей было не больно, хотя... тело ее кричало и мозг пронзила игла ужаса, но прежде чем он среагировал, чтобы послать ответные волны страха, та его часть, что сигнализирует об опасности, уже отключилась и Саша просто констатировала: боли нет. Смерти нет. И жизни тоже нет. Ничего нет.

В бескрайнем пространстве белого потолка проплыл розовый шарик. Ее ОСОБЫЙ ШАРИК. Она не понимала, почему не может взять его за желтую извивающуюся словно хвост змеи ленточку. Шарик бился о потолок, а она смотрела на него снизу-вверх немигающим взглядом.

Потом она увидела над собой лицо с бородкой. Это был Айболит. Его колпак съехал, а когда он нагнулся к ней, стягивая дрожащими руками «светаскоп», и вовсе упал ей на лицо.

Саша хотела рассмеяться, ей показалось, что это такая игра – доктор играет с ней, и теперь нужно вскочить, сбросить его щекочуший колпак, схватить за ленточку скачущий

шарик и срочно догнать Петю. Похвастаться ему, взять за руку и потом вместе, вприпрыжку, побежать в группу, где можно будет играть до самого вечера. И рисовать дом. Папу. Маму. Город. Гору.

Гора.

Она не могла вскочить. Просто не могла. Руки и ноги не повиновались. Как во сне, когда нужно бежать со всех ног от ужасного чудовища, все тело вдруг онемело, налилось свинцовой тяжестью, отказываясь слушаться – от кончиков ее русых волос до самого последнего пальчика на ноге. То есть, совсем.

Но если во сне ей все же удавалось, не сразу, но ценой невероятных усилий хотя бы поднять руку, сдвинуть стотонное тело на миллиметр, которое вязло в тягучей черной смоле, то здесь...

Где – здесь?

Саша повернула голову. Или ей показалось, что повернула. Калейдоскоп картинок, всего того, что она видела и не увидела в тот момент обрушился на нее со скоростью несущегося навстречу поезда. Кадры мелькали подобно желтым окошкам – едва различимые, и по мере того как она смотрела на них, становились все более страшными.

– Доктор? Доктор! Она потеряла сознание! Она не дышит!

Потолок взметнулся, стены повело, стол, возле которого стоял Айболит – накренился и стал расти в размерах, приближаясь. Медленно, очень медленно. Но соображала она на удивление ясно и быстро – как никогда, словно тормоз, державший все это время сознание, отпустил.

Глаза доктора расширились. Она сперва не поняла его реакцию, а потом вспомнила, что точно также отреагировала мама, когда она взяла нож, чтобы помочь чистить картошку и рубанула себя по большому пальцу – до кости. И никакой боли она вовсе в тот момент не чувствовала, лишь легкий, невесомый комарик прожужжал где-то рядом, над ухом. И почти не испугалась вдруг выступившей жирной полосы алой крови. Опустила нож на стол, положила картошку. Повернулась к маме, улыбаясь, и протянула ей руку. Мама мыла посуду и не сразу откликнулась. Но когда она, наконец, повернулась...

Да, у нее были точно такие же глаза.

– Мамочка, ничего страшного не случилось, я немножко порезалась, – сказала она самым ласковым голосом, на который была способна, зная, что ей влетит по самое первое число и может быть даже, родители заберут планшет в качестве наказания. Ведь никто не разрешал брать этот проклятый нож. И картошку из грязной плетеной корзинки.

Она просто хотела помочь. Помочь маме приготовить ужин. Мама устала, ее *задолбало* каждый день стоять у плиты.

Скорее всего, Айболита до колик *задолбало* (так сказала мама, доктор так не говорил) ездить по детским садам и колоть проклятую прививку. Он тоже стоял спиной и не видел, что произошло, а когда повернулся на истошный крик медсестры, неловко взмахнул руками, задев стул, который отлетел к стенке, перевернувшись ножками вверх (как это смешно!) – только тогда его глаза стали один в один как мамины и рот приоткрылся буквой «о», дудочкой, усы сморщились, а колпак опасно накренился.

Все это растянулось на долгие-долгие часы, может быть, даже месяцы или... годы. Что-то липкое и вязущее затормозило Сашу и не только ее, но и вообще все вокруг, превратило прохладный воздух в патоку, серый свет, проникающий сквозь длинные белые вертикальные жалюзи – в зефирное благоухание, такое безвоздушно-сладкое, что легкие замерли, боясь его вдохнуть и... потерять.

Она открыла рот, чтобы сказать доктору, – все нормально, и не стоит так волноваться существу пустяку. Это даже не порез на пальце, как тогда на кухне – сейчас она видела свои руки и растопыренные пальцы – ни кровинки, ни царапинки. Так почему же он так испугался? Почему его лоб под смешным колпаком собрался жирными блестящими складками?

И нужно обязательно его предупредить, что если он не удержит свой докторский колпак, то останется без него, а разве доктор Айболит может быть без колпака?

Взрослые всегда делают из мухи слона. В тот раз мама так перепугалась, что забыла ее отругать за нож и картошку – так за что же ее теперь могли отругать? Она наверняка что-то сделала не так, скорее всего, не заметила позади какой-нибудь столик и случайно задело его, а там находился важный и хрупкий медицинский инструмент. Других объяснений у нее не было.

Доктор все же не удержал колпак. Это оказалось смешнее всего.

– А-дре-на-лин!!! – прорычал он по буквам. Так медленно, что Саша, утратившая вдруг равновесие (это она поняла по взлетевшим вверх рукам), сначала даже не поняла, что это говорит вообще человек, а не испорченный телефон.

Но и обернуться, посмотреть, что же она уронила, тоже не могла – не получалось.

К чему весь этот спектакль, подумала Саша. Если они хотят ее наказать, поставить в угол, или рассказать все родителям, от которых, конечно же, тоже обязательно влетит (прежде всего, от мамы), то почему бы не сделать это сразу – без гримас и какого-то «ад-ре-на-ли-на», звучащего как заклинание из страшной сказки.

Краем глаза она смогла уловить выражение лица медсестры, находящейся слева – ее улыбку сменила восковая маска страха. Глаза расширились до такой степени, что белки вот-вот грозили выскочить из глазниц и тогда Саша поняла, что действительно, случилось нечто ужасное. Даже может ужаснее, чем просто разбитая склянка или термометр, хотя, что может быть ужаснее?

Пропуская кадры, теряя их яркость, выпуклость, реальность, Саша продолжала наблюдать и то что она видела, мелькало мимо нее – словно уходящий поезд с его желтыми окошками.

На руке затянулось что-то очень упругое, жесткое. Потолок удалялся, она пошатнулась вперед, но падала навзничь. Шарик парил высоко-высоко и как она ни силилась, не могла разглядеть, что же там нарисовано. Какое животное на ее ОСОБОМ ШАРИКЕ?

– Господи боже! – ощутила она горячий выдох на своем ухе.

– Обкалывай, обкалывай быстрее крест-накрест!

Сестра попыталась поймать ее тельце, но Саша проскользнула меж выставленных перепуганных рук, словно серебристая рыбешка в сумбурном потоке ручья.

– Да что ж ты... – в сердцах выкрикнул доктор, приближаясь и нависая.

Тогда-то колпак и съехал с его головы. Смешной такой колпак. Белый, белоснежный. Похожий на кастрюльку для картошки, только без ручек.

Она увидела его глаза – в них читалось недоумение, он не слишком понимал, что вообще происходит и Сашу это обнадежило. Значит, не все так страшно и, возможно, скоро она выйдет отсюда, когда они закончат свою странную медленную игру. Как во сне. Да.

В тот момент, когда он нагнулся над ней, срывая «светаскоп» – глаза его блеснули и был это не отсвет ламп, блеснули его огромные черные зрачки – расширенные, бездонные и бесконечно холодные – Саша слишком поздно это поняла, а может и вообще не поняла, а просто отстраненно зафиксировала – тогда-то колпак и съехал совсем. Он упал ей на лицо, закрыв глаза и потолок и шарик, дразнящий своим розовым боком.

Саша засмеялась.

Она давно не смеялась так звонко, от смеха ее просто выворачивало, бабушка обычно в таких случаях говорила – «смешинка в рот попала».

Действительно. Айболит был полностью лысым.

Потом свет померк.

Глава 9

1 ноября 2014 г.

Когда штатский вышел из кабинета, темные дубовые панели стен, кажется, даже слегка посветлели.

Пару минут они сидели молча, не произнося ни слова, прислушиваясь к удаляющимся шагам – на втором этаже здания остался паркет со времен СССР. И теперь гулкое эхо разносило по пустому коридору одинокое цоканье каблуков.

– Ушел? – тихо, как школьник, прячущийся от злого завуча, спросил Лукин.

Золотов кивнул. Его кабинет заместителя директора НИИ находился ровно напротив – через фойе. Там, в спортивной осенней куртке лежали ключи от новенькой Тойоты Камри. О том, чтобы задержаться, не могло быть и речи. Он намеревался во чтобы то ни стало тотчас уехать, а чуть позже, когда все уляжется, написать заявление об увольнении. Стоило портить бесценные нейроны, которые, как известно, не восстанавливаются, на то, чтобы выслушивать подобное – *чуть позже я допрошу каждого из вас* – это с какой стати и на основании чего?

Он уже открыл было рот, чтобы высказать претензии директору, но тот поднял руку.

– Подожди, Виталий. Не скачи.

Трошину оставался год до заслуженной пенсии, когда он с чистой совестью сможет начать тратить свои миллионы на черноморском или любом другом побережье планеты. На его место кое-какие силы из Москвы пытались просунуть своих людей, однако Трошин стоял мертво – только Золотов. Только зам разбирается в тонкостях и технологии работы института, знает коллектив, опытный вирусолог и, что тоже немаловажно, не рвется к власти, спокоен и трезв. Трошин не знал, что Золотову давно предложили должность в крупной фармацевтической компании, производящей вакцины по технологиям НИИ. Должность тихая и спокойная, с максимумом привилегий и минимумом нервотрепки. Бизнес не делал ставку на Золотова во главе НИИ, он был для этого слишком мягок, однако его умение втереться в доверие, оставаться эффективным на вторых ролях – незаметной серой тенью, это их устраивало.

– Что не скачи, Леонид Маркович? Может быть, вы о чем-то знаете и забыли нам рассказать?

– Виталий Сергеевич... Виталий... Меня подняли с постели, так же, как и тебя – в восемь пятнадцать. В девять я был тут. Что, по-твоему, я могу знать?

Золотов пожал плечами.

Сидевший тихо Лукин кивнул на серый стационарный телефон.

– Наберите уже кого-нибудь, это похоже на цирк. Еще... – он поднял руку, намереваясь взглянуть на часы, но увидев, что они отсутствуют, чертыхнулся. – Еще... примерно час, час у нас есть, и потом результаты тестирования можно смыть в унитаз, их никто не признает. Если московских еще удастся упрямить прикрыть глаза, то федеральную службу – бесполезно. Я уже не говорю про ребят из ВОЗ. Там звери.

Трошин кивнул. Он понимал, что дорогостоящее исследование может прерваться на финальных испытаниях и тогда, по сути, придется начинать все сначала. А это время. Не факт, что формы и штаммы гриппа, против которых так эффективно работала вакцина, будут еще актуальны.

Директор снял трубку, его палец коснулся кнопки телефона. Потом он потряс трубку, посмотрел в дырочки и водрузил ее на место.

– Не работает, – сказал он задумчиво. – Отключен.

– Похоже, мы заложники, – резюмировал Лукин. – Может быть, это вообще не органы? Обычный рейдерский захват. Сейчас по очереди нас вызовут, созовут совет директоров, введут своих людей, переписут собственность и патенты и... дело сделано. А мы тут гадаем. Неужели нет больше никакого телефона?

– В машине есть, – сдавленным голосом сказал Трошин. До варианта, озвученного Лукиным, он почему-то не додумался. А ведь, согласно принципу Оккама, это самое простое объяснение. Внедряют своего человека в тест-группу. Дожидаются конца испытаний, чтобы точно знать, стоит или нет идти на риск: ведь сумма заказа на новую вакцину могла составить более пятидесяти миллионов долларов. И это только в России, без учета братских республик и дальнего зарубежья. Если выяснится, что испытания прошли успешно, происходит захват НИИ и всех технологий. Вполне законным способом доли переписываются на свои предприятия.

– Господи... – прошептал Трошин. – Не может быть... Кто же эта крыса? Аргентум? Фармапром? Кто?

– Скорее всего, вторые, – нехотя сказал Золотов. – Эти точно могут.

– Что? – Трошин убрал руки, которыми обхватил мясистое лицо. – Что ты сказал?

– Фармапром.

– Почему? Откуда ты...

– Они предложили мне зама по науке...

Кровь схлынула с лица директора. Он застонал, как подстреленный кабан – протяжно, надрывно, словно это известие поразило его в самое сердце.

– Виталий... как же... – он вдруг схватился за грудь.

Двое мужчин подскочили как по команде.

– Леонид Маркович, – прошептал Лукин.

Но Трошин замотал головой.

– Все нормально. Сейчас... Пройдет... – Он отворил ящик стола, наугад выудил оттуда темно-коричневый пузырек с таблетками и закинул одну в рот.

Через пару минут мертвенно-бледные щеки и лоб порозовели. Он сидел, грузный и враз постаревший, глядя бессмысленным взглядом прямо перед собой.

– Я не согласился. Я ничего им не ответил, – сказал Золотов.

– Ты мог хотя бы предупредить. А теперь...

– А вдруг это не они? – спросил Лукин в повисшей тишине. – Конечно, они могли быть в этом заинтересованы, но ведь они также знают, что у Леонида Марковича племянник в министерстве, да и не только племянник. К тому же... какой смысл поднимать скандал на всю страну в канун эпидемии? Если об этом узнает президент, а он, поверьте, узнает, мало не покажется. Сорвать госпрограмму вакцинации – это вам не шутки. Зачем так рисковать даже ради пятидесяти миллионов? Все равно они свое получают, ведь они подрядчики – и без риска. Сумма поменьше, но...

– Резонно, – заметил Золотов. – Такой риск себя не оправдывает.

– Стоп! – сказал Лукин, посмотрел на Трошина и кивнул на экран монитора, стоящий у края стола. Директор редко пользовался компьютером, предпочитая делать записи в ежедневнике, но в кабинете Лукина стоял точно такой же блок Apple. В начале года институт закупил целую систему и связал компьютеры в сеть. – Работает же?

Трошин пожал плечами.

– Как поставили, ни разу не включал.

– Давайте попробую.

С этими словами Лукин под виноватым взглядом Золотова, который походил на прощрафившегося ученика, подскочил к компьютеру. Через пятнадцать секунд блок загрузился, Лукин, потирая ладони, запустил браузер.

– Сейчас мы им устроим. Кому писать? – спросил он, набирая адрес почтового сервера.

– Пиши Ковалеву, это пресс-атташе МВД и Зельцеру в Минздрав. А, еще Караваеву в Администрацию, мы только вчера обсуждали программу детской вакцинации, и он за нас порадовался, сказал, что Президент особо на нас рассчитывает в этом году. Мол, покажем, как

наши ученые смогли сделать то, что пока никто не делал. Точно, Караваеву. Он им устроит, паразиты...

Курсор вертелся на белом экране и... ничего не происходило. Полоска загрузки замерла на одном месте.

– Что? – не выдержал Золотов.

– Не идет, – сказал Лукин.

Прошла еще минута. Он попытался ввести второй адрес, третий – безрезультатно. Никого движения.

– Сети нет.

Они посмотрели друг на друга.

– Кажется, все серьезнее, чем мы думали, – откликнулся Трошин.

– Что было написано у него в удостоверении? – спросил Лукин, нажимая кнопки, хотя всем уже было ясно – заблокированы любые способы связи с внешним миром.

– ФСБ. Имя не помню. Майор Гаврилов или Галилов... как-то так. Но какое это имеет значение. Удостоверение можно подделать.

– Надо было позвонить в управление, пока была такая возможность и уточнить, – раздраженно сказал Золотов. – Так можно пускать любых мудаков с удостоверениями, купленными на трех вокзалах. Он, конечно, хотел уколоть Трошина – в отместку за его обиду, ведь, по сути Золотов никого не предал, а о предложениях, которые постоянно сыплются – он докладывать не обязан.

– Вот и позвонил бы, Виталий. Ты приехал через пять минут после меня.

– Но я не видел удостоверения, – парировал Золотов. – И вы мне ничего не сказали, кроме того, что у нас органы. Теперь получайте за свою халатность.

Трошин открыл рот, потом закрыл его. Возразить было нечего, Золотов, какой бы он ни был, оказался прав. Трошин подставил под удар институт и вообще всю программу, повел себя непрофессионально, а по сути – смалодушничал, струсил.

Он облизал сухие губы, хотелось пить, в кабинете сильно топили.

– Вот же черт... – тихо сказал Трошин. – Так глупо попасть... – он тяжело поднялся и подошел к окну, где возле фикуса на столике замер графин с водой. Налив стаканчик, выпил.

– Будешь? – кивнул он Золотов.

– Давайте, – ответил тот. – Хотя я не отказался бы и покрепче.

– Есть и покрепче, но... мне нельзя. А тебе могу налить.

– Буду благодарен.

Трошин вернулся к столу, где возле компьютера копошился Лукин, открыл одну из темных панелей, за которой располагался бар, доверху заставленный дорогим алкоголем. Каждый посетитель директорского кабинета, не без оснований полагая, что тот имеет отношение к медицине, вручал бутылочку чего-нибудь эдакого – Золотов через плечо директора заметил этикетки японского односолодового Сантори Ямадзаки, Джек Дэниэлс и шеренгу коньяков...

– Ого, – вырвалось у него.

– Что желаешь? – спросил Трошин.

– Если угощаете, предпочту Сантори. В синей коробке.

– Губа не дура, – шутливо ответил Трошин. Достал коробку, распечатав ее, вынул бутылку.

Через пару минут Золотов вдохнул аромат одного из самых дорогих виски в мире и зажмурился от удовольствия.

– Нет худа без добра. Где еще такое попробуешь.

– Илья, ты будешь? – спросил Трошин.

– Нет, я не пью, – откликнулся тот, засев за компьютер. – Да где же оно? – едва слышно произнесли его губы.

– Ну как знаешь. А я, пожалуй, все же выпью.

Трошин налил себе виски в широкий стакан.

– Чертов день, – сказал он, глядя в окно, за которым плясали мелкие, точно сахарная пудра, снежинки, и опрокинул жидкость в рот.

– Мы же все у вас под колпаком, – пробормотал Лукин, – так где же, где оно? – он барабанил пальцами по клавиатуре, но, видимо, что-то не получалось. По его виску потекла капелька пота. – Как же жарко у вас тут.

Трошин вытер рот тыльной стороной ладони.

– Под каким колпаком, ты о чем?

Лукин выпрямился. Он был красный, даже багровый, словно вареный бурак и его молодое лицо стало одутловатым, они все как-то враз состарились здесь, – подумал Трошин.

– Вы можете следить за каждым сотрудником института. Разве вы не знали об этом? Когда ставили компьютеры, потом настраивали сеть, я спросил, будет ли подключена к сети система видеонаблюдения? Их устанавливали разные фирмы и технически они могли быть несовместимыми. Я тогда подумал, что было бы удобно мне из кабинета смотреть, что творится в лаборатории и испытательных боксах. Чтобы лишний раз не бегать понапрасну, когда кто-то забудет закрыть шкаф с реактивами или не выключит свет в барокамере.

Золотов с Трошиным переглянулись. Кажется, они впервые слышали о такой возможности.

– То есть... ты хочешь сказать, что помимо постов видеонаблюдения, я могу...

– Да. Теоретически. На своем компьютере в кабинете я так и делал. После того, как поставили систему, они смогли их объединить и дали мне адреса, но, похоже... они для вашего компьютера не работают. Должны быть какие-то другие адреса. Я же нахожусь в другом здании, у меня другая подсеть. А какая тут у вас, я не знаю...

– Вот это да, – сказал Золотов. – Уже почти год как я мог бы смотреть на задницу Ани Верник в бухгалтерии, а ты молчишь? Шутка.

– Что уж. Аня Верник очень даже, – медленно сказал Трошин. – Тебе-то, холостому, сам бог велел туда смотреть. Только вот... как? – Он повернулся с бутылкой в руках, плеснул себе еще в стакан, потом добавил Золотову. – Постой, постой. Это не те ребята, что сломали нам клетку обезьян и потом мы ловили одну почти целый день?

– Эти, – подтвердил Лукин. – Они мне весь потолок разворотили своими дрелями. И насвинячили в чистой зоне, пришлось неделю отмывать.

– Погоди, мне тогда начальник их подарил... бутылку Бехеровки, я отвез ее жене, она любит такое. И дал бумагу. Сказал: «тут коды доступа к камерам, смотри не потеряй». Но так как вся система видеонаблюдения заработала, то я подумал, зачем эти коды... и положил... – Он снова подошел к бару. – Точно! Я подумал, раз коды, значит что-то важное, как коды к моему сейфу. И положил ее... да-да, в сейф! – Трошин отворил темную панель справа от бара. Там располагался небольшой сейф с кнопками. Быстро набрав комбинацию, он открыл толстую дверцу.

– Так... не это... не оно, это техпаспорт... это устав... стоп... кажется... – он вынул лист бумаги с чередой длинных адресов-цифр. – Здесь не написано, что это, но... кажется...

– Да! – Лукин быстро пробежал взглядом бумагу. – Это точно оно! Есть, давайте ее сюда... так... одну секунду. Сперва глянем, что у нас за дверью. – Он быстро набрал вереницу цифр и глазам изумленных мужчин предстал очень качественный, цветной вид сверху на дверь кабинета директора, включая стол секретаря, шкаф для бумаг, вешалку, кресла для посетителей. На месте Веры Ильиничны восседал бугай в джинсах и свитере крупной вязки, с «оленьями». На голове у него была черная шапочка. Он крутил в руках рацию и явно маялся от безделья. Сумка Веры Ильиничны висела на стуле, как будто она отлучилась на минутку.

– Смотри, – указал в нижний темный угол Золотов. – Несмотря на то, что освещения внизу не хватало, все они увидели, что белый короб, скрывающий телефонные провода, вскрыт, а из него торчат разноцветные лохмотья. Они перерезали телефонную линию.

Лукин покачал головой:

– Интернета нет, потому что перерезан телефонный кабель. А вот сама сеть есть. И это единственный плюс, который мы имеем на данный момент. Мы можем точно узнать, где они и что делают. Посчитать, сколько их и... возможно, обезвредить. У меня такое ощущение, что в их планы не входит выпустить нас отсюда.

Глава 10

2012 год

Она стоит на ступеньках автобуса, прислонившись к холодному стеклу двери, а тот грохочет по разъезженной дороге, корпус содрогается, скрипит и плачет, крышка механизма открывания дверей над головой бьется с монотонным лязгом. Надпись на ней гласит:

НЕ ЗАБУДЬТЕ ОПЛАТИТЬ ПРОЕЗД

Она смотрит в окошко, боясь пропустить свою остановку, но снаружи – серая туманная слизь, не видно не зги. Силуэты домов угадываются и тотчас исчезают, а людей и вовсе нет, а автобус, старенький Лиаз, все едет и едет. Без остановок.

Салон забит людьми – они чем-то неуловимо похожи друг на друга, словно едут на завод (или на похороны), и они... они смотрят на нее, да. Серые землистые лица, плотно сомкнутые бескровные губы, изгибы морщин. Странно, но никто не шмыгает, как обычно, не кашляет, не сморкается. Она попыталась вспомнить, как попала в этот автобус, но не смогла. И куда она едет без родителей?

Почему все смотрят на нее? Она холодеет – у нее нет билета. Они знают. Они откуда-то знают.

Проносится перечеркнутый красной линией знак с надписью «Огненск» и она с ужасом понимает, что села не на тот автобус. Она едет не туда и автобус уже выкатился из города, тряска стала более монотонной, похожей на дрожь. Скорость выросла. Люди в автобусе молчали, никто не произносил ни слова. Она украдкой посмотрела влево – ни одного мобильного, никто не смотрит очередной выпуск новостей, не слушает музыку в наушниках, черт – даже не сидит в Инстаграме или на худой конец, в Одноклассниках, у людей здесь... вообще нет телефонов. Их тела ритмично покачиваются и наклоняются совершенно синхронно, как связанные, когда автобус берет правее или левее.

С каждой секундой, которые тянутся, словно кадры на замедленной съемке, ужас наполняет ее все больше и больше. Где папа?! Где мама?!

– Тетенька, – оборачивается она к пожилой женщине, стоящей позади. На старухе черное пальто до пола и резиновые сапоги, тоже черные, в комках жирной оттаявшей грязи. – Простите, какой это номер, не подскажете? Куда мы едем?

Старуха смотрит на нее в упор, отчего Саше становится не по себе.

– Безбилетница, – говорит старуха, шевеля тонкими губами с полоской серых усов над ними.

Саша втягивает голову в плечи. Ей становится и страшно, и стыдно одновременно – она краснеет, невыносимо душно, хотя внутри салона, это хорошо видно, из каждого приоткрытого рта то и дело вылетает облачко пара.

– Безбилетница! – повторяет старуха злобным шипящим голосом. Ее маленькие черные глазки буравят Сашу. Старуха входит в раж и, специально, чтобы услышали все, почти выкрикивает это слово, как заклинание: – БЕЗБИЛЕТНИЦА!!!

Саша с силой прижимает ладони к холодному стеклу автобусной двери, ей нужно выйти прямо сейчас – сквозь запотевшее стекло она видит новый указатель и ей становится не по себе: «Городская свалка, 5 км».

Господи! Папочка!!! Я заблудилась!!! Помоги мне, папуля, где ты?!

Тем временем, лица пассажиров, даже тех, кто вообще не подавал признаков жизни, разворачиваются в ее сторону. В их глазах – глухая черная пустота. Сначала они молчат, просто смотрят, но Саша знает – этим не обойдется. Если бабка решила выместить на ней свою злобу, своего добьется. Ужасная, страшная старуха, похожая на бабу Демидиху из соседнего подъезда – склочную, сварливую, ее сторонились даже крепкие мужики со свинофермы.

Толпа не любит чужаков. Тех, кто отличается. Тех, кто своим видом вносит сумятицу и раздор, вызывает волны на вечной глади болотной жижи. Но... откуда они знают? Откуда?..

В этот момент глухой ропоток, заглушая кашель двигателя, сперва несмело, но с каждым разом все громче, все сильнее, – перерастает в скандирование – «Без-би-лет-ни-ца, без-би-лет-ни-ца, без-би-лет-ни-ца!», которое впивается в уши, проникает сквозь кожу, холодными иглами пронзая все ее тело – как тогда... как тогда...

Она затыкает уши. Но это не помогает. Автобус раскачивается в такт крикам, словно пытаясь выплюнуть ее наружу, в туманный холод – а там, она с ужасом это видит, распахнув глаза – на горизонте, вырастает исполинская Гора, та самая, куда родители под страхом вечного домашнего ареста запрещают бегать и ездить на велосипедах своим детям. Гора, за которой находится нечто жуткое и темное. И даже туман в том месте – на горизонте, тонет и исчезает, обращаясь в НИЧТО. И в этой черноте, куда летит автобус теперь уже совершенно бесшумно, под вой безумных пассажиров – кто-то поджидает ее.

Это его глаза она видела тогда, да... тогда, его глаза, его расширенные зрачки, его прищур и узнавание, его триумф и его холод, в который она падала бесконечно много лет с тех пор. Бесчисленное количество раз. Саша пытается закричать, позвать на помощь, сказать, что она выйдет, нужно остановить автобус пока не поздно, нужно выйти всем, кто еще может, но ничего не получается – только хрип вырывается из ее простуженных легких и пальцы оставляют длинные следы на запотевшем стекле автобусной двери.

Профессор Верник из Москвы развел руками:

– Голубушка, я все понимаю, но, к сожалению, я не господин Бог. Не все в моих силах. Ее показатели соответствуют обычному спящему ребенку – но... почему-то она не просыпается. На вашем месте, я бы делал все, что делают обычные родители: читайте ей, занимайтесь, разговаривайте, и... даст Бог, она очнется.

– Вы сами в это верите, доктор?

– Отчего ж не верить, – сказал Верник, стараясь не смотреть в глаза. – Бывали случаи и более безнадежные. Мозг не поврежден, реакции организма присутствуют, учитывая, что она лежит без движения вот уже второй месяц. Девочка реагирует на свет, слышит, когда к ней обращаются, как будто даже отвечает, но... что-то удерживает ее там... я не знаю, что. Наука при всем ее развитии, почти ничего не знает о мозге. Нужно ждать.

Она ждала. С мужем общалась не так часто по понятным причинам. По вполне понятным... Тот день до сих пор стоял у нее перед глазами – серый октябрьский день, в котором прозвучал телефонный звонок и еще до того, как она подняла трубку, до того, как услышала сухой незнакомый надтреснутый голос – она знала – случилось что-то непоправимое. Что-то ужасное, страшное.

То, что разделило ее жизнь на две части – живую и мертвую. До и после. И хотя нельзя было так называть – именно так она это и называла.

– Оксана Владимировна?

– Да, это я.

– Александра Лосева – ваша дочь?

– Да... моя... а... что-то случилось? – холодный озноб пронзил ее в тот момент, руки тотчас онемели.

Голос замер, было слышно, как там на заднем фоне кто-то говорит – быстро и неразборчиво.

– У Саши анафилактический шок. Она находится в реанимации городской больницы. Нам удалось стабилизировать ее состояние, но...

Все это время, пока далекий голос произносил эти страшные буквы, у Оксаны было состояние, будто ее медленно погружают в ледяную прорубь. И вот, когда уже до линии рта оставалось совсем чуть-чуть, пару сантиметров, погружение прекратилось. Ее легкие, до отказа наполненные воздухом, готовы были сорваться в крике.

– Она жива? – не своим голосом спросила Оксана. – Протяжный стон, наконец, вырвался из ее груди.

– Да. Но... ее состояние...

– Я еду, – ее повело в сторону. Все вокруг поплыло, накренилось и она, чтобы не упасть, схватилась за подоконник.

– Боюсь, к ней никого не пускают.

– Я еду, – сказала Оксана и положила трубку.

Автоматически, ничего не соображая, набрала Андрея, который еще вчера что-то говорил про... она не помнила, про какое-то задание для Саши, в голове все перемешалось, превратившись в хаос, обрывки мыслей, снов, дней, цитат из библейских журналов.

– Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети. Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети. Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети...

Она медленно опустилась на кресло.

– Господи, – сказала она сама себе. – Он... он позволил моей девочке... Господи! Боже! Саша! Саша!!! – и она согнулась, сотрясаясь всем телом в глухих рыданиях.

Глава 11

2014 год

– Глянь, Марцелов, какой дружок пристроился в арке. Берем?

Двое полицейских, пряча подбородки в форменных куртках, остановились, глядя перед собой.

За углом бара «Свобода», в тусклой подворотне, покачиваясь, стоял человек в темном плаще. Левой рукой он держал сумку на ремешке, правой упирался в стену. Одного взгляда было достаточно, чтобы определить нетрезвого гражданина, только что покинувшего кафе и забывшего там справить нужду – у хорошо выпивших мужчин, а это, конечно, же был мужчина, отключается центр в мозгу, отвечающий за рациональность. Покинув кафе, стоя на пронизывающем ветру, он вспомнил, что забыл зайти в туалет, но возвращаться не хотелось.

– Ну его в жопу, пойдем. Дежурство заканчивается через полчаса, на него придется протокол составлять, ты что ли будешь это делать?

– Он еле стоит, – ответил второй полицейский. – Замерзнет еще. Ночью заморозки обещали.

– И хрен с ним. Кафе закрывать будут, найдут. Пойдем.

Однако Марцелов, склонив голову на бок, приблизился к мужчине.

На вид – неплохо одет, хотя и не по погоде, держит спортивную сумку. Что там у него, интересно? Полицейский медленно положил руку в перчатке на рукоять резиновой дубинки, готовый выхватить ее в одно мгновение.

– Эй, гражданин! Документики имеются?

В ответ человек, стоящий к ним спиной, лишь качнулся волной. Полы его плаща были в снегу, вероятно, он уже несколько раз падал. На голове была черная шляпа с полями. В свете тусклого фонаря на дороге она отбрасывала глубокую тень на лицо.

Такие сейчас никто не носит, машинально отметил Марцелов, разве что в кино. Ему показалось, что глаза человека едва заметно блеснули – неприятным болезненным светом. Конечно же, это был отблеск лампы фонаря.

– Уважаемый... вы меня слышите? Документы предъявите.

Сержант Гаврилюк, старший группы, с золоченым значком на груди, сверху которого полукругом было написано «Патрульно-постовая служба», а ниже, под гербом – «Полиция, №015036» стоял позади, переминаясь с ноги на ногу. Он, конечно, мог прикрикнуть на Марцелова, чтобы тот не маялся дурью, в конце концов, план по задержаниям и штрафом они на сегодня с лихвой выполнили, покрутившись возле цветочного рынка, где заезжие спекулянты продавали запрещенные китайские петарды, хлопушки и ракеты – к Хэллоуину.

«У нас нет такого праздника, сматываем удочки и шуруем в участок. Продукция будет изъята, заплатите штраф за торговлю в неподобающем месте запрещенным товаром. Это если еще что-нибудь не найдем». Хитрые торговцы сдавали часть товара, ту, что непосредственно была выложена, с радостью платили штраф на месте и продолжили торговлю.

– Они как тараканы, – сказал Гаврилюк. – Прихлопнешь тут, а они уже там. И что ты сделаешь? Все равно будут продавать, так хоть под нашим присмотром.

Марцелов не возражал. Эти чертовы штуковины, свистящие так, что уши закладывало, настоящие ракеты, стоили приличных денег. Может, официально и нет такого праздника, а вся страна неминуемо будет в тыквенных оскалах.

– Говорю тебе, пошли. Пятнадцать минут осталось. Пока дойдем, смена кончится.

– Погоди... что-то с ним... – Марцелов отстегнул резиновую дубинку, вытянул ее перед собой и ткнул человека в спину – тот подался чуть вперед, но не произнес ни слова.

– Оглох что ли? – повысил голос младший сержант, закипая. – Зашел за угол поссать и уши отморозил? Отвечай! – Он снова ткнул в колышущуюся ткань пальто – уже сильнее, чувствительнее.

На другой стороне улицы семенили редкие прохожие – они старались не смотреть в сторону арки и полицейского наряда – никто не хотел вступать не в свое дело. За углом, в кафе, хлопнула дверь, послышался девичий смех.

– Дэн, ты такой смешной, когда выпьешь пива! Завтра, между прочим, педиатрия, а я ничего не выучила... по твоей милости. Что мне теперь делать? – видимо, девушка тоже слегка выпила, голос ее был громче обычного, звонкий и счастливый, он перекрывал завывания ветра.

– Я вызвал такси, – сказал парень. – Как раз успеем до одиннадцати, пока общагу не закрыли. Могу написать тебе в чат, помочь с рефератом.

Она засмеялась.

– Как будто не знаешь Базелевича. Его ничем не проймешь. Я уже и юбки меняла, и блузку расстегивала, ни фига не действует на него. Ты уж точно ничем не поможешь. О-ох, как мне хорошо...

Послышался шум мотора, машина затормозила напротив входа в бар. Женские каблучки застучали по тротуару, хлопнула дверь, через минуту все стихло.

– Короче, вызывай карету, – сказал Марцелов. – Я сам его оформлю, пусть лучше у нас посидит, чем тут околеет. – Впрочем Марцелова интересовало не здоровье клиента, а его сумка.

Гаврилюк покачал головой, нехотя достал рацию, из которой периодически раздавались шипящие звуки переговоров экипажей с дежуркой. С одной стороны, город небольшой, хорошо бы сперва узнать, кто это, чтобы не совершать необдуманных действий. С другой... жертва на блюдечке – раздевай тепленького, даже сопротивляться не будет. В конце месяца Климов, начальник ОВД, будет тыкать в отчет и орать: «Где показатели, мне из-за вас краснеть приходится! Как халтуру на базаре ловить, так они тут как тут, а как работой заняться, мать вашу, мне потом за вас отдуваться на коллегии! С каждого шкуру спущу заживо, если работать не начнете!»

– Центральная, это сто пятый, у нас пьяный возле «Свободы». Слева от входа, в арке. Пришлите патрульную.

Рация ответила через мгновение:

– Какой еще пьяный, вы что там, мозги отморозили? Нахрена он тут?

Гаврилюк ковырнул ногой снег.

– У него большая сумка, а сам на ногах не стоит.

– Ладно, там сейчас Жирнов будет возвращаться, передам ему.

– Спасибо, отбой.

Тем временем, Марцелов достал фонарь и обошел мужчину сбоку, держа наготове палку.

Рука Гаврилюка автоматически нащупала холодную резину – все это ему не нравилось хотя бы тем, что мужик никак не отзывался.

– Эй, ты! Слышишь?! У тебя имя... – Марцелов направил белый луч света в лицо человека. – Черт! – Фонарь дернулся в его руке. – Что с тобой...

Гаврилюк напрягся, чувствуя, как бешено застучало сердце. Им не так часто приходилось участвовать в чем-то рискованном. Обычная рутина, привычный маршрут, все свои – общение и столкновения с людьми хоть и не слишком приятными, но вполне себе безопасными, – будь то торговцы петардами или алкаши возле «Пятерочки». К тому же, мало кто горел желанием пообщаться с представителем закона, и тем более продолжить это общение в отделении. Постепенно свыкаешься, что тебя боятся по определению, расслабляешься... вот тогда и может прилететь неожиданная оплеуха судьбы.

В марте этого года скинули с крыши пятиэтажного дома Витю Левинсона – наряд вызвали жильцы с жалобой на то, что кто-то веселится на крыше, орет песни, – все как обычно. Левинсон прибыл с напарником. Увидев компанию выпивающей молодежи, не воспринял всерьез, к тому же оказалось, среди них был и бывший одноклассник Левинсона. Им с напарником предложили выпить, когда Левинсон отказался, смеха ради его схватили за руки и ноги и принялись раскачивать – никто ничего толком не понял, только тяжелый, почти в центнер весом, Витя камнем полетел к земле – ни единого шанса выжить у него не было.

– Что?! Что там, Димон? – Гаврилюк вытянул дубину, не решаясь подойти ближе.

Марцелов тоже сделал шаг назад, продолжая светить в лицо мужчине.

Тот не предпринимал попыток закрыть лицо, не делал резких движений – просто стоял, глядя стеклянным взглядом перед собой, что тоже выглядело подозрительно. Обычно пьяные ведут себя довольно агрессивно, но может это какой-нибудь офисный клерк или похожий на него, из тех, что дай ему сто граммов водки, он и говорить уже не может внятно.

– У него... вся харя в чем-то... и глаза... белые, вот же говно! Я таких уродов в жизни не видел, – Гаврилюк заметил, что Марцелов поднес руку с дубинкой к лицу, прикрывая рот и нос. – И воняет от него дерьмом...

– Обосрался? Тогда наши не возьмут.

– Нет, что-то другое, – Марцелов потянул носом морозный воздух. – Сладкое, тошнеловка какая-то... Эй, мужик, ты меня слышишь? Что у тебя в сумке? Ну-ка повернись-ка, пока я...

– Слушай, – раздался голос Гаврилюка. Он обращался к Марцелову. – Пошел он на хер. Пусть стоит и обсирается, какое нам дело. Каждого тащить в отдел, обезьянника не хватит.

– Надо посмотреть, что у него в сумке, – сказал Марцелов. – Если ничего такого, пусть стоит, – согласился он. – Но, если что, потом же нас по головке не поглядят, сам знаешь. Подстрахуй лучше.

Марцелов был крупнее и сильнее Гаврилюка, хотя и младше по званию. Гаврилюк к своим тридцати годам уже отрастил приличное пузо и мечтал о бумажной работе где-нибудь в отделе миграции.

– Ладно, только давай быстрее. Сейчас Жирнов приедет.

Марцелов поднял дубинку. Сделав пару шагов назад, он передал фонарь напарнику.

– Ты свети, а я гляну. Дернется, сразу вали. – Потом он ткнул стоящего мужика. – Эй, опусти руку и поставь сумку на асфальт. Медленно, без резких движений.

Тот повиновался, хотя слова до него, видимо, доходили с трудом. Мужчина покачивался, запах от него и правда, был крайне мерзкий, напоминающий трупный – по крайней мере очень похоже воняло в моргах, подумал Гаврилюк, подсвечивая напарника и одновременно косясь в сторону дороги.

– Что-то морда мне твоя знакомой кажется... – задумчиво пробормотал Марцелов.

Где же эта чертова машина? Почему так долго? Когда не надо, они тут как тут.

Он поймал себя на мысли, что думает с позиции человека, попавшего в беду – с чего бы это, когда пистолет лежал в кобуре, а дубинка описывала в его руке замысловатые фигуры, готовая в любой момент обрушиться на спину потенциального преступника.

Длинные ручки сумки соскочили с руки мужчины, она плюхнулась на запорошенный снегом асфальт. Рука плетью повисла вдоль тела, вторая же, как и прежде, опиралась о стену.

– Что в сумке? – неприязненным тоном спросил Марцелов и Гаврилюк узнал этот тон – еще чуть-чуть и младший сержант заведется, маховик ярости раскрутится, пелена падет на глаза и тогда – берегись: успокоить беснующегося полицейского будет трудно – только выдохшись, намахавшись вдоволь дубиной, только тогда он вновь становился самим собой.

Не дождавшись ответа, Марцелов присел на корточки и ручкой дубинки подтянул сумку поближе, не сводя при этом глаз со странного парня. *Где же я его мог видеть*, – не мог вспомнить полицейский.

Выглядел парень очень, очень болезненно, будто только что сбежал из инфекционной больницы – лицо покрывала белесая слизь с крупными красными пятнами, глаза... тоже белые, словно без зрачков – это больше всего напугало сержанта, из-под черной шляпы торчат тонкие, совершенно седые клочья волос – как у куклы на помойке.

Сумка оказалась между ног Марцелова. Он нащупал собачку замка и потянул ее – с характерным звуком молния расстегнулась. До самого верха спортивная сумка была наполнена картонными держателями со множеством стеклянных пузырьков. Это походило... – Марцелов почувствовал, как заколотилось его сердце. Невероятная удача! Тут даже и думать не нужно, на что это, мать его, походило. Чистая 228-я. Хранение, перевозка наркотических средств в особо крупных. Может быть, партия метамфетамина, или еще какой-нибудь гадости, – промелькнула у него мысль и азарт охотника, наконец выследившего крупную, очень крупную дичь, накрыл его с головой.

– Возьми-ка его на мушку, – сказал он напарнику, – пока наши не приедут. – Тут черт знает, что, в этой сумке. Похоже на наркоту. – Он встал на ноги и мыском отпихнул сумку в сторону Гаврилюка. – Глянь!

Тот уже доставал табельное оружие.

– Эй, как там тебя. Тебе же будет лучше, если скажешь, что это за херня. Потому что в отделении мы будем разговаривать с тобой по-другому. Ты меня слышишь, мудила?

– Может, он глухой? – предположил Гаврилюк, вытирая внезапно выступивший пот на лбу. Ему вдруг стало жарко, так жарко, что захотелось немедленно сбежать. Такую крупную партию наркоты (а что еще это могло быть, совершенно очевидно, наркотики!), он видел только по Первому каналу.

– Он же отдал сумку, значит слышал, – ответил Марцелов. – Мой тебе совет, приятель – начать говорить прямо сейчас.

Мужчина или парень, трудно было сказать, сколько ему лет на самом деле, подался чуть вбок, переместив массу тела на другую ногу. Его по-прежнему качало, и, кажется, он совершенно не понимал, кто он и то с ним происходит. Губы шевелились, лицо, сдавленное каким-то спазмом – ходило вверх-вниз, то ли от переохлаждения, то ли от дозы.

– Найдите ее... – прохрипел он, но порыв ветра сорвал слова с его синюшных губ и вместе со снежной крупой бросил их в зияющую темноту арки.

– Ну ладно... – тихо сказал Марцелов, поднимая дубинку. – Сам напросил...

По тройке мужчин полоснул свет фар. Выхватив на мгновение ярким лучом утробу арки, на тротуар, громыхая, въехал полицейский УАЗ. Двигатель поперхнулся, машина вздрогнула и замерла. В ярком световом пятне на стене застыли три тени, между которыми мельтешили юркие снежинки.

Одна из дверей открылась, оттуда показалось лицо старшего смены лейтенанта Жирнова.

– Этот что ли? Давай, загружай его. Только быстрее, холодно.

Из водительской двери выскочил верзила под два метра и распахнул заднюю дверь бобика – там располагалась клетка.

– Сами справитесь или помочь? – крикнул он.

– Одно лишнее движение, и я сделаю из тебя холодец, – предупредил Марцелов мужика и схватил его за шиворот. – А ну, пошел!

Гаврилюк подхватил сумку и сел позади водительского сиденья.

– Что там? – спросил лейтенант.

– Хрен его знает, склянки какие-то. Похоже на наркоту или лекарство. В любом случае, такого в магазине не купишь.

– Много?

– Полная сумка.

Лейтенант присвистнул.

– Тогда и меня в рапорт запиши. Ясно?

– Так точно, – ответил Гаврилюк, а сам подумал – «Вот жлоб, ни хрена не сделал, а премию урвет! Мы тут жизнями рисковали, а он просто так все получит... жизнь несправедлива, мать ее!»

На удивление задержанный не оказал никого сопротивления – он едва держался на ногах, но не пытался сбежать или хотя бы вырваться из мертвой хватки Марцелова.

– Фу ты жаба, это от него так воняет? – водитель заткнул нос.

– Ага, – сказал Марцелов. – Точно наркот, от них вечно такой шмон, хоть ты освежитель воздуха с собой вози.

– А это идея, – отозвался водитель, захлопывая заднюю дверь. Внезапно столкнувшись со взглядом задержанного, он чертыхнулся: – Что у него со зрачками? Больной что ли? Или слепой?

– Говорю же, наркоман. Полная сумка химии, – ответил Марцелов.

– Урод какой-то, точно, – сказал водитель, стараясь не смотреть в окошко задней двери.

Марцелов кивнул.

– Все они уроды.

Двигатель узика взревел в темноте рано наступившего сумрака. Подпрыгивая на ухабах, он направился по Советской улице к зданию городского отдела внутренних дел.

Одинокие прохожие видели тень человека, застывшего у окошка задней двери автомобиля. Человек смотрел на дорогу и губы его беззвучно шевелились.

Глава 12

2014 год

– Итак, у нас есть локальная сеть с выходом на каждую камеру института, хороший запас спиртного, а также бандюга на месте Веры Ильиничны. Кстати, ее сумка висит на стуле, – заметил Золотов. – Насколько я помню, она берет ее с собой, даже если отходит к шкафу с документами.

– Ну... не утрируй, – сказал Трошин. – Хотя в целом так и есть, без сумки из кабинета она точно не выйдет.

– Включи-ка мой кабинет. Там же есть камера? – Золотов посмотрел на Трошина.

– Ты на меня так не смотри, – директор уже немного оклемался и говорил почти твердо, как и раньше. – Не я ставил эти камеры, этим занималась служба безопасности. И не я разглядывал чужие задницы, вместо того, чтобы работать, – он покосился на Лукина.

– Я понятия не имею, – откликнулся Лукин, – на что вы намекаете. А если по делу... какой у тебя номер кабинета?

– Двадцать третий. Пора бы знать.

Лукин провел пальцем по бумаге, нашел номер кабинета и записанный рядом цифровой адрес видеокamеры. Ввел его в компьютер. Через пару секунд перед ними появилось изображение – кабинет заместителя директора, снятый по диагонали сверху – от входа.

– Вот же черт! – ругнулся Золотов. – Надо же, какие гниды!

– Что? – разом спросили Лукин и Трошин.

– Пожарный извещатель, прямо над дверью висит. Когда ставили его, долго возились, полдня потратили, что-то там у них не ладилось. А это, оказывается, никакой не извещатель.

– Разве у тебя есть секреты? – пожал плечами Трошин. – Если ты не принял предложение...

– У меня нет секретов, но секреты есть у нас, у института. Посмотрите, сколько у вас бумаг сейчас на столе с грифом «Для служебного пользования» и «Совершенно секретно». Хотя бы вот эта стопка о недельных результатах испытаний, наверняка вы открывали ее и вчера, и позавчера.

Трошин посмотрел на потолок. В его кабинете было установлено целых три пожарных извещателя – и один из них прямо над рабочим столом.

– Они могут сейчас видеть, чем мы тут занимаемся?

– Виски пьем.

– Подвинь монитор, чтобы его не было видно оттуда, легким кивком Трошин показал на потолок.

– Я просто перепишу трансляцию на ваши адреса и пушу их по кругу. Если конечно, они еще ничего не заметили. Сядьте как сидели, когда этот козел вышел из кабинета.

Все расселись по местам.

– Посидим на дорожку, – тихо сказал Лукин. – Минуты хватит. Леонид Маркович, рисуйте что-нибудь в блокноте. Звук они не слышат, слава богу. Все, теперь обрежу запись, закольцую и пушу трансляцию. Береженого бог бережет.

– Откуда ты все это знаешь? – изумился Золотов.

– Ночами сидел на дежурствах – делать было нечего, изучал программирование и сети. Мало ли, запасной вариант сегодня каждый должен иметь.

– Верни-ка назад мой кабинет, – сказал Золотов, когда они вновь сгрудились возле стола Трошина.

Появилось цветное и очень качественное изображение. Дорогая обстановка, качественная мебель, у правой стены – длинный книжный шкаф, заставленный специальной литературой, на широком столе посередине – распахнутый кожаный портфель, из которого торчат бумаги.

– Так спешил, что забыл портфель захватить, – сказал Золотов. У меня, кстати, над столом нет извещателя. Я послал их нахрен. Сказал, одного достаточно. Они долго спорили, но я уже хотел набрать директору фирмы, что выполняла монтаж и тогда они резко успокоились. А что это такое на ковре? – Он показал пальцем на темные пятна. – Нина Павловна убирала с вечера, не мог же я так наследить? – Они всмотрелись в пятна, тянущиеся от самого входа к столу и скрывающиеся за ним.

– Похоже это... не грязь... – медленно сказал Трошин.

Они переглянулись.

– Посмотрите, за столом, внизу... – Золотов показал пальцем. – Из-за нижней кромки стола торчал едва заметный полукруглый предмет красноватого цвета.

– Приблизить нельзя?

– Секунду... – Лукин минуту возился с настройками, потом камера наехала на нужный участок, и они отшатнулись от монитора. Сомнений не оставалось. Это был краешек женской туфли. Красной туфли Веры Ильиничны.

– Господи, – прошептал Трошин. Его губы побелели, только появившийся румянец враз схлынул. – Это ее туфли. Я точно знаю. – «Я сам их покупал», – хотел он добавить, но с трудом сдержался.

Они переглянулись. Никто не мог произнести ни слова. Положение из серьезного в одно мгновение стало угрожающим, опасным для жизни. Все трое в эту секунду осознали, что, скорее всего, институт захвачен террористами. Вера Ильинична, конечно же, пыталась вызвать подмогу – об этом говорили разбросанные документы на столе секретаря, лежащие по полу листы бумаги, перевернутая мусорка и распахнутая дверца шкафа для документов. Поэтому ее убили. Конечно, существовала ничтожная возможность, что она ранена или обездвижена, но... пятна... вероятно, это была кровь и крови было много.

– Мы должны узнать... что они замышляют. И установить связь. Любую связь с городом.

– Разве в нашем институте есть что-то опасное? – едва слышно сказал Золотов, косясь на дверь. – Что им может тут понадобиться?

– В небольших количествах штаммы наиболее распространенных вирусов... но эти штаммы можно при желании в интернете заказать, зачем так рисковать... – пожал плечами Лукин. Он единственный был в изрядно помятом костюме, с которым не расставался никогда, и белой рубашке, правда без галстука. Расстегнув ворот, он посмотрел на окна кабинета.

– Очень жарко тут у вас. Не против, если я открою?

– Да, проветри, – сказал Трошин, тоже обливаясь потом. – Только тихо.

Лукин поднялся с директорского кресла, подошел к окну, но почти сразу отскочил.

– Смотрите, – зашипел он. – На проходной...

Мужчины подскочили.

Через открытые ворота на территорию института въехало несколько больших черных микроавтобусов. Ворота за ними закрылись, но ни одного человека так и не показалось.

– Значит, на проходной кто-то есть. Скорее всего, их люди, – сказал Трошин. – Может быть, это твои работодатели рассердились, что ты отверг их предложение? – он посмотрел на Золотова.

Тот скривился.

– Фармапром? Они конечно, те еще скоты и способы на любую подлость, но... захват. Террористы или как их назвать, рейдеры... сильно сомневаюсь. Резать курицу, даже нет, крокодила, несущего золотые яйца – и опасно и просто невыгодно. Крокодил ведь может и руку отхватить.

– Однако наша служба безопасности под их контролем, или они ее завербовали или...

– Вряд ли Рената можно завербовать, – сказал Золотов.

Ренат Газзаев возглавлял службу безопасности НИИ с начала перестройки. Даже в самые трудные времена, когда не хватало денег на зарплату, он неизменно пресекал любые попытки завладеть имуществом предприятия и крайне эффективно разбирался с теми, кто угрожал лично руководству или любому работнику НИИ. Бывший афганец, человек старой закалки, они были правы – купить его было невозможно. Только убить.

Три микроавтобуса, миновав административное здание, со второго этажа которого они следили за колонной, остановились возле третьего корпуса, в котором располагалась лаборатория и палаты испытуемых. Сквозь тонированные стекла было невозможно разглядеть, кто скрывается в машинах.

– Нужно что-то делать, – сказал Лукин. – Чем скорей, тем лучше.

– Вера Ильинична тоже так думала, – ответил Золотов.

– Давайте по крайней мере найдем, где они сейчас. Виталий Сергеевич, я буду вводить адреса камер, а вы диктуйте мне их, чтобы быстрее было. Пока они не обращают на нас внимание, вдруг удастся что-то понять.

Они начали с административного корпуса, где находились сами. Однако, прочесывая кабинеты – один за одним – не обнаружили никого, ни единого человека. Корпус был абсолютно пуст, хотя такое случалось крайне редко, может быть только на Новый год и, судя по камерам, единственный охранник сидел за дверью.

– Значит, то что им нужно не здесь... – прошептал Трошин.

Лукин продолжал методично вводить диктуемые адреса. Изображения с камер высказывали одно за одним – цветные и очень качественные, правда иногда с рябью и полосками, словно от помех.

– Весь институт как на ладони... – пробормотал Золотов, продолжая диктовать. – А вы знали, что все это выглядело именно так? – спросил он Трошина.

– Ну... я был знаком с основными параметрами системы видеонаблюдения, но посчитал эти возможности избыточными. Мы никогда ими не пользовались.

– Я пользовался, – сказал Лукин. – Для моих задач постоянно видеть испытуемых очень важно. К тому же камеры с датчиками движения. Кто-то ночью встал отлить, мне сразу сигнал на часы, я просыпаюсь – вдруг человеку плохо, и он не в состоянии нажать на кнопку помощи...

– Тоже верно, – ответил Золотов. – В этом смысле система нужна, конечно.

На экране компьютера неожиданно появились три микроавтобуса – так близко, что они отпрянули. Непроницаемые черные стекла скрывали происходящее внутри автомобилей. Автобусы были большие – каждый на 20-30 мест, забрызганные грязью по самые окна. На корпусе одного из них, несмотря на то, что буквы отсутствовали, можно было прочесть два слова, выделявшихся на фоне грязи: «Ритуальные услуги».

– Что за чертовщина? Какие еще ритуальные услуги, бога ради? – Трошин скрестил руки на груди. – У нас кто-то помер? – Но тут же он вспомнил про кусочек красной туфли в кабинете Золотова и осекся.

– Может, выскочить втроем и скрутить этого мордоворота? – осторожно предположил Золотов. – Если все сделать быстро...

– ...то есть шанс оказаться рядом с Верой Ильиничной, – закончил Лукин. – Не глупи, Виталий Сергеевич. У него точно есть оружие, ты и двери открыть не успеешь.

– Слушайте... – сказал Трошин. – Мне пару месяцев назад Ренат подарил дрон. Сказал, будете запускать с внуком, Леонид Маркович. Я вообще понятия не имею, что это и как работает, а тут сроки по вакцине, испытания... короче я его так и не забрал домой.

– Дроном вряд ли до города долетишь, – медленно сказал Золотов.

– И не надо, – кажется, Лукин понял, что хочет предложить Трошин. – Мы отвлечем этого охранника и пока он будет думать, что там такое за окном, мы его... обезвредим.

– Вырубить человека сложнее, чем показывают в кино, – сказал Золотов.

Трошин кивнул.

– У меня есть шокер. А еще в наборе неотложной помощи полно эпинефрина. Если кто-то достанет его шокером, есть шанс вколоть собачью дозу этого вещества, тогда...

– Отек легких, инфаркт миокарда, смерть... – констатировал Лукин.

– Именно.

– Он сидит в куртке, пробьет ли шокер? Если нет... нам не поздоровится. От двери до окна метра три. Нужно быть очень быстрым... – сказал Золотов с сомнением.

Лукин посмотрел на остальных.

– Я могу попробовать. Мне приходилось гоняться за крысами и обезьянами, думаю... я могу попробовать. Он очень здоровый, к тому же скован курткой – вряд ли будет слишком уж проворным.

– Можно попробовать... – медленно сказал Золотов. – Хотя, слишком опасно.

– Еще опаснее ждать, пока они нас прикончат.

– Ладно, а что потом? Проходная, судя по всему, в их руках. То есть, выйти мы не сумеем.

– Найдем телефон. Это все, что нам нужно, – сказал Лукин. Через пятнадцать минут здесь будут вертолеты спецназа, а еще через час вся полиция и спецслужбы города.

– Это точно. Покажут вечером по новостям, – пробормотал Трошин, открывая одну из многочисленных створок большого, во всю стену, шкафа. – Вот он, кто справится? – он достал приличных размеров коробку с нарисованным на ней подобием вертолета, оснащенным четырьмя винтами.

– Откройте коробку, найдите аккумуляторы и поставьте на зарядку. Хотя бы минут на двадцать, этого должно хватить, – сказал Лукин, продолжая вводить адреса камер.

Трошин кивнул, порылся в коробке, выудил оттуда аккумуляторы и зарядное устройство.

– О-па... – вдруг сказал Лукин, глядя на экран. – Только посмотрите на это...

Трошин быстро опустил запчасти на пол, подошел к столу. Золотов замер перед монитором. Все смотрели на экран, словно там показывали последнюю серию сезона «Игры престолов». Впрочем, сходство имелось.

Камера располагалась над входом в актовй зал – туда, где по словам одного из террористов, согнали участников испытаний якобы для дачи показаний.

Звука не было, но... то что они увидели повергло их в состояние шока – зал действительно был заполнен людьми – Лукин со спины узнал многих из них – Алексея Ветрова, улыбчивого паренька, видимо студента, Софью Антонович, женщину лет тридцати пяти, мать двоих детей, она делала это, чтобы прокормить семью, Галину Петрушевскую – огненно-рыжую пенсионерку, полную и неторопливую, Гарика Саакяна – предпринимателя. Все они недвижно стояли, глядя на сцену и... ритмично кивали, с чем-то соглашаясь. При этом на сцене никого не было. Синхронные движения – точь-в-точь как у штатского, что который забрал их телефоны.

Никто из людей не пытался бежать, возмущаться, в конце концов – подать какой-то знак, заговорить с соседом, как это обычно бывает в очереди или даже церкви на богослужении – ничего такого. Они просто пялились на сцену и кивали черт знает кому или чему.

– Что это с ними? – спросил Золотов, глядя на Лукина.

– Похоже на массовый гипноз, но... боюсь, это не тот случай.

– Мы же не в цирке, и Мессинг давно умер, – сказал Трошин. – Какой еще гипноз?

– Тогда что это?

– Похоже на всеобщее помешательство, – Трошин вернулся к дрону, вставил аккумуляторы в зарядное устройство и воткнул устройство в сеть. – Илья, вчера ничего подобного не замечали? Странности, может какие-то...

Лукин покачал головой.

– Не только вчера, но и сегодня утром, до самого побега.

– Но когда он сбежал, точнее, испарился, с ними же было все нормально?

Лукин быстро взглянул на профессора.

– Вы намекаете на вакцину? Что это вакцина причина такого поведения?

Трошин кивнул.

– Других объяснений просто нет. Вполне возможно, тот что сбежал, был первой ласточкой – почуял неладное и решил свалить. Может быть, что-то его напугало. Хотя, я больше склоняюсь к мысли, что он прячется где-то здесь.

– Так-то это так... но зачем прятаться? В случае каких-то проблем, ему положена очень приличная страховка, которая аннулируется, если пациент решит покинуть место расположения.

– Не клеится, – согласился Золотов, продолжая смотреть на экран. – Мне кажется, они что-то говорят. Челюсти шевелятся, видно в зеркале справа.

– У нас в актовом зале микрофоны стоят, можно попробовать подключиться, – сказал Лукин. Правда, на это уйдет время.

– Попробуй, – ответил Трошин. – Пока зарядится аккумулятор дрона.

Лукин затараторил по клавишам.

В колонках пару раз что-то икнуло, послышались шорохи, сопение, монотонный гул, похожий на звук работающей трансформаторной будки.

– Это... они? – спросил Золотов, инстинктивно отодвигаясь от источника звука. – Они так мычат?

– Эм... – ответил Лукин. – Кажется... нет. Это компрессор в лаборатории, да. Оказывается, у меня в лаборатории тоже есть микрофоны. Вот уж не знал... – он продолжал поиск, набирая то один, то другой адрес.

Неожиданно, так что они все разом пригнулись, кабинет директора наполнил нестройный хор голосов, женских, мужских, юных и не очень, с хрипотцой, высоких и низких.

– Приглуши! Приглуши пока... где у тебя громкость?!

– Сейчас! – шикнул Лукин, но руки плохо его слушались и пока он сделал звук тише, им показалось, что прошла целая вечность и не услышать это в кабинете секретаря мог только абсолютно глухой человек.

Они замерли, вытянувшись возле кресла с вытянувшимся по струнке Лукиным – Трошин закрыл ладонью свой рот, а Золотов зачем-то втянул живот. Грудная клетка его не двигалась. Он смотрел на дверь и ждал, когда та распахнется. В голове прокручивались самые разные варианты, но самое сложное – как объяснить штатскому лежащий на столе дрон.

На стене, чуть выше торжественной линии правительственных грамот в золоченых рамках тикали огромные стрелочные часы – красная секундная стрелка, словно испытывая судьбу, отталкивалась от своей старой позиции – нехотя, с трудом, и с грохотом защелкивалась на новую, отмеряя всего лишь миг.

Часы показывали 13:51.

Кажется, только что было утро, подумал Трошин, вспоминая, как на ночном столике загудел мобильник и сухой невыразительный голос сообщил известие о пропаже одного из испытуемых.

– Вам нужно срочно явиться в институт. Постарайтесь спуститься через пятнадцать минут к подъезду, вас заберут.

– Не надо меня забирать, я сам приеду, – сказал Трошин, с трудом понимая, что происходит.

– Как скажете. Наша машина будет вас сопровождать. До встречи.

Связь разъединилась.

– Ляня, – жена положила руку ему на плечо, – что-то случилось?

Он не хотел волновать Елену Петровну, она уже была на пенсии и имела право жить спокойно, без нервотрепки.

– Все нормально, Лена, спи. Из Москвы комиссия пожаловала, ты же знаешь, у нас заключительная стадия испытаний. Так что я чищу зубы и на базу.

– Ох... Ляня... – в ее голосе он услышал тревогу. После сорока лет совместной жизни она шестым чувством угадывала, когда что-то шло не так. – Когда это уже закончится?

– В этом году передам дела Золотову. И мы свободны, как страусы в голубых небесах!

– Ляня, страусы не умеют летать.

– Зато быстро бегают.

Она посмотрела на него внимательно – в холодной синеве зачинающегося утра ее глаза выглядели огромными и прекрасными, как и тогда, в день их знакомства в студенческой общаге МГУ на праздновании первокурсников. Лена поступила на педагогический, а он уже был на третьем курсе биологического. Его притащил на кутеж друг, Сева Воронов, который сейчас стал зам министра здравоохранения.

– Ляня, точно ничего не случилось? Ты обещал на выходных съездить в Москву, пора и гардероб немного обновить к зиме...

– Абсолютно ничего. Но... обещать ничего не буду, вполне возможно, что и задержусь – заключительная проверка. Это очень-очень важно, сама знаешь.

Она знала. Она помнила.

– Да, – сказала она. – Иди. Звони по возможности. Или хотя бы пиши в Ватсапп.

– Обязательно, дорогая, – он обошел кровать, наклонился и поцеловал ее в сухие теплые губы.

Ни через пару секунд, ни через десять, и даже через минуту дверь кабинета не отворилась. То ли охранник отвлекся, то ли действительно был глуховат, но даже стука шагов они не услышали.

– Что... что они там говорили? – пересохшими губами спросил Золотов. – Только не включай так громко, черт... как же я испугался... – С его лба стекала крупная капля пота – виски, затылок и шея были мокрыми.

– Они не говорили. Они мычали что-то нечленораздельное. Малек, ламолек, что-то такое...

– Они помешались? Кто их отбирал? – Трошин наклонился над экраном. – А это кто там? – он показал пальцем за кулису, которая волновалась, выдавая очертания человека.

– Сейчас попробую камеру найти другую, по идее на сцене есть еще одна... – через минуту изображение сменилось широкоугольным, охватывающим сверху как саму сцену, так и то, что творилось за кулисами и даже часть зала.

– Вон он. Да, – палец Трошина скользнул влево. Там стоял человек в зимнем спортивном костюме. В руках его была спортивная сумка.

– Но это же... – Трошин не договорил. Все и так знали, кто это, и в представлениях он не нуждался – могущественный, опасный и преданный Ренат Газзаев, начальник службы безопасности НИИ. – Господи... – прошептал директор. – Как же так... Ренат...

Автоматически он наполнил стакан виски и залпом опорожнил его.

– Не пейте много, – посоветовал Лукин. – Вам потребуется хорошая координация, если мы действительно хотим обезвредить того парня за дверью.

– Я и не пью, – огрызнулся Трошин. Действительно, судя по его виду, он был трезв. Голос звенел от ярости: – Какой же сукин сын... продал! Продав за тридцать сребреников... Но... этого же не может быть, не может! – хоть он говорил шепотом, Золотов приложил палец к губам.

– Не шумите. Вы сами все видите.

Вдруг на сцену вышел штатский, тот, что недавно сидел под фикусом, кивая своей уродливой головой точно также, как кивают теперь все эти люди, еще утром бывшие обычными нормальными людьми – участниками тестирования вакцины от гриппа. Обычной вакцины от гриппа. Самый обычной. Или, все-таки, не самой? – холодное подозрение шевельнулось в сознании Трошина.

Он посмотрел на Лукина. Лукин имел непосредственный доступ к участникам и самостоятельно контролировал ход тестирования. В момент происшествия он был в институте, в лаборатории, сегодня по графику его дежурство. Он часто заменялся и по сути, жил в институте.

Он подозрительно быстро нашел способ показать, что происходит – ни Трошин, ни Золотов не знали о подобных возможностях системы видеонаблюдения.

Потом он предложил... нет, это был я, вспомнил Трошин. Дрон предложил я.

Но... он не пьет. Разве нормальный человек может отказаться от виски ценой в пару тысяч долларов?

Если Лукин с ними заодно, то что дальше? И как намекнуть на это Золотову? Вдвоем они смогут его обезвредить, учитывая, что он не догадывается о разоблачении. Но зачем тогда Лукин показывает все это? – Мысли Трошина налетали одна на другую и чем дальше он сопоставлял факты, тем больше был уверен, что Лукин – предатель.

Скорее всего, охранник не прибежал, потому что знает: все под контролем. Это все объясняет.

– Нужно приоткрыть окно, иначе мы тут задохнемся.

– Да, только потише, – сказал Лукин, всматриваясь в экран компьютера на столе директора. – Попробуйте открыть его и проверить, пролезет ли дрон.

– Да, сейчас.

Трошин подошел к окну, загородился вертикальными жалюзи, а сам достал из внутреннего кармана куртки ручку и обрывок листка – на днях жена записывала, что нужно купить к дню рождения внука.

«Лукин с ними заодно. Нужно его вырубить», – написал он на листке мелким дрожащим почерком.

– Эй, Виталий, поддержи эти жалюзи, мешаются, – позвал он Золотова.

– Сейчас, – откликнулся тот. – Запиши, что он говорит, это важно.

Лукин кивнул и поставил на запись – внизу экрана замигала красная точка. Штатский вышел на середину сцены.

Толпа кивала головами – безмолвно, отрешенно, голос человека со сцены, механический, неживой – разносился по всему третьему корпусу.

Золотов приподнял жалюзи, но Трошин привлек его и сунул в руку записку. Тот быстро пробежал текст глазами. Второй рукой Трошин открыл окно – в ту же секунду морозная свежесть ударила в мозг.

Золотов смотрел на него полудиким взглядом.

– Ну что там, – не выдержав, Лукин поднялся с кресла Трошина, взял дрон в руки и подошел к окну. – Влезет?

Оба мужчины повернулись к нему одновременно.

– Что с вами? – спросил Лукин, опуская дрон.

– Ты... – запнулся Золотов. – Ты... с ними? Лучше скажи, иначе мы выкинем тебя в окно. В руке Золотова зашипел электрошокер.

– Что?! – выдохнул Лукин. – Вы что, перепили вискаря? Совсем с ума сошли?

– Ты с ним заодно, – сказал Трошин. – Не отпирайся.

Лукин чертыхнулся, а потом протянул руку.

– На, бей свой перделкой. Мне же лучше. Отлежусь и не буду волноваться, как вы справитесь с этим уродцем за дверью.

Золотов с Трошиным переглянулись.

– Бей, бей, не сомневайся. Это же вам, кажется, предлагали зама по науке в Фармапроме, а не мне. Это же я сижу тут ночи напролет и протоколирую то, на чем вы завтра поимеете миллионы. Нашли крайнего, два старпера! Что уставился? Бей! – и он вытянул руку, закатав рукав до локтя. – Или может нужно в шею, чтобы наверняка? Давай в шею! – Лукин оттянул ворот и подставил шею.

Золотов протянул было шокер, но тяжелая рука Трошина легла сверху.

– Стой. Он не с ними.

– Но вы же сами... – Золотов выглядел обескураженно.

– Если бы он был с ними, то уже давно бы заорал. По крайней мере, я бы точно так сделал.

– Какого черта? – зло спросил Лукин. – Я понимаю, что вы на пределе, так же, как и я.

Но все же...

– Ты слишком много знаешь, – сказал Золотов. – Все это... – он кивком головы показал на включенный компьютер, с экрана которого продолжал говорить штатский.

– Потому что я этим увлекаюсь, а не просиживаю свою задницу, лишь бы отбыть время. Ясно? Мне это нужно по работе. А что нужно вам, я вижу.

– Ладно, – сказал Трошин. – Извини. Это у меня вожжа под хвост попала. Не знаю, что на меня накатило.

– Извини? Вы хотели меня убить.

– Ну... не убить... – уклончиво ответил Золотов.

– Просто выбросить из окна.

– Тут всего второй этаж.

– Давайте вас, господин Золотов, ради эксперимента, попробуем выбросить и посмотрим, как вы спланируете на голый асфальт.

Они посмотрели друг на друга.

– Я хотел сегодня с девушкой сходить в кино. Вашими стараниями я вполне мог бы очутиться в том микроавтобусе с надписью «Ритуальные услуги», которую кто-то замазал...

– Смотрите, – внезапно сказал Трошин. – От толпы вдруг отделилось несколько человек, они словно пробудились ото сна – по дико вращающимся глазам было件нятно – они не могут понять, где находятся и что с ними произошло.

Кто-то из сомнамбул подошел к пожарному щиту, разбил рукой стекло и вынул лопату. Второй человек взял багор.

Все произошло быстрее, чем они успели сообразить и ужаснуться. Один взмах лопаты и голова мужчины, вращающегося на одном месте – отлетела к сцене. Из шеи хлынул фонтан крови – безголовый труп, дрогнув, рухнул на спину, забрызгав кровью стоящих рядом людей.

Обладатель багра подошел со спины к женщине, которая при виде внезапно открывшейся ей картины завизжала, словно ее резали по живому. Он занес багор и со всей силы всадил его острый конец в череп – женщина перестала кричать и завалилась рядом с мужчиной.

– Господи... – прошептал Трошин. – Да что, черт возьми, происходит, кто-нибудь мне может объяснить? Как это называется?

Бледный Лукин стоял сбоку. Он силился что-то вспомнить, но картина убийства потрясла его, он лишь шевелил губами. Подбородок мелко дрожал.

– Эти... эти двое... – наконец он смог перебороть себя. – Эти двое... убитых, они были в группе Б.

– То есть? – повернул голову Трошин. Его глаза блеснули.

– То есть... они были здоровы. Им кололи вакцину, но... разумеется, не для выздоровления, а для проверки аллергических реакций.

– Вроде у нас слепое тестирование? – осторожно спросил Золотов. – То есть... мы не знаем, кто заражен, а кто здоров. Ведь так?

– Да, – ответил Лукин. – Вы не знаете. Комиссия не знает. Никто не знает. А я знаю. Я взломал систему тестирования. Не для того, чтобы там что-то подделать. Просто было интересно.

– Сукин ты сын, – сказал Трошин. – Разумеется, наш сукин сын.

Лукин опустил глаза. Он, конечно, знал, что совершает как минимум должностное преступление, а как максимум, уголовное, но ничего с собой поделывать не мог. Все, что касается компьютеров, было его слабой стороной.

– Я просто знал, кто из них кто... чтобы в случае чего быстрее прийти на помощь, – сказал он после минутного молчания. – Мне кажется, это очень страшно, когда тебя заражают каким-то вирусом, а потом безо всяких гарантий испытывают на тебе свои новые лекарства. Которые могут и не подействовать. Я знал, кому помогать в первую очередь, а кто кривляется.

Золотов, хоть и выглядел напуганным, тем не менее был явно раздражен.

– Из-за тебя все тестирование могло накрыться медным тазом. Или вообще весь институт. Ты это понимаешь?

– Похоже, что он и без меня накрылся, – парировал Лукин.

– А что ты еще знаешь? – спросил Золотов. – Расскажи подробнее, чем их заражали и как?

Тем временем толпа, не обращая никакого внимания на убитых, начала расходиться – через дверь позади они медленно просачивалась наружу.

Трошин подскочил к окну.

– Они садятся в автобусы. Или сейчас или никогда, – воскликнул он. – Боюсь, сейчас придут за нами.

– Выпускай дрон! – крикнул Золотов, кидаясь к столу.

– Поздно, заметят! Дайте мне шокер, заправляйте шприцы!

– Они заправлены, – Трошин распахнул дверцу шкафа, выудил оттуда аптечку. – Держи, – протянул он Золотову наполненный шприц. – Коли в мягкие ткани. Шея, руки, задница, ну худой конец.

– Давайте шокер, – Лукин протянул руку к Золотову и тот после секундного колебания протянул ему аппарат.

– Все, идем!

Они выстроились возле входной двери, первый Лукин, за ним Золотов и сбоку – Трошин. Сосредоточенные лица, взмокшие от напряжения спины.

– На счет раз-два-три. Раз, два, три, – сосчитал Лукин и открыл дверь.

Глава 13

2012 год

Сначала он ничего не понял. Только что они сидели и пили чай в ветхой картонной лачуге, а теперь...

...кто-то тормозил его за плечо. Немилосердно, жестко, больно. И снова холодно. Он вспомнил двух собак со странными, очень странными, даже жуткими именами. Как их звали? Химера? Нет. Ти... Тифон и Ехидна. Точно. Имена соответствовали виду. Бешеные псы – такие могли встретиться только на свалке, куда свозят химические отходы. А что еще могло быть

в бочках, которые разгружают по ночам под усиленной вооруженной охраной? Какая-то мерзость, которую отказались брать даже специализированные полигоны.

В ваших силах это прекратить, в ваших силах это прекратить, в ваших силах это прекратить.

– Да заткнись ты уже! – крикнул он... и проснулся.

Макс, редакционный водитель, крепко сжав руль, прокладывал путь по раздолбанной извилистой дороге – фары то и дело выхватывали валуны и поваленные деревья на обочине.

– Андрюха, с тобой все нормально? – спросил он испуганно. – Гена тоже дрыхнет, вы как спустились, сразу оба и завалились. Ты всю дорогу мямлишь ахиною беспрестанно. Что-то там прекратить... Это про свалку, наверное.

Андрей понял, что никто его не будил и не тряс, он просто бился плечом о холодное стекло.

– Прилично выпили, раз водку назад не принесли? Хотя... – водитель втянул носом воздух, – запаха нет. Странно.

Андрей глянул в лобовое стекло – но определить, где они проезжают, не смог.

– И давно мы спустились?

– А ты не помнишь? Во дает. Минут двадцать назад. То-то я смотрю, вы какие-то странные оба. Как прибитые. Я посмотрел, с виду целые, у Гены камера на шее болтается – значит все в порядке. Сели и захрапели. Ни слова не сказали. Но вы же брали водку с собой на взятки аборигенам, я и подумал, что выпили. Тем более, такой холод.

Андрей силился вспомнить, как они ушли, как спускались по склонам, усеянным стеклом, арматурой, ломаными досками – один раз оступиться хватит, чтобы наверняка угодить в больницу, если не в морг – но, тем не менее, на них нет и царапины. Только этот запах... Андрей поднес рукав куртки к лицу и сморщился.

– Удачно хоть? – водитель посмотрел в зеркало заднего вида. – Узнали, что за вонь? Когда начало смеркаться, я даже испугался, вокруг тени ходят, бомжи или кто это – залез в машину, закрылся – но так еще страшнее, как будто кто-то наблюдает за мной, ждет пока закемарю. Тьфу ты, мать его за ногу! Чтоб я еще раз сюда поехал, даже не проси! – он сильнее вдавил педаль газа. Было видно, что ему не терпелось убраться отсюда подальше и побыстрее.

– А сколько мы там пробыли? Уже, наверное, часов десять вечера?

Водитель покосился на Андрея.

– Вы и правду там чего-то нюхнули, раз не пили. Тогда где водка? Сейчас пять часов, а пробыли вы там всего час. Еще не хватало.

– Час? – Андрей не мог поверить его словам.

– Ну, может минут сорок. Не больше. Мы кружили вокруг, Гена фотографировал, потом нашли дорогу с северо-восточной стороны, остановились. Вы начали взбираться на гору мусора, хотя я сразу сказал, что дело гиблое. Резко стемнело, как это сейчас бывает и почти сразу вы вернулись. И то хорошо, что не пришлось лезть за вами. Хотя я бы и не полез.

– И что, вот так просто спустились, и все? Ничего не говорили?

– Кажется... я впотымах не разглядел, вроде бы кто-то вас провожал. С собаками. Жуткие псы. И худые. Я залез в машину от греха подальше. Боюсь бродячих собак.

– Мы все узнали, – сказал Андрей сдавленным голосом. – Похоже, это химические отходы. Их привозят по ночам под усиленной охраной. Так нам сказала одна... местная.

– А-а-а, – протянул Макс, доставая сигарету и шелкая прикуриватель. – Тогда все понятно, почему вы такие... – он сдавленно кашлянул, – ну и вонь же тут, наверное, ветер опять на город идет.

Он прикурил и вцепился в руль. Когда они миновали указатель «Город – 15 км», в кармане куртки Андрея зазвонил телефон.

Из радиоприемника шелестел умиротворяющий джаз, Андрей смотрел в окно, и падающие снежинки в свете фар убаюкивали, гипнотизировали. В вечернем сумраке плыли отражения бурелома по краям дороги, черные ветхие лачуги, застывшие в безвременье, и редкие фигуры людей, больше похожие на приведения, бредущие неизвестно откуда и куда.

День стал вечером, а вечер стал ночью в один миг – так всегда происходит в конце ноября. В отражении бокового стекла он вдруг явственно увидел ту женщину – в черном платье, подчеркнуто торжественном, будто не с фермы она только что явилась, а с аристократического бала; она держала дочку за руку, а за ними – в дверях, стояли две огромные худые собаки, Тифон и Ехидна. Дочка, протягивала Андрей чашку чая – он потянулся за кружкой, чтобы освободить ее от этой ноши, но, когда их пальцы соприкоснулись, он взглянул ей в глаза и замер, не в силах пошевелиться.

Это была его дочь. Саша.

Машину тряхнуло на колдобине и видение стерлось, провалилось в небытие мертво-холодной ночи.

Звонка-то и не было, он не сразу понял, что его беспокоит, а когда понял, испугался, что не успеет достать телефон, отчаянно вибрирующий во внутреннем кармане куртки.

– Алло, – сказал он в трубку. Надпись на экране сообщала: «Нет ID абонента».

– Андрей Лосев? – спросил безжизненный женский голос, который мог принадлежать и роботу-информатору. Такими голосами не впаривают быстрые займы до получки, очередную финансовую пирамиду, не рекламируют таблетки для похудения и даже не сообщают о размере задолженности перед банком – этот голос был *предвестником*. Каждый человек хоть раз в жизни слышал его – в телефонной трубке, за дверью квартиры, или сидя на приеме у доктора, который старательно прячет взгляд. Таким голосом провозглашают торжество неизбежности.

Он ответил, вцепившись правой рукой в пластиковую пассажирскую ручку.

– Да, это я.

– Час назад в отделение реанимации поступила ваша дочь, Саша Лосева с диагнозом «анафилактический шок», предположительно после проведения вакцинации. – Механические слова проникали ему в голову и там вибрировали невыносимым эхом. Он слышал их словно со стороны, а тело его, начиная снизу – немело, погружаясь в могильный холод – он чувствовал, как что-то ужасное, мертвое приближается к его сердцу и точно знал, если оно затянет его, то пути назад не будет. – Вы меня слышите?

Макс повернул голову и посмотрел на Андрея. Тот сидел смертельно бледный, тарашась в темноту.

– Эй, – сказал он. – Тебе плохо, Андрей? – он похлопал его по ноге.

– Я... слышу, – прохрипел Андрей. – Где... что с ней? Она жива?

Голос издали кашлянул и продолжил:

– Она жива, вовремя проведенные реанимационные мероприятия спасли ей жизнь. Она в городской больнице. Пока без сознания.

– Я сейчас приеду, – выдавил Андрей.

– В палату никого не...

Андрей нажал на кнопку отбоя, повернулся к водителю.

Тот моргал глазами, не зная, что сказать. Он слышал весь разговор.

– Я лечу, Андрей. Мы будем через двадцать минут. Господи... – прошептал он. – Как же так?

На мгновение из темноты выскочил рейсовый автобус, ослепил их фарами и провалился в небытие – старый дряхлый Лиаз, трескучий и скрипучий, заполненный людьми под завязку – Андрей судорожно оглянулся, ему показалось... нет. нет. Он встряхнулся, ударил себя по щеке, нагнулся, вытащил из бардачка бутылку воды. Сделал длинный глоток. Мозг отказывался верить в происходящее.

– Разве здесь ходят автобусы? – спросил он. – Эта же дорога ведет только на свалку. Или нет?

– Какие автобусы? – встрепенулся Макс. – Уже полчаса как мы едем, ни одной машины ни туда, ни обратно. – Он посмотрел на Андрея и покачал головой. – Держись, брат!

На заднем сидении храпел Гена, рядом с ним лежала камера с внушительным объективом, незакрытая линза которого смотрела вперед пустым немигающим взглядом.

Андрей повернулся на сидении, зацепил рукой ремешок и подтащил фотоаппарат к себе. Нет, нет, нет, подумал он. Я не схожу с ума. У меня есть свидетель. И не просто свидетель, а документальный свидетель, от которого ничего не утаишь, который не закроет глаза, даже если заметит то, что ему вовсе не предназначается. Бочки с химикатами. С горы мусора, с самой высокой точки был виден гигантский серый ангар с выведенной на боку синей краской цифрой «3», – и там, под навесом, скрытые от любопытных глаз, стояли те самые бочки – вероятно, уже пустые. Но если изображение приблизить, а оптика это позволяла, можно прочесть, что написано на их ребристых стальных корпусах.

Он быстро прокрутил ленту кадров до того момента, как они взобрались на вершину. Высотой свалка превышала девятиэтажный дом.

– Фу-ух, – выдохнул он, обнаружив те самые кадры. Значит, бочки существуют. Они действительно были на вершине горы и этот кадр, в общем-то случайный, они еще не знали, что там вообще есть какие-то бочки, не говоря уже о том, что внутри них – это они узнали позже.

Он крутил диск перемотки кадров. Вот на дальнем плане мусоросжигающий завод. Громоздкие экскаваторы, пресс, краны, снующие внизу люди, кто-то, он только что это заметил – показывает на них пальцем снизу. Он мотает кадры дальше и видит – по направлению к ним, размахивая руками, бегут люди в черной униформе, вероятно, охрана. Вход на территорию свалки строго запрещен.

Их должны были поймать минут через десять-пятнадцать, не больше. Притащить в сторожку, отбить почки, раскурочить камеру и стереть все снимки. Обычное дело, с нарушителями тут не церемонились. Они полезли через ограду, а потом на склон на свой страх и риск, понимая, что в случае чего, полиция не станет вмешиваться, да и откуда ей тут взяться. Изобьют и выбросят за ограду. Или сожгут в мартеновской печи.

Дело о двух пропавших журналистах закроют через три месяца за отсутствием тел и состава преступления.

Он крутил колесо дальше. Вот его красное от холода лицо – улыбается, крутит у виска, смеется, корчит рожицы – кадров много, флэшки у Гены безразмерные, он щелкает направо и налево, не останавливаясь.

Да! – северо-восточный склон. Здесь, в отличие от южного склона – потише, совсем нет поселений, этих мусорных гетто, в которых круглогодично живут рабочие, разгребающие и сортирующие мусор. Большая часть этих людей забыла, когда мылась в последний раз – заросшие, в жутких лохмотьях, они выглядывали из своих лачуг с выражением отчаянной злобы, как загнанные звери, следящие за каждым твоим движением. И не дай бог сказать или сделать что-то лишнее.

Гена бесстрашный фотограф. Безбашенный. Он на самом деле без тормозов. В этом деле если у тебя есть тормоза, тебе никогда не стать крутым фотокором. Когда-нибудь он получит «World Press Photo» – главную фотопремию в мире за социальный репортаж, – Андрей в этом не сомневался. Гена снимал этих бедолаг, рискуя получить нож в спину. Снимал пикирующих на них ворон и чаек, смердящие испарения из сердца свалки, вывернутые кишки цивилизации – снимал так ясно и резко, так близко, что сейчас, глядя на эти снимки, Андрей на миг забыл о своей беде, и вновь перенесся туда, в эпицентр зловонного кошмара.

Диск перемотки крутился, калейдоскоп кадров на маленьком экране камеры стрекотал перед глазами и когда момент на зрительной коре совпал с воспоминаниями, тот самый момент, от которого он едва не лишился чувств, Андрей замер.

СТОП. Это было здесь.

Пока машина неслась, виляя в одичалом пространстве между свалкой и городом, Андрей докрутил до *того самого места*. И на следующем кадре – он не сомневался, там, за валуном, через мгновение – показались эти псы. И девочка.

Его большой палец, замерший на черном диске перемотки снимков, побелел от напряжения. Сердце стучало как бешеное – как будто те злобные существа, Тифон и Ехидна, со вздыбленными загривками и горящими бешеными глазами мчались за машиной.

Андрей нервно оглянулся.

Дорога сразу позади машины проваливалась, исчезала, растворялась, но ему казалось, что тьма гонится за ними и только благодаря чуду еще не поглотила маленький автомобиль.

Клик. Диск повернулся. Он щелкнул, сменив кадр.

Заставив себя опустить глаза на экран, Андрей нахмурился. Тот же самый кадр, что и предыдущий. Точь-в-точь. Камень, горы мусора, северо-восточный склон, внизу бурелом голого кустарника и черный излом ручья, опоясывающего границы свалки и исчезающего в диких зарослях.

Клик. Повтор. Клик. Снова тот же кадр.

Сбой?

Он крутанул колесо быстрее. Везде одно и то же, ничего не менялось: один и тот же кадр, продублированный на сотнях других. Никакой хибары, собак, застенчивой девушки и ее матери – ничего и никого.

Андрей перемотал полностью весь день, но не нашел и намека на их существование.

Ферма, вспомнил он. Она работает на ферме «Солнечная», осеменителем коров и найти ее, судя по всему, будет не так трудно, учитывая, что огромное хозяйство московского бизнесмена Алика Мирного было единственным в этих краях.

Я найду ее, подумал он, поглядывая на спящего Гену. Не может быть, чтобы он не снял ни одного кадра. Этого просто не может быть. Может быть спрятал флэшку? Но в глубине души он понимал, что никто ничего не прятал.

Они въехали в городе. Андрей аккуратно положил фотоаппарат на заднее сиденье. Огни фонарей слегка разгоняли вечернюю мглу, и теперь он смотрел на знакомые улицы, не понимая, был ли телефонный звонок настоящим или же ему все приснилось...

– Почти приехали, – сказал Макс. Он вывернул с центральной улицы, пронесся по площади Мира мимо администрации города, над которой развевался триколор и свернул на Никитскую – Андрей вспомнил, что новая городская больница теперь за мостом, справа, там еще совсем недавно был заросший бурьяном пустырь, где он с мальчишками в детстве играл в войну.

Почти тотчас перед ними появилось само здание, подсвеченное тусклыми фонарями. Летящий снег таял на ходу, слякоть под колесами плескалась под днищем, автомобиль занесло на повороте, и сторож в кабине у шлагбаума покачал головой.

– В реанимацию, – крикнул Андрей, опустив стекло.

Дед подумал секунду, потом открыл шлагбаум. Может быть, он узнал Андрея, а может быть ему просто было все равно, кого пускать – водянистые глаза старика смотрели совершенно равнодушно.

В воздухе висел не слишком сильный, но явный, настойчивый запах сероводорода с примесью ядовитого сладкого концентрата.

Ярко освещенный центральный вход в больницу пустовал. Крупные красные буквы над козырьком «Городская клиническая больница №1» были частично залеплены рыхлым снегом.

Андрей выскочил из машины, поскользнувшись, упал на одно колено в грязь. В груди бил колокол. Он поднялся и побежал ко входу. Теперь он сознавал, теперь поверил в случившееся – больница, реанимация находились в нескольких метрах и были пугающе реальны. И, хотя он бывал здесь и ранее по делам портала, никогда ощущения от этого места не были столь пугающе реальны.

Он ворвался в пустынное фойе. Всего несколько человек в этот час сидели на сдвинутых креслах и тихо разговаривали. Когда он вбежал, они замолчали.

У проходной стояла Оксана. Ее плечи вздрагивали, волосы разметались по спине, сумочка соскользнула с плеча и безвольно висела на руке, едва не касаясь пола.

Рядом стоял мужчина в белом халате. Он что-то говорил, но, она, казалось, его не слышала.

Она повернулась на звук ударившей двери и увидела его.

Губы ее, обычно полные и чувственные, превратились в тонкие крепко сжатые полоски. Лицо перекосила судорога боли, к которому теперь примешался гнев, отчаяние и безысходность.

Она вскрикнула, словно раненая тигрица.

– Как? Как ты мог? Ты, ты убил нашу девочку, ты убил мою девочку... как? Ведь мы же...

Доктор взял ее за рукав и посмотрел на Андрея.

– Это ваш муж?

Она ничего не ответила.

– Чего ты молчишь? – вдруг закричала она, отчего сидящие люди вздрогнули. Врач стиснул ее руку.

– Не надо тут кричать, не на...

– Ты убил ее! Ты! Со своими проклятыми статьями! Это ты виноват! Ненавижу! Ненавижу тебя!!! – ее лицо потеряло всякую форму, слезы душили ее. Смешиваясь с тушью, они стекали по щекам, образуя черные трещины. Как в том зеркале... – подумал Андрей, ужасаясь. Ее лицо стянула зловещая маска и Андрею стало невыносимо страшно. Он остановился посередине фойе, под электронными часами, показывающими «18-42». Сердце пронзила игла и он понял – все, все что было, умерло навсегда. Прямо сейчас.

– Успокойтесь. Ваша дочь жива, ей уже лучше.

Но Оксана не слышала его. Андрей приблизился, взял ее за руку, но она с шипением вырвалась.

– Не трогай меня! Убирайся к чертям проклятым! Не хочу тебя знать и видеть. Никогда! Доктор покачал головой.

– Гражданка Лосева, ваш муж не виноват в том, что случилось. Такая реакция бывает, он не мог ее предусмотреть, в этом нет его вины. Успокойтесь. Давайте я вам дам успокоительные и вам станет легче.

– Не вздумайте меня успокаивать. Я все знаю, все! Этот яд убил мою дочь, я же говорила, я знала! – и она снова разрыдалась.

Андрей попытался ее обнять, но тщетно – она сбрасывала его руки, шипела, ругалась, царапалась.

– Как же ты мог? Как? Объясни мне! Только она одна... господи... за что мне это все?! – и она завывала, полностью утратив над собой контроль.

Доктор подошел к Андрею.

– Мы знаем, что вы разрешили провести ребенку вакцинацию. Противопоказаний у нее не было, так что в этом нет вашей вины. У девочки случился анафилактический шок. Остановка дыхания. К счастью, опытный врач безотлагательно провел реанимационные мероприятия. Сейчас она на аппарате искусственной вентиляции легких, ее состояние стабильное.

Глава 14

2012 год

Ни одна газета, местный телеканал, радио – никто не упомянул о трагическом происшествии в детском саду «Аленушка», что находится в тупике Миклухо-Маклая за старой церковью. Это, однако, не помешало разлететься слухам со скоростью света – дряхлые старушки, кутаясь в серых платках, теперь крестились, глядя не на деревянный рассохшийся крест, а на угрюмый корпус детского сада.

Настоятель храма, иерей Алексей, молодой и энергичный, с рыжей профессорской бородкой на вечернем богослужении следующего дня начал не с рассказа о творении мира богом и не о грехопадении прародителей, чему обычно посвящал первые пятнадцать минут проповеди.

Паства колыхалась, в воздухе повис отчетливый запах страха. Был ли этот запах принесенным с северо-востока, либо же он существовал исключительно в воображении прихожан, кто его знает. Настоятель очень хорошо чувствовал сумятицу в душах людей, к тому же... близкое соседство со зданием, с детским садом, в котором случилась ужасная трагедия не давала покоя ему самому.

Держа в руках молитвенный крест, он положил руку на кафедру, оглядел присутствующих. Большинство ставили свечи за упокой, крестясь дважды. Люди были сильно напуганы.

– Братья и сестры, – обратился он к присутствующим, тщательно подбирая слова. – Все мы знаем, что наши дурные дела и слова, здесь на земле не проходят безнаказанно. Каждое наше тайное слово, дело во имя зла станет явным, ничего утаить невозможно и мы тому свидетели. – Он многозначительно взглянул в ту сторону, где за стеной, в ста метрах случилась беда. Головы людей невольно повернулись туда же. Он продолжил: – Давайте вспомним же, как Спаситель послал прокаженных к священнику, даже не спросив, веруют ли они во Христа как в Сына Божия. Он сказал им: «Идите, покайтесь священнику и это путь любого болящего и скорбящего человека». Но не все верят в великую силу Благодати священства. Где и как искать исцеление – дело сугубо добровольное и часто на этом пути мы совершаем ошибки. Однако Спаситель не говорит нам надеяться только на себя, он посылает нам Слово Божие и научные достижения цивилизации... – настоятель сделал паузу. Прихожане зашумели. Некоторые были удивлены и даже недовольны таким поворотом.

Но молодой иерей Алексей, сделав глоток воды из железной кружки, продолжил, не обращая внимания на ропот:

– Да-да, не удивляйтесь моим словам. У вас в домах есть свет, тепло, на плите газ, который разогревает пищу. Каждый месяц, а то и чаще, многие из вас ходят в поликлинику, где получают рецепты на бесплатные и платные лекарства и успешно пользуются ими. Разве это не чудо? Еще сто лет назад мы и помыслить о таком не могли. Вспомните, братья и сестры, как эпидемия чумы в Китае в 1911 году унесла более ста тысяч жизней за очень короткий срок. В последние годы цивилизация столкнулась с новыми болезнями, от которых нет спасения. Но то, что в наших силах, мы должны делать. Меня теперь спрашивают, как же нам быть с нашими детьми. Дьявол пришел за самыми беззащитными. Что мы можем сделать? Я хочу ответить простыми словами: «Идите за Богом, за Христом, собирая по крупицам добродетели жизни, никому не удастся избежать Страшного суда господня. Но помешать распространению болезней мы можем не только молитвой. Аминь».

Прихожане напряженно слушали. Почти все они пришли сюда за ответами, но так и не поняли, что им делать. Раздались негромкие голоса:

– Отец Алексей, правда, что девочка умерла?

– Насколько я знаю, это неправда, она в больнице, у нее аллергический шок.

– Что же нам делать, у нас завтра вакцинация, и теперь разве можно доверять этим...

– Нужно проверить состояние ребенка. Если он не аллергик, то делать можно. Этой зимой будет сильная эпидемия гриппа и одной молитвой тут не справиться. – Он говорил это совершенно искренне, уверенно, чем вселял в людей надежду. Собственно, за этим они сюда и пришли.

– Я слышал, та девочка в коме, у меня знакомый работает в столовой больницы.

– Пути Господни неисповедимы. Но если даже и так. Смеею напомнить вам о Капернаумском слепом, который был рожден слепым и не имел ни малейшего шанса прозреть. Он сидел у дороги и услышал, что Спаситель идет мимо. Тогда он обратился к Нему и Спаситель спросил – «Чего ты хочешь?». – «Да прозрю», – ответил слепой и получил от Бога просимое. Нужно всегда знать и помнить, что Бог рядом, когда мы в скорбях. Сегодня я предлагаю помолиться за здоровье этой девочки и Бог обязательно услышит наши молитвы, мы скажем за нее и вместо нее: «Я прозрю!». И пусть она встанет, исцеленная, пусть Господь наделит ее силой и благодатью великой. Аминь.

Старая церковь дрожала под мощными ударами холодного ветра. Пламя свечей колыхалось, лики святых, смотрящие с икон, безмолвно внимали вечерней молитве. Паства успокоилась. Молодой настоятель закончил проповедь и спокойствие вернулось под своды деревянного здания. Колокольный трезвон извещал окончание службы.

Андрей повернулся на звук. Вот уже третий час он стоял под окнами больницы. Врачи сообщали, что состояние Саши стабильное, но она до сих пор, вот уже сутки, не приходила в сознание.

Постепенно первый шок прошел. К нему вновь вернулись запахи, вернее, городская вонь, звуки, – шлепки грязи под ногами, серый город, исчезнув на сутки из его восприятия, возвращался и теперь его присутствие заставляло задыхаться. Он чувствовал себя бесконечно виноватым, никчемным, бесполезным.

Он виновен в том, что она там. Только он и никто больше.

Ног он давно не ощущал. Жена запретила ему показываться дома, сказав по телефону, что между ними больше ничего нет, а вещи пусть заберет кто-нибудь из его сослуживцев.

Так он и стоял, позабыв обо всем. Мелкие холодные снежинки опускались на его плечи, волосы, лицо и таяли, стекая прозрачными дорожками по ледяной коже.

Я поступил единственно верным образом, твердил он себе. Город на пороге эпидемии. В прошлом году грипп скосил десятки людей, – они пытались выяснить точные цифры, но так и не смогли, данные оказались засекречены. Атмосфера паники захлестнула буквально каждый сантиметр города. Аптеки едва вмещали кашляющих, чихающих и стонущих граждан, но... ничего кроме пустышек, разрекламированных телевидением, предложить не могли.

«Если лечить грипп, то выздоровеешь за три недели, если не лечить, за двадцать один день», – кажется, так это называлось.

Единственный рабочий препарат импортного производства стоил баснословных денег, но и его буквально сметали, абсолютно не обращая внимания на противопоказания и способы приема: прямо в аптеках заглатывали полпачки, чтобы через час вызывать скорую с подозрением на тахикардию или аппендицит.

Разве он поступил неправильно? Если детская группа с воспитателем больше месяца рисовала и разучивала, как бороться с вирусом? И Саша должна была идти за руку с Петей, который боялся уколов больше чем огня, она так самозабвенно, захлебываясь словами, рассказывала, какой он «трусих» и только с ней ничего не боится. Ей это нравилось, она вся светила от счастья.

Господи... он уже не мог думать обо всем случившемся и чем глубже погружался в свои мысли, тем больше винил себя. А кого еще винить? Он мог послушаться жену. Материнское сердце не обмануло, она чувствовала. А он, такой умник, потакавая собственной гордыне, решил

устроить жене сюрприз и во время эпидемии сказать: «Мы ведь тогда сделали по-своему и пошли на прививку. Хотя, помнишь, ты была против. И, вот, смотри, все вокруг болеют, а мы здоровые».

Какой же он идиот! Как можно было себя так безответственно вести? Это же чистое ребячество – показать, что и тут можно надрать судьбе задницу. Схватить старого лешего за бороду. Это же так просто, нужно всего лишь сделать маленький укольчик.

В тысячный раз он вглядывался в мерцающее окно второго этажа – там находилась палата реанимации. Там, в перекрестии трубок лежала Саша. Одна.

Он сжал кулаки. Глухая, тонущая сама в себе боль терзала его не переставая. Каждый вечер он слышал этот перезвон колоколов после вечерней службы, стоял еще час или полтора, сколько мог выстоять, пока ветер и холод не превращали его тело в бесчувственный кокон.

Врач неизменно сообщал: «Без изменений».

Жена выставила его вещи, он послал Гену с водителем, и они забрали их. Он снял однокомнатную квартиру рядом с больницей – каждое утро к девяти навещался к центральному входу, где в фойе вывешивались сведения о самочувствии больных.

Без изменений.

Без изменений.

Без изменений.

Сначала Андрей считал дни. Потом недели. Они тянулись так медленно, что каждый новый день превращался для него в муку – как прожить его до нового утра, которое, наконец, может ознаменоваться чудом?

Но день шел за днем, утро таяло, превращаясь в новый день, наступал тоскливый вечер, бил колокольный звон, и чуда вновь не случалось. Он ходил в церковь, чтобы увидеть колокол, ставший ему спутником и набатом. Отмерявший его жизнь, деливший ее на до и после. И снова, и снова.

Стояла отличная погода. Солнце, наконец, почувствовало свою власть, последние годы лето перестало быть похожим на лето, – так, краткий промежуток между холодной весной и дождливой осенью, несколько теплых деньков, которые изначально воспринимаются с отрешенной ностальгией.

Летом на город дул, в основном, южный, юго-западный ветер, и запах на время исчезал, город как бы всплывал из мутной болотной жижи, предаваясь краткому буйному цветению.

Андрей завернул в ближайший от работы бар с емким названием «Свобода», чтобы пропустить пару рюмок коньяка или бокалов отвертки.

Работа потеряла для него всякий смысл, и он писал статьи механически-автоматически, даже не понимая, о чем идет речь. Чтобы написать об очередном освежителе воздуха много ума не надо. Вообще ничего не надо. Он заходил в бар, заказывал выпивку, доставал из рюкзака ноутбук и строчил очередной опус.

Поначалу редактор не обращал внимание на его расхлябанный, помятый вид, красные глаза, небритость и другие приметы движения вниз по спирали. Все-таки как оно бывает: человек хлебнул горя, потерял что-то очень важное, но потом он встает, находит силы жить дальше и в чем-то даже превосходит самого себя. Это, конечно, в идеале.

На самом деле, Лезнер видел, что происходит. Он пытался поговорить с Андреем, впрочем, не он один. Гена, прожженный холостяк, пославший свои снимки на «World Press Photo», тоже был из тех, кто не прочь расслабиться после работы. Но не на работе, не в ущерб делу. Не доводя себя до крайности. Его палец не дрожал, нажимая на кнопку Кэнона, а по утрам он не бежал на кухню или в ближайшую пивную похмелиться.

Андрей не замечал происходящего вокруг, будто окружающая его реальность и он сам находились в разных мирах – он сам по себе, а реальность сама по себе. А где-то еще лежала

в коме Саша. Ей не становилось не лучше и не хуже, врачи не знали, что делать. К ней уже пускали, и Андрей приходил на полчаса-час два раза в неделю – читал сказки, рассказывал истории и новости: «У нас все хорошо, отличное лето, твой велик стоит на балконе, и мы с мамой ждем не дождемся, когда ты его оседлаешь!»

Он рассказывал ей, как все отлично и что друзья (особенно Петя) передают ей привет, очень ждут, когда она проснется. Он называл ее «Спящая красавица». Так и говорил – «Моя Спящая красавица». Потом целовал ее в лоб и уходил, глотая слезы.

Иногда ему казалось, что она слышит его, ее веки дергаются, пальчик вздрагивает, словно она видит сон, в котором бежит – и вот-вот проснется.

Тогда дыхание его учащалось, он начинал тараторить, вспоминая, что не побрился, не привел себя в порядок (в очередной раз) и клятвенно обещал, что...

Но она не просыпалась.

И никто не знал, что с этим делать. С ней постоянно занимались массажисты, поддерживая в тонусе мышцы тела, хотя, конечно этого было недостаточно. С Оксаной он не пересекался. Она попросила лечащего врача сделать так, чтобы они никогда не виделись. И даже если случайно они сталкивались в фойе, – его сердце начинало учащенно биться, он хотел броситься к ней, умолять о прощении и услышать от нее хоть одно слово, – она делала вид, что не знает его и сбегала в коридор.

Он зашел в бар, заказал по обыкновению отвертку и бутерброд. Так начинался его день. Потом еще пару отверток и если он в этот день не шел к Саше, то до вечера выпивал бутылку, а то и полторы, теряя человеческий облик. Лезнер перестал звать его на планерки, а потом сократил общение до минимума, давая тем самым понять, что не одобряет подобного образа жизни. Впрочем, не увольнял, давая минимум работы, но сколько еще так могло продолжаться?

Андрей открыл ноутбук, мутным взглядом окинул помещение.

Стас, молодой самоуверенный бармен, достал из холодильника бутылку водки и томатный сок в литровом пакете. В столь ранний час бар, как и весь город, был пуст, – молодежь предпочитала курорты и Москву, старики сидели по домам: жару и духоту, крайне редкие в средней полосе, мало кто хорошо переносил, предпочитая выбираться на улицы ближе к вечеру.

– Как дела, без изменений? – спросил Стас, смешивая коктейль.

Андрей кивнул.

– Как всегда. Все по-прежнему.

Бармен покачал головой.

– Что пишешь?

Андрей достал сигареты, закурил и выпустил дым в сторону выхода.

– Про кондиционеры, чтоб они сдохли.

– Да, наш почти сдох из-за такой жары.

– У вас все равно никого нет.

– Ты же ходишь. Осенью станет лучше.

– Я-то хожу... – неопределенно сказал Андрей.

Стас подвинул к нему бокал.

– Ты бы как-то поменьше этого, а? Смотри, шеф с работы выгонит.

– Ну выгонит и выгонит, пойду... – Андрей задумался. Куда он пойдет? В городе нет работы, он никому не нужен и ничего не умеет, кроме как писать – да и то, эти рекламные статьи, откровенная джинса. Каждый раз, приступая к очередному заданию рассказать про «новинку рынка», он испытывал физическое отвращение.

– Ага... куда ты пойдешь? – уловил его мысль бармен. – Разве что на ферму, там, говорят, всегда нужны работники. Да только вот работать за копейки, стоя каждый день по пояс в дерьме

– мало кто хочет. Учитывай, что еще добираться километров двадцать пять туда и обратно каждый день. Завязывай лучше, – подытожил он.

– Не... – протянул Андрей. – Алкоголь побежал по венам, в голове посветлело, проблемы слегка развеялись, а после второй отвертки и вовсе пропали. Ему стало хорошо и статья на удивление спорилась: паршивый текст про китайские кондиционеры он строчил со скоростью пулемета.

Он сделал открытие. Вернее, не сделал, а подтвердил давно произнесенное стариком Хемингуэем: «Пиши пьяным, редактируй трезвым». Ненавистные рекламные материалы, которые он теперь, в основном, писал, не казались совсем уж мертвыми, если капнуть на них сверху капельку спиртного.

Неделю назад его вызвал Лезнер, Андрей пришел с опозданием в два часа, прилично выпив, да еще и не сдав одну из немногих «нормальных» статей про городской водопровод, его плачевное состояние, ржавую воду в кранах и постоянные перебои с горячим водоснабжением – в последнее время ему почти не давали писать про городскую жизнь. Он срывал сроки, приходил на интервью выпившим, мог поругаться с собеседниками, а то и вовсе распустить руки – нервы шалили, он находился в постоянном напряжении, и, разумеется, страдала от этого, прежде всего, репутация портала.

– Андрей, – сказал Лезнер, хмуро глядя на журналиста из-под кустистых бровей. – Ты парень взрослый, поэтому не буду тебя учить. Нас с тобой многое связывает. Ты помогал мне открывать портал, писал в числе первых и часто делал это бесплатно. И я всегда тебе шел на встречу. Твои ставки выше других, ты получал самые интересные задания... – Он посмотрел в окно, – солнце покидало зенит, жара спадала, кондиционер натужно гудел и в кабинете было прохладно. Но Андрей почувствовал, как крупные капли пота ползут по его спине. – Я знаю, в какой ты ситуации, поверь, знаю...

Ни черта ты не знаешь, подумал Андрей, сжимая челюсти. Ты даже понятия не имеешь, в какой я ситуации. Ты сидишь в своем кожаном кресле, в просторном кабинете с кондиционером и думаешь, что видишь меня насквозь... ТЫ НИЧЕГО НЕ ЗНАЕШЬ!

ОН уже знал, что скажет Лезнер.

– ...с сегодняшнего дня я вывожу тебя за штат. Вчера мне позвонил генеральный директор «Водоканала» и отчитал меня как школьника. Я слушал его и не знал, куда деться от стыда. Такое со мной впервые. Понимаешь?

Андрей безучастно смотрел на редактора. Он понимал. Но что было сказать еще директору «Водоканала», этому жирному ухмыляющемуся коту с часами за пару миллионов рублей, после того как Андрей почти полдня выслушивал жалобы жильцов, которых водоканал попросту игнорировал. Забил болт на них. У многодетной семьи, живущей в двухэтажном бараке на улице Трофимова вот уже полгода вообще отсутствовала вода – и холодная и горячая. На трассе разорвало трубу, водоканал отказывался ее ремонтировать, объясняя, что труба к ним не относится, при этом не забывая собирать деньги за эту воду. Что мог сказать ему Андрей?

Что я мог ему сказать? Либо ты ремонтируешь эту чертову трубу, либо я позабочусь, чтобы твоя наглая морда оказалась там, где ей и положено быть.

– Я сказал, чтобы он постарался сделать эту трубу.

– Ну-ну. То-то он орал как резаный. Тебе включить запись? Хочешь послушать как орут чиновники, когда им что-то не нравится?

– Вы меня выгоняете? За то, что я...

– За то, что ты не бываешь трезвым. Посмотри на себя. Думаешь, дочь гордилась бы тобой?

– Давайте не будет про дочь.

– Андрей. Половина редакции на меня криво смотрит. Если тебе можно пить, значит и всем можно. Как бы ты поступил на моем месте?

Андрей промолчал.

– На тебе остаются рекламные материалы. Никуда не нужно ездить, можешь писать их дома и присылать. Поверь, так лучше для всех.

Андрей покачнулся.

– С тобой все в порядке?

– Да.

– Кстати... – Лезнер приподнял очки, разглядывая его словно впервые. – Ты писал статью про свалку... два года что ли назад? Или уже больше. Где она?

Андрей начинал писать ту статью. Он потратил на нее полторы или две недели, но... трагедия с Сашей отодвинула статью в долгий ящик, позже он хотел к ней вернуться, но так и не смог. Он не мог понять, почему – то ли недостаток фактов, то ли... какой-то безотчетный страх, о котором он никому не рассказывал. Как возвращаясь со свалки видел автобус, где они вообще не ходят, а внутри его... дочь со странными людьми. И... он вспомнил жутких псов, эту женщину, ее дочь, странный разговор между ними и потом... провал в памяти.

Он не мог заставить себя вернуться к этой статье.

– Ее нет.

Лезнер покачал головой.

– Жаль. Что ж... пошлю Филимонова из отдела расследований, может он что разузнает.

– Да, – ответил Андрей. – Лучше Филимонова. – И прошептал чуть слышно: – У него нет детей.

– Что? – встряхнул головой редактор. – Ты что-то сказал?

– Можно идти?

– Да, иди. Забеги в отдел кадров, подпиши бумаги и расчет получи заодно.

Андрей кивнул. На него накатила какая-то апатия, ему не хотелось ни спорить, ни ругаться – к тому же... по сути Лезнер был прав. А он... он будет продолжать кропать рекламную джинсу, благо за это хорошо платят, и по вечерам стоять под окнами Сашиной палаты, мысленно с ней общаясь.

Он давно с ней общался мысленно – привык; она почти всегда отвечала ему, причем делала это так, как сделала бы настоящая Саша, *реальная*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.